

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В БЕЛОРУССИИ**

«НАУКА И ТЕХНИКА»

583059
Ф = 63.3(46em)334-4/4
+
СВ
АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР

Институт истории

Э. М. САВИЦКИЙ

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В БЕЛОРУССИИ
(август 1914 — февраль 1917 гг.)**

Научный редактор

член-корреспондент АН БССР

К. И. Шабуня

Принято 2002 г.

БНФР

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1984

ББК 63.3(2Б)524

С13

Рецензенты:

А. П. Игнатенко, доктор исторических наук, профессор,
З. Е. Абезгауз, Г. Б. Воткович, Я. Ю. Нестерович,
кандидаты исторических наук

Савицкий Э. М.

С13 Революционное движение в Белоруссии (август
1914 — февраль 1917 гг.) / Науч. ред. К. И. Шабуня.
— Мн.: Наука и техника, 1981.— 182 с.

70 к

Книга содержит обширный материал о состоянии промышленности и сельского хозяйства Белоруссии в годы первой мировой войны, обнищании населения, назревании революционного кризиса, завершившегося буржуазно-демократической революцией. Анализируется деятельность партийных организаций, прослеживается рост революционной и политической сознательности трудящихся, активизация их борьбы с царизмом.

10604—049
С1—13—81
МЗ16—81

0505040000

ББК 63.3(2Б)524
9(С)176

© Издательство «Наука и техника», 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое и общественно-политическое развитие системы мирового капитализма привело к тому, что с наступлением империалистической стадии Россия стала центром мирового революционного движения. Ни в одной стране не были так остры классовые противоречия, а революционное движение не достигало такой напряженности и накала, как в России. В начале XX в. страна переживала глубокий революционный кризис, который привел к народной революции 1905—1907 гг. С 1910 г. нарастал новый революционный кризис, который углубила и невиданно обострила первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г. В этой связи большой интерес представляет изучение классовых битв народов России в период первой мировой войны, явившейся, по выражению В. И. Ленина, тем крутым историческим поворотом, на котором телега залитой кровью и грязью романовской монархии опрокинулась сразу¹. «Война,— отмечал В. И. Ленин,— создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрого и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»².

Первая мировая война, явившаяся могучим ускорителем революционного движения³, привлекала и привлекает пристальное внимание ученых. Белорусские историки и экономисты также, особенно в послевоенное время, неоднократно обращались к изучению истории Белоруссии этого периода. Специальных работ, правда, не имеет-

ся, но революционное движение и перемены в социально-экономической жизни Белоруссии в годы войны рассматриваются в ряде монографий и статей, посвященных изучению судеб белорусского народа в начале XX в. В той или иной мере эти вопросы освещены в коллективных трудах «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1, изд. 2-е (Мн., 1968), «Гісторыя Беларускай ССР», т. 1 (Мн., 1955), «История Белорусской ССР», т. 1 (Мн., 1961), «Гісторыя Беларускай ССР», т. 2 (Мн., 1972), «Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900—1917 гг.» (Мн., 1963), «Победа Советской власти в Белоруссии» (Мн., 1967), а также в работах Т. Е. Солодкова⁴, Л. П. Липинского и Е. П. Лукьянова⁵, Е. И. Бугаева⁶, А. А. Кузнецова⁷, И. И. Саладкова⁸, Л. П. Липинского⁹.

Ряд ценных материалов по истории революционного движения в Белоруссии содержится в работах советских историков, посвященных рассматриваемому периоду в целом по России. Из них следует прежде всего назвать монографии А. М. Анфимова¹⁰, А. Б. Беркевича¹¹, Я. Крастыня¹², Ф. А. Романова¹³, О. Чаадаевой¹⁴.

В предлагаемой работе предпринимается попытка показать на конкретном материале действительную глубину революционного кризиса, силу и размах классовой борьбы белорусского народа против царизма, буржуазии и помещиков в годы войны. Особое внимание уделяется раскрытию деятельности большевиков по упрочению союза рабочего класса и крестьянства, мобилизации трудящихся масс на революционную борьбу.

Методологической основой исследования явились произведения К. Маркса и В. И. Ленина, решения и постановления центральных органов партии по изучаемому периоду.

Монография построена на базе опубликованных и неопубликованных документов партийных организаций, воспоминаний участников движения, периодических изданий, материалов сельскохозяйственных и поземельных переписей. Многие источники почерпнуты из местных и центральных архивов и впервые вводятся в научный оборот. Материалы о революционном движении сосредоточены преимущественно в фондах Департамента полиции, Министерства торговли и промышленности, фабричных инспекторов, полицейских и жандармских

управлений. При подсчете крестьянских выступлений использованы также материалы помещичьих и казенных имений, лесничеств, судов, волостных правлений и др. О ярко выраженной тенденциозности этих источников говорить не приходится, автор использовал их критически, следуя указанию В. И. Ленина о том, что «мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения»¹⁵.

Обширный круг источников позволил автору уточнить ряд моментов, восполнить пробелы в изучении упадка промышленности и сельского хозяйства, назревания продовольственной катастрофы, глубже осветить революционную борьбу рабочих, крестьян и солдат.

В процессе работы была собрана картотека революционного движения в годы войны, на основании которой и составлены таблицы, характеризующие количество выступлений, их характер и размах по губерниям и в целом по Белоруссии. По рабочему движению учитывались и записались на карточки все случаи стачек, их продолжительность, количество участников, характер требований рабочих. При отсутствии в источниках данных о количестве стачечников, продолжительности, потере человеко-дней, результатах стачек автор не прибегал к косвенным подсчетам, оговаривая неполноту тех или иных сведений в каждом конкретном случае. В подсчеты включены все стачки на каждом самостоятельном заведении (завод, фабрика, типография, мастерская, булочная, мельница и т. п.). Повторные стачки учитывались как новые. Если источник указывает, что, например, «бастуют сапожники», то каждый такой случай учтен как две стачки. Стачки, длившиеся несколько месяцев, относились к месяцу их возникновения. Все стачки по своему характеру разделены на экономические, политические и смешанные. К экономическим отнесены стачки, в ходе которых выдвигались требования об увеличении зарплаты, сокращении рабочего дня, отмене штрафов, открытии продовольственных лавок, улучшении социально-экономического положения рабочих. Если работы прекращались в связи с празднованием 1 Мая, в память 9 Января 1905 г., в знак протеста против арестов и штрафов за участие в революционном движении, в связи с выдвиганием требований свободы собраний, демонстраций, профсоюзов и т. д.,

то такие стачки учитывались как политические. К смешанным отнесены стачки, в ходе которых экономические требования сочетались с политическими.

По крестьянскому движению в подсчеты включались лишь групповые, совершенные 10 и более крестьянами, и массовые случаи выступлений. Случаи сопротивления властям и полиции, совершенные на основе других форм выступлений (порубок, потрав), учитывались самостоятельно. Также лишь групповые и массовые случаи учитывались и по революционному движению в армии.

Статистика революционного движения включает только случаи выступлений, имевшие место на территории Белоруссии в ее нынешних границах. Большинство материалов по социально-экономическому положению, за исключением данных о сборе и потреблении хлебов, среднегодовой заработной плате и изменениях личного землевладения, также касаются лишь территории белорусских уездов.

Монография рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, пропагандистов, всех, кто интересуется историей Белоруссии.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
ТРУДЯЩИХСЯ БЕЛОРУССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Первая мировая война разразилась в июле 1914 г. Она была порождена противоречиями империализма. В. И. Ленин указывал, что неравномерность экономического и политического развития есть непреложный закон капитализма. Поэтому постоянно меняется соотношение сил между капиталистическими государствами. В силу закона неравномерности экономического и политического развития в начале XX в. Германия и США выдвинулись в развитии промышленного производства и стали требовать расширения «сфер влияния». Они начали теснить Англию и Францию, которые к концу XIX в. захватили большинство колоний и, разумеется, без боя не собирались уступать своих позиций. «Такие вопросы,— указывал В. И. Ленин,— в этом мире капиталистов не решаются добровольно. Это может быть решено только войной»¹.

Наиболее хищническим являлся германский империализм, который нашел себе в лице Австро-Венгрии и Италии союзников для борьбы за передел мира. В противовес Тройственному союзу возникла группировка государств Антанты, куда вошли Англия, Франция и Россия, которые имели свои захватнические планы.

В империалистическую войну постепенно было втянуто 28 государств с населением около полутора миллиардов человек, в армии было мобилизовано свыше 70 млн. человек. Война приняла мировой характер.

Действительные причины и цели войны были вскрыты в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». В нем говорилось: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудя-

щихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»².

Первая мировая война принесла России громадные разрушения, вызвала развал в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, к концу войны страна потеряла 60% национального богатства³. Особенно губительное влияние оказала война на хозяйство тех районов, которые оказались в прифронтовой зоне и стали ареной боевых действий. К числу таких районов относилась и Белоруссия.

Экономика Белоруссии стала испытывать большие трудности уже с первых месяцев военных действий на фронте. Массовые мобилизации, трудности в снабжении топливом, сырьем и материалами в связи с перегруженностью транспорта военными перевозками привели к закрытию многих промышленных предприятий. За первые полгода войны закрылось более 200 предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, а промышленное производство снизилось не менее чем на 20%. В последующий период упадок в промышленности, особенно в отраслях, которые не были приспособлены для выработки военной продукции, был еще большим. К началу 1918 г. число ценовых предприятий сократилось на 65%, а количество рабочих в них — на 37%⁴. Урон, который нанесла война промышленности Белоруссии, был гораздо большим, чем в других районах. За 1913—1916 гг. в целом по России количество промышленных предприятий сократилось только на 7,5%, а объем валовой продукции даже возрос на 21%. Численность пролетариата за эти годы увеличилась на 8,5%⁵. Война вызвала полное расстройство железнодорожного и речного транспорта, коммунальных предприятий, финансов. Ко времени Февральской революции официальный курс рубля снизился до 55 коп., а его покупательная способность — до 27 коп.⁶

В то же время в промышленности Белоруссии, как и в промышленности всей России, происходили процессы, сыгравшие немаловажную роль в характере и особен-

ностях борьбы пролетариата с царизмом и буржуазией в годы войны. Получение громадных прибылей от военных поставок способствовало сосредоточению капиталов и промышленного производства в руках небольшого числа монополистических объединений, что вело к концентрации пролетариата на крупнейших предприятиях. Если в 1913 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 100 человек было занято 49,5% рабочих и служащих ценовой промышленности Белоруссии, то в 1917 г. — уже 62,4%⁷.

В развитии революционной активности белорусского пролетариата несомненную роль сыграли русские кадровые рабочие, которые работали на территории Белоруссии в годы войны на промышленных предприятиях земского и городского союзов, а также на предприятиях, эвакуированных в Белоруссию из западных районов России.

Наряду со значительным численным сокращением в составе рабочего класса произошли и заметные качественные изменения. Мобилизация в армию кадровых рабочих и стремление предпринимателей к расширению эксплуатации более дешевого женского и детского труда привели к увеличению на промышленных предприятиях числа женщин и подростков. В трех белорусских губерниях (Витебской, Минской и Могилевской) удельный вес женщин на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, повысился с 29,4% в 1913 г. до 39,9% в 1916 г., а детей и подростков — соответственно с 16,8 до 18,5%. Таким образом, женщины, дети и подростки до 17 лет составляли на предприятиях этих губерний к концу 1916 г. 58,4% общего числа рабочих⁸. Эта часть рабочих, конечно, не обладала ни опытом классовой борьбы, ни высокой революционной активностью, которые были присущи кадровым рабочим, ушедшим в армию. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в состав рабочих вошло много мелкобуржуазных элементов города и деревни, стремившихся на промышленные предприятия за получением брони от призыва в армию. «Со времени войны, — отмечал В. И. Ленин, — фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде»⁹. Эти качественные изменения в составе рабочих во многом определили и забастовочную борьбу пролетариата

Белоруссии в годы войны, которая носила экономический характер.

В деревне империалистическая война легла тяжелым бременем прежде всего на плечи беднейшего и среднего крестьянства, ускорив, во много раз процесс классовой дифференциации.

Исключительная острота аграрно-крестьянского вопроса в революционном движении в России накануне войны объяснялась особенностями существовавших в стране форм земельной собственности. «Коренное противоречие...— писал В. И. Ленин в 1912 г. в работе «Сущность «аграрного вопроса в России»»,— есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим. Нельзя выйти из этого положения без крутой ломки старого *землевладения*»¹⁰. И в начале XX в., когда капитализм в России в своем развитии достиг значительных успехов, землевладение сохраняло крепостнический характер. В России 30 тыс. помещиков держали в своих руках около 70 млн. дес. земли, примерно столько же, сколько 10 млн. крестьянских дворов¹¹.

Крупные латифундии господствовали во всем землевладении Белоруссии. Статистика землевладения 1905 г. учла в Белоруссии в ее современных границах 18 212 546 дес. земли. 57% всей земельной площади находилось в частном владении, преимущественно у помещиков, а крестьянские наделные земли составляли только 33,2%. Остальные 9,8% земельной площади принадлежали казне, духовенству, членам царской семьи, учреждениям и др.¹²

Подавляющая часть частновладельческих земель — 89,6% — находилась в личном владении, а 10,4% — в собственности преимущественно крестьянских обществ и товариществ. Личная поземельная собственность была сосредоточена главным образом в руках дворянства — 80,2%. У крестьян на правах личной собственности находилось только 6,8% земель. Остальные 13% принадлежали прочим сословиям. Однако «гвоздь» аграрного вопроса заключался все же не в этом, а в том, что в частном землевладении ведущая роль принадлежала крупнейшим полукрепостническим латифундиям, что прида-

пало особую остроту классовой борьбе в белорусской деревне.

Отличительной особенностью землевладения в Белоруссии, как и в целом по России, являлось уменьшение дворянского землевладения и увеличение бессословного буржуазного землевладения. В. И. Ленин указывал, что в России «убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот»¹³.

Как видно из табл. 1, за период с 1905 по 1917 г. землевладение дворян и кулаков, имевших по 20—500 дес., увеличилось на 28,7%, а землевладение крупнейших помещичьих латифундий размером свыше 500 дес. сократилось за этот же период на 25,3%. Причем особенно быстро теряли свои земли владельцы имений свыше 10 тыс. дес., у них убыль земель составила 38,6%. Несмотря, однако, на значительное сокращение крупного землевладения, оно сохранило свои основные позиции и продолжало играть ведущую роль в землевладении Белоруссии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В 1917 г. из 36 339 было только 1105 владений свыше 500 дес., или 3%, но они держали в своих руках 2838,6 тыс. дес., или 71,9% всей личной поземельной собственности. На одно такое владение приходилось в среднем 2570 дес. В то же время в первых двух группах владельцев земли, преимущественно крестьян, составлявших в 1917 г. 64,6% всех хозяйств, приходилось на 1 двор только 8,9 дес. «Один землевладелец, имеющий 2000 десятин земли,— писал В. И. Ленин, характеризуя землевладение в России в 1917 г.,— и триста крестьянских семей, имеющих 2000 десятин земли. Таково, на круг, положение дела в России»¹⁴.

Наиболее обширным было крупное землевладение в Минской губернии. Здесь в руках 688 латифундий находилось 2125,4 тыс. дес., т. е. 76,3% всей личной земельной собственности. В Могилевской губернии владельцам свыше 500 дес. принадлежало 61,2% личной земельной собственности.

Фактически же концентрация земель была гораздо большей, чем это показывает официальная статистика

Таблица 1

Распределение личной поземельной собственности в 14 уездах Минской и Могилевской губерний в 1905 и 1917 гг.*

Группы владений	1905 г.					1917 г.					1917 г. в % к 1905 г.	
	число владений	тыс. дес.	%		на 1 владение приходилось дес.	число владений	тыс. дес.	%		на 1 владение приходилось дес.	владений	дес.
			владений	дес.				владений	дес.			
До 10 дес. включительно	7583	41,9	36,3	0,9	5,5	15 335	82,2	42,2	2,1	5,3	202,2	196
10—20 дес.	4304	68,0	20,7	1,5	15,8	8130	126,4	22,4	3,2	15,5	188,8	186
20—100 дес.	5782	252,7	27,7	5,5	43,7	9409	369,1	25,8	9,3	39,2	162,7	146
100—500 дес.	1978	446,9	9,5	9,7	225,9	2360	531,8	6,5	13,5	225,4	119,3	119
500—1000 дес.	500	348,9	2,4	7,6	697,8	512	348,9	1,4	8,8	681,4	102,4	100
1000—5000 дес.	561	1148,7	2,7	24,9	2047,6	479	963,4	1,3	24,4	2011,2	85,3	83,8
5000—10 000 дес.	69	469,5	0,3	10,2	6804,3	57	402,7	0,2	10,2	7065	82,6	85,7
Свыше 10 000 дес.	82	1829,8	0,4	39,7	22 314,6	57	1124,8	0,2	28,5	19 733	69,5	61,4
Итого	20 859	4606,4	100	100	220,8	36 339	3949,3	100	100	108,6	—	—
Всего 20—500 дес.	7760	699,6	37,2	15,3	90,1	11 769	900,9	32,3	22,8	76,5	151,6	128,7
Свыше 500 дес.	1212	3796,9	5,8	82,4	3132,7	1105	2839,8	3	71,9	2570	91,1	74,7

* Таблица составлена на основании статистики землевладения 1905 г. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 395, оп. 2, д. 3577 е, л. 14—16; д. 3577 ж, л. 118—129. Минская губерния без Бобруйского, Новогрудского и Пинского уездов, Могилевская — без Мстиславского, Оршанского и Сенненского уездов.

землевладения, которая все крупнейшие владения свела в одну общую группу «свыше 10000 десятин». Так, в Минской губернии семье князей Радзивиллов принадлежало 265 678 дес. земли, Ф. С. Агарков имел 135 768 дес., более чем по 50 тыс. дес. имели М. А. Потоцкий, Т. К. Потоцкий, В. Ф. Пусловский и М. М. Маркварт. Всего же в Минской губернии в 1914 г. 59 владельцев латифундий размером свыше 10 тыс. дес. держали в своих руках 1 434 533 дес. земли, т. е. более 1/4 всей личной поземельной собственности в губернии. Такие же обширнейшие владения имелись и в Могилевской губернии. У графини С. И. Чернышевой-Безобразовой была 91 тыс. дес. 74 900 дес. принадлежало княгине И. И. Паскевич, 33 239 дес.— В. Е. Любомирскому и т. д. В целом по губернии 10 крупнейших помещиков владели 255 331 дес., т. е. на одно хозяйство приходилось в среднем свыше 25 тыс. дес. земли ¹⁵.

Не менее важно изучение вопроса о латифундиальном землепользовании, т. е. о способах эксплуатации помещиками посредством находящихся в их распоряжении обширнейших земельных площадей бедняцких и середняцких масс деревни. В. И. Ленин писал в 1912 г., что на громаднейших участках земли, свыше 500 дес., почти невозможно или крайне трудно в большинстве местностей России ведение крупного хозяйства, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом. Неизбежной при таком положении дела являлась «старая барщинная система, т. е. существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина» ¹⁶. Это обстоятельство усиливало и обостряло борьбу крестьян за передачу им помещичьих земель.

Изучение помещичьего землепользования в Белоруссии затруднено отсутствием источников. Массовые данные, позволяющие в какой-то мере разрешить этот вопрос, впервые были получены только в результате общероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Но материалы этих переписей сохранились не полностью, и содержат они далеко не все необходимые сведения в отношении помещичьего землепользования. Например, такой важнейший момент, как способ обработки той части земли, на которой велось собственное помещичье хозяйство, выяснить, за редким исключением,

фактически невозможно. Для исследования нами выделена группа личных владений размером 100 дес. и выше. Подсчет проведен по 1339 владениям Виленской, Минской и Могилевской губерний. В этих владениях насчитывалось около 1,5 млн. дес. земли, что составляло примерно 1/5 личной поземельной собственности, учтенной в этих губерниях статистикой землевладения 1905 г. Наиболее полно в этих подсчетах представлены частновладельческие хозяйства Минской губернии — 950, или около половины. По Виленской губернии подсчеты проведены по Вилейскому и Дисненскому уездам по 327 имениям, или почти по 3/4 частновладельческих хозяйств размером свыше 100 дес. По Могилевской губернии сохранились переписные бланки только по 62 крупнейшим владениям размером свыше 300 дес.¹⁷ Итоги подсчета показывают, что полностью собственное хозяйство вели только 528 помещиков (39,4%) (менее чем на 1/3 пашни). 31,2% помещиков эксплуатировали свои земли путем сдачи имений в аренду целиком, почти половина пахотных земель эксплуатировалась смешанным способом: часть земли владелец обрабатывал сам, часть сдавал в аренду. Это было особенно характерно для Минской губернии, где преобладали крупнейшие владения. Смешанным способом здесь эксплуатировалось 46,9% пашни. Вот некоторые примеры. По владениям князей Радзивиллов сохранились переписные бланки по 68 имениям и фольваркам, в них насчитывалась 78 301 дес. земли (в основном удобной), из них пашни было 14 228 и сенокоса 10 657 дес. Собственная запашка велась в 17 имениях и фольварках на площади 6250 дес., остальные 7978 дес. пашни (56%) сдавались в аренду. Сенокоса сдавалось в аренду 7800 дес. (73,2%).

В принадлежавшем помещику А. А. Ваньковичу имении Корытно Бобруйского уезда насчитывалось 12 тыс. дес. земли, в том числе пашни 1800 и покоса 2900 дес. В этом имении 1625 дес. пашни сдавалось в аренду, а в одном фольварке площадью 175 дес. велась собственная запашка.

В имении Рудобелка Бобруйского уезда насчитывалось 7165 дес. удобных земель, пашни 818 и покоса 1020 дес. В аренду сдавался 1 фольварк (150 дес. пашни), а на остальных землях велось собственное хозяйство.

В латифундии А. И. Шевича (Ивановск Игуменского

уезда) имелось 20 245 дес. земли, в том числе пашни 6082 и покоса 9075 дес. Собственная запашка велась на 786 дес., а 5296 дес. сдавались в аренду. В латифундии Толкачевичи, принадлежавшей помещику Г. А. Грабовскому, из 9272 дес. удобных земель пашня составляла 2257 и покос — 827 дес. 1717 дес. сдавалось участками в 50—200 дес. 22 арендаторам, остальные 540 дес. были заняты собственными посевами и под паром. Такая же картина наблюдалась в Виленской и Могилевской губерниях. Правда, здесь подобный способ эксплуатации земель был распространен несколько меньше. В Могилевской губернии он составлял 42,4%, а в Виленской — 35,9%.

Собственное хозяйство помещики вели на 56,4% всей пашни. Источники, как отмечалось выше, за небольшим исключением, не содержат необходимых сведений о способах обработки этой части пашни. И только наличие почти во всех изученных имениях значительного числа наемных рабочих, разнообразного сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, торгово-промышленных предприятий позволяет предполагать, что помещичье хозяйство в значительной мере было организовано на капиталистических началах. В имении Остерманск Рогачевского уезда общая площадь земель составляла 2323 дес. По составу угодий эти земли делились следующим образом: усадьба, сад и огород — 45 дес., пашня — 485, сенокос — 704, лес — 880 и неудобные земли — 209 дес. При имении были 2 винокуренных, дрожжевой и молочный заводы, кузница и колесная мастерская. Сельскохозяйственный инвентарь состоял из 24 плугов (двуконных — 21 и многоконных — 3), 12 запашников, 22 борон, 2 сеялок, 3 жнеек, 3 косилок, 2 конных граблей, сортировки, паровой молотилки и др. Стадо состояло из 287 голов скота, в том числе было 72 рабочих лошади, 12 волов, 88 дойных коров и 43 теленка. Хозяйство велось с помощью наемных рабочих и служащих, которых насчитывалось 63 человека. Кроме того, в период уборочных работ нанималось некоторое количество сезонных рабочих. С 1895 г. в имении была введена 10-польная система полеводства, в качестве удобрения применялся навоз, на 1 дес. вносилось под рожь 1800 пудов, под картофель и вику — по 2000 пудов. В хозяйстве ежегодно выращивались хорошие урожаи: сбор ржи с 1914 по 1916 г. соста-

вил в среднем 132 пуда с десятины, картофеля — 1000 и овса — 95 пудов.

В соседнем имении Рогин насчитывалось 1408 дес. удобных земель, из которых сад, огород и усадьба занимали 36 дес., пашня — 582, сенокос — 235 и лес — 528 дес. Здесь также имелось несколько промышленных заведений — винокуренный, кирпичный и смолокуренный заводы, водяная мельница, кузница и бакалейная лавка. Стадо насчитывало 363 головы скота, в том числе лошадей — 84, дойных коров — 150, телят и бычков — 68. Довольно значительным был и сельскохозяйственный инвентарь: 50 двуконных плугов, 12 запашников, 20 буккеров, 48 железных борон, 6 сеялок, 8 жнеек, 2 косилки, 1 сноповязалка, 4 конных граблей, паровая и конная молотилки, 5 веялок, 2 сортировки, 1 соломорезка, 25 телег, 20 саней и др. В имении все 90 рабочих были годовыми, причем в помощь 60 полевым рабочим нанималось 25 сезонных. В хозяйстве были введены 10-полные севообороты, наряду с навозом применялись и искусственные удобрения: ежегодно выписывалось 2 вагона калийных солей и 300 пудов кровяной муки. Условия военного времени почти не отразились на хозяйстве. Правда, на 40% сократились посевы картофеля, но зато посевная площадь под овсом осталась на прежнем уровне, а под рожью даже увеличилась на 16%.

Помещику Войниловичу в Слуцком уезде Минской губернии принадлежало 4 имения с общей площадью 4703 дес. Под усадьбами была занята 71 дес., пашней — 1410, сенокосом — 1600 и лесом — 2350 дес. Во всех имениях работало 100 годовых рабочих и служащих и 35 членов их семей. Скота насчитывалось 303 головы, из них 85 лошадей, 24 вола, 32 дойные коровы. Сельскохозяйственный инвентарь состоял из 34 плугов, 43 борон, 4 сеялок, 3 жнеек, 2 косилок, 1 паровой и 1 конной молотилок, 3 веялок, 3 соломорезок и 1 картофелекопалки.

В принадлежавшем помещику С. В. Свиду имении Гливин Борисовского уезда всех земель насчитывалось 4955 дес., из них 1265 дес. было занято под пашней и 360 дес. — под сенокосом. Здесь числилось 45 годовых рабочих. Из 134 членов их семей 44 человека также были заняты на работах в имении. Стадо скота насчитывало 210 голов, в том числе лошадей рабочих — 39, коров дойных — 71. Инвентарь состоял из 311 плугов, 6 борон,

3 сеялок, 3 жнеек, 3 косилок, 1 конной молотилки, 2 веялок, 2 соломорезок, 1 жмыходробилки.

Однако в условиях господства крупнейшего помещичьего землевладения и острого безземелья крестьян капиталистические отношения в земледелии были опутаны густой сетью крепостнических пережитков. Для эксплуатации крестьян помещики использовали острейшую нужду прежде всего в сенокосах и пастбищах. Многие помещики все свои угодья до посевов и после уборки урожая и скоса трав, а также леса и кустарники сдавали крестьянам под пастбища и прогоны. Мы располагаем сведениями, к сожалению, только по имениям Могилевской губернии (по остальным губерниям переписные бланки таких данных не содержат). Из 56 помещиков 22 сдавали свои угодья под пастбища и прогоны крестьянам окрестных деревень (13 — за отработки и 9 — за деньги).

В имении помещика В. А. Вязьмитинова (Рогачевский уезд) насчитывалось 3978 дес. земли, в том числе пашни — 441 и сенокоса — 2200 дес. Хозяйство велось капиталистическим способом. В имении имелись винокуренный завод, паровая мельница, 3 завода племенного скота — конный, рогатого скота и птицы. 23 дес. пашни и 452 дес. покоса с 1913 г. сдавались арендатору, а остальная пашня обрабатывалась наемными рабочими (43 годовых и 25 сезонных) и своим инвентарем (24 плуга, 16 борон, 2 сеялки, 2 жнейки, 2 косилки и т. д.). И в то же время помещик сдавал под пастбища и прогоны крестьянам свои угодья за отработки.

43,6% помещичьей пашни находилось в аренде. Для определения крупной аренды нами выделена группа арендаторов пашни участками в 20 дес. и больше. Оказалось, что в руках крупных арендаторов находилось 76,7% пашни. Наибольшее развитие крупной аренды наблюдалось в Виленской и Могилевской губерниях — соответственно 87,4 и 86,9%. В Минской губернии она была развита слабее — 73,5%. На долю мелкой голодной аренды крестьян даже в условиях массового отлива рабочих рук из деревни и резкого сокращения спроса на помещичьи земли приходилось 23,3% всей арендованной пашни. Это показывает острую нужду в деревне в земельных угодьях. Не приходится преуменьшать и степень распространения испольной аренды. Из всей сданной паш-

ни из доли было сдано 7,8%. Наиболее распространенной формой аренды была в Виленской (17,2%) и Могилевской (13,4%) губерниях и менее — в Минской (5,4%). Из сенокосов издольно и за отработки сдавалось 19,6% (Могилевская — 26,8, Виленская — 16,8 и Минская — 16). А «испольщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой тоже прямое переживание крепостничества»¹⁸.

Таким образом, в Белоруссии, как и в целом по России, отличительной особенностью помещичьего землевладения являлось резкое несоответствие размеров землевладения размерам ведущегося на этой земле хозяйства. Значительная часть помещичьих земель обрабатывалась инвентарем мелких крестьян.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве усиливало процесс классового расслоения крестьянства. «...Вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия, — указывал В. И. Ленин, — состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения»¹⁹. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин подразделял крестьянство России начала XX в. на 3 основных группы: 1) разоренную, задавленную крепостнической эксплуатацией бедноту, 2) среднее крестьянство, 3) крестьянскую буржуазию, кулачество²⁰. По землевладению к бедноте В. И. Ленин относил крестьян, имеющих до 15 дес., к середнякам — 15—20 и к кулачеству — свыше 20 дес. на двор. При такой группировке в Белоруссии, согласно данным статистики землевладения 1905 г., малоземельные составляли подавляющее большинство крестьян — 82,5% хозяйств. Если учесть, что в условиях Белоруссии лишь надел в 15—20 дес. мог обеспечить ведение самостоятельного хозяйства²¹, то оказывается, что здесь ниже этой черты стояли 4/5 крестьянских дворов. Причем 42,6% всех хозяйств имели до 8 дес. на двор. Об этой группе крестьян В. И. Ленин писал, что «все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»²².

Весьма неустойчивым было положение середняков, которые составляли 28% дворов²³. Лишь немногие из них при благоприятных условиях могли более или менее удачно сводить концы с концами. А в голодные неурожайные годы средний слой крестьянства Белоруссии разорялся, пополняя собой ряды сельских пролетариев и полупролетариев.

Кулачество составляло в Белоруссии 11% всех крестьянских дворов²⁴, но оно держало в своих руках 18,1% надельных земель. В среднем на один кулацкий двор приходилось 23,7 дес., но были хозяйства «чумазных лендлордов» размером и до 400 дес.

Еще более неравномерно распределялись купчие земли. Основная масса этой категории земель была сосредоточена в руках наиболее состоятельной части деревни. Данные статистики землевладения 1905 г. свидетельствуют, что из 630,1 тыс. дес. земли, находившейся в личной собственности крестьян, 517,4 тыс. дес., т. е. более 4/5 всей купчей земли, было сосредоточено во владениях размером свыше 20 дес.

Развитие капитализма в Белоруссии значительно ускорило после первой русской революции. Новым этапом политики царизма в деревне, еще более усилившим процесс разложения крестьянства на пролетариев, полупролетариев и сельскую буржуазию, явилась столыпинская аграрная реформа. Суть этой реформы заключалась в том, чтобы «во что бы то ни стало попытаться расколоть крестьянство и создать из него слой «новых помещиков», зажиточных крестьян-собственников, которые бы *«не за страх, а за совесть»* защищали от массы спокойствие и неприкосновенность помещичьих огромных имений, немножко-таки пострадавших все же от натиска революционных масс в пятом году»²⁵. Результаты столыпинской аграрной реформы в целом были весьма незначительны²⁶. Тем не менее эта реформа немало содействовала разорению крестьянства и укреплению в деревне позиций кулачества.

Первая мировая война еще больше углубила процесс расслоения крестьянства. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., в 23 неоккупированных белорусских уездах к лету 1917 г. насчитывалось 55 553 безземельных крестьянских хозяйства, что составляло 9,1% общего числа дворов (табл. 2).

Таблица 2

Безземельные крестьянские дворы в Витебской, Минской
и Могилевской губерниях в 1917 г*

Губерния	Количество крестьянских дворов		% безземельных дворов
	всего	безземельных	
Витебская	82 696	3 385	4,1
Могилевская	255 441	19 712	7,8
Минская	271 559	32 456	11,9
Итого	609 696	55 553	9,1

* Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и похозяйственной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Труды ЦСУ, т. V, вып. 2. — М., 1923, с. 6—13, 54, 61, 206—213.

Процент безземельных крестьянских хозяйств, как и следовало ожидать, был наиболее значителен (11,9) в Минской губернии, где капиталистические отношения в земледелии достигли особенно высокого уровня. Меньше всего безземельных дворов было в Витебской губернии — 4,1%. В Могилевской губернии эти дворы составляли 7,8%. Процент беспосевных крестьянских хозяйств здесь был еще выше и составлял 9,7 общего количества крестьянских дворов²⁷. Значительное число крестьян вообще покинуло деревню. Так, в Витебской губернии количество так называемых отсутствующих дворов увеличилось с 2,4% в 1907 г. до 7,4% в 1917 г.²⁸

По мере развития капиталистических отношений, расслоения крестьянства и концентрации земель в руках кулачества, а также роста населения постепенно уменьшалось количество надельной земли, приходящееся в среднем на 1 двор. Количество надельной земли в расчете на 1 двор уменьшилось с 13,8 дес. в 1877 г. до 6,8 дес. в 1917 г., т. е. в 2 раза²⁹. Особенно плохо были обеспечены надельной землей крестьяне Могилевской губернии. Здесь средний надел составлял в 1917 г. только 6,1 дес. Наибольшим он был в Витебской губернии — 7,5 дес. Еще хуже были обеспечены крестьяне пахотными землями. В 1917 г. средний размер пашни на 1 хозяйство составлял только 3,7 дес. Размеры купчих земель у крестьян из года в год увеличивались, но они явно не соответствовали общему росту числа дворов, и обеспеченность

крестьянских хозяйств наделной и купчей землей в среднем на 1 двор уменьшалась, составив в 1917 г. только 72% против 1877 г. Однако процесс потери крестьянами земель происходил далеко не равномерно. Лишались земли преимущественно беднейшие слои деревни. Их земля, как правило, попадала в руки сельских богачей. Поэтому средние цифры не могут дать действительной картины землевладения крестьян. Наиболее верным является способ группировки крестьянских дворов по размерам владений. Что касается наделных земель, то из-за отсутствия необходимой статистики дать такую группировку за 1917 г. не представляется возможным. Не вызывает, однако, сомнений, что к этому времени неравномерность распределения наделных земель была еще большей, чем в 1905 г. Относительно распределения к 1917 г. купчих земель мы располагаем сведениями по 15 уездам Минской и Могилевской губерний. Они представлены в табл. 3.

Первые три группы владельцев небольших земельных участков размером до 20 дес. (преимущественно крестьяне) составляли 2/3 общего числа дворов, но у них находилось только 5% общей земельной площади. В Минской губернии 15 062 крестьянских двора (64,2% общего количества) владели участками до 20 дес. Причем хозяйства с наделом до 10 дес. составляли 42,8%, а земли у них было только 1,6%. В Могилевской губернии число дворов, владевших купчей землей до 20 дес., было еще большим и составляло 67,9%, а владения до 10 дес. составляли 45,1%.

Еще более наглядно процесс классового расслоения деревни и обнищания подавляющей части крестьянства Белоруссии показывают данные о распределении крестьянских дворов по размерам посева и количеству скота (табл. 4).

В Витебской губернии беднейшие крестьянские хозяйства без посева и с посевом до 4 дес. составляли 66,2%, т. е. 2/3 общего числа дворов. Распределение лошадей между крестьянскими дворами этой губернии также свидетельствует о глубоком расслоении деревни и преобладании в ней беднейших хозяйств. Безлошадные и однолошадные крестьяне составляли подавляющую часть — 74,2%. Это были «либо совсем разоренные, либо неимущие крестьяне. Мы называем их деревенской бед-

Таблица 3

Распределение личной земельной собственности в 15 уездах Минской и Могилевской губерний по группам владений в 1917 г*

Группы владений	Минская губерния				Могилевская губерния				Всего			
	владений	тыс. дес.	%		владений	тыс. дес.	%		владений	тыс. дес.	%	
			владений	дес.			владений	дес.			владений	дес.
До 10 дес.	10 047	51,1	42,8	1,6	6853	38,5	45,1	3,3	16 900	89,6	43,7	2,0
10—15 дес.	2538	32,1	10,8	1,0	1973	25,7	13,0	2,2	4511	57,8	11,7	1,3
15—20 дес.	2477	45,3	10,6	1,4	1495	28,3	9,8	2,4	3972	73,6	10,3	1,7
Свыше 20 дес.	8381	3095,2	35,8	96,0	4873	1073,5	32,1	92,1	13 254	4168,7	34,3	95,0
Итого	23 443	3223,7	100	100	15 194	1166,0	100	100	38 637	4389,7	100	100

* Таблица составлена на основании данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 2, д. 3577е, л. 14—16; д. 3577ж, л. 117—129). Минская губерния без Бобруйского и Новогрудского уездов; Могилевская — Мстиславского, Оршанского и Сенненского уездов.

нотой»³⁰. Безлошадные крестьяне, по словам В. И. Ленина, являлись пролетариями, которые живут не землей, не хозяйством, а работой по найму. Они — родные братья городского рабочего. Однолошадный крестьянин был хозяином уже только наполовину, он также становился наймитом, пролетарием³¹. При группировке крестьянских дворов по коровам к беднейшим хозяйствам можно отнести бескоровные, а также с одной и двумя коровами, к средним — с 3 и к зажиточным и богатым — с 4 и более коровами³². В этом случае и распределение дворов по коровам показывает преобладание в Витебской губернии беднейших дворов, которые составляли 69,7%. Среднее крестьянство в Витебской губернии при группировке крестьянских дворов по посеву и скоту составляло примерно 1/4 общего числа хозяйств. Зажиточные крестьянские дворы с посевом свыше 8 дес. составляли 6,8%. Хозяйств с 4 и более коровами насчитывалось 12,5%. Что касается группировки крестьян по лошадям, то многолошадные дворы составляли только 3,2%. Это объясняется отчасти «восстановлением нормального отношения рабочего скота к количеству пашни» и *крестьянской буржуазии*³³, отчасти условиями военного времени и экономической нецелесообразностью содержать большое количество рабочего скота при высоких ценах на фураж.

В Гомельской губернии беднейшие хозяйства без посева и с посевом до 4 дес. составляли 72,5%, средние с посевом 4—8 дес. — 21,6% и многопосевные зажиточные и богатые дворы — 5,9%. При распределении хозяйств по скоту также налицо глубокое классовое расслоение крестьянства. В этой губернии, правда, довольно значительной была прослойка дворов с 2 лошадьми — 36,6%. Но в ее северных уездах многие крестьяне держали лошадей не для работы в земледельческом хозяйстве, а для извоза, который был для них главнейшим видом заработков³⁴.

О классовом расслоении крестьянства Минской губернии из-за отсутствия других статистических сведений приходится судить только по обеспеченности хозяйств коровами. Но и эти данные отчетливо показывают образование двух противоположных полюсов среди крестьян губернии. Хозяйства без коров и с 1—2 коровами составляли 70,9%, с 3 коровами — 16,7 и с 4 и больше коровами — 12,4%.

Таблица 4

Группировка крестьянских дворов по размерам посевных площадей и наличию скота в 1917 г., %

Группы хозяйств	Губернии		
	Витебская*	Гомельская**	Минская***
Без посева	7,4	10,3	9,7
С посевом до:			
1 дес.	5,1	12,8	—
2 дес.	15,4	18,6	—
2—4 дес.	38,3	30,8	—
4—6 дес.	19,7	15,4	—
6—8 дес.	7,3	6,2	—
Свыше 8 дес.	6,8	5,9	—
Без коров	7,6	7,9	3,4
С 1 коровой	26,2	44,3	32,7
С 2 коровами	35,9	32,0	34,8
С 3 коровами	17,8	10,3	16,7
С 4 и более коровами	12,5	5,5	12,4
Без рабочих лошадей	15,3	12,5	15,7
С 1 рабочей лошадию	58,9	34,3	—
С 2 рабочими лошадьми	22,6	36,6	—
С 3 рабочими лошадьми	2,5	11,8	—
С 4 и более рабочими лошадьми	0,7	4,8	—
Без всякого скота****	4,1	—	5,3

* Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. Труды ЦСУ, т. VI, вып. 3-й. — М., 1922, с. 18—19.

** Известия Гомельского губернского комитета РКП (б), 1925, № 10 (93), с. 25—26. Гомельская губерния была образована в 1919 г.

*** Данные о группировке крестьянских хозяйств по наличию коров приводятся за 1915 г. по источнику «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.» (Витебск, 1925, с. V).

**** Сведения о проценте крестьянских дворов без всякого скота вычислены по источнику «Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года . . .», с. 11, 207.

Таким образом, группа сельских пролетариев и полупролетариев составляла в неоккупированных уездах Витебской, Минской и Могилевской губерний около 70% общего количества крестьянских дворов. Зажиточные и богатые хозяйства составляли примерно 10 и средняя прослойка крестьянства — 20%.

В числе факторов, отрицательно влиявших на состояние сельского хозяйства, следует прежде всего назвать убыль рабочих рук из деревни. По данным переписи

1917 г., за период войны из Витебской, Минской и Могилевской губерний было мобилизовано в армию 636 400 человек. В Витебской губернии из деревень было призвано 52,2% всех трудоспособных мужчин, в Могилевской — 50,7%³⁵. Более половины трудоспособных мужчин было взято из Минской губернии. Это привело к тому, что многие крестьянские хозяйства остались без работников — мужчин. Таких хозяйств в 1917 г. насчитывалось в Витебской губернии 32,5³⁶, а в Минской — 30,1%³⁷.

Убыль рабочих рук в связи с мобилизацией в крестьянских хозяйствах Белоруссии усугублялась ее прифронтовым положением. На постройку оборонительных сооружений, перевозку военных грузов, прогон гуртов скота и уход за ним, охрану железнодорожных путей, мостов, переправ и других объектов, ремонт и постройку дорог привлекалось фактически все трудоспособное население. В Витебской губернии за период с июля 1915 по май 1916 г. было взято только на окопные работы 122 804 рабочих³⁸. Это, по свидетельству местной администрации, было максимумом рабочей силы, которую могла поставить губерния даже с применением репрессивных мер. Так, в декабре 1915 г. витебский губернатор на требование новых поставок рабочих и подвод вынужден был телеграфировать: «Витебская губерния поставила возможное для нее количество, и по полученным мной с мест набора сведениям произвести новые наряды рабочих нет никакой возможности»³⁹.

В Витебском уезде к концу 1915 г. из 8000 человек, годных для окопных работ, было мобилизовано 7762, в Велижском уезде из 9000—8722 человека. В Полоцком уезде можно было с большим трудом набрать еще не более 500 человек, а Дриссенский, Городокский и Лепельский уезды больше не могли поставить ни одного человека⁴⁰.

Основная масса трудоспособного населения губернии была занята на работах военного значения и в 1916 г. Наряды военных властей на поставки рабочих и подвод не выполнялись из месяца в месяц. В мае 1916 г. совещания из предводителей дворянства, председателей земских управ и полицейских исправников, созванные во всех уездах для определения количества рабочих, которых еще может поставить губерния, единодушно ответили, что брать больше некого⁴¹.

В Минской губернии, по данным полиции, все трудоспособное население составляло 156 тыс. человек. За период с июля 1915 по август 1916 г. было мобилизовано на окопные работы 123 569 мужчин и 95 705 женщин⁴². Если в 1915 г. на окопных работах находилось 60% мужчин и 40% женщин⁴³, то в 1916 г. — фактически все трудоспособное население. «По существу же, — отмечалось в сообщении Минской губернской земской управы в июне 1916 г. уполномоченному особому совещания по продовольственному делу, — все сельское работоспособное население следует считать занятым работами по государственной обороне, так как не только работники — мужчины, но и женщины и подростки привлечены военным ведомством к дорожным и окопным работам»⁴⁴. К этому времени времени только Слуцкий и Бобруйский уезды располагали некоторым количеством рабочих (3040 человек), не занятых на оборонительных работах, а в остальных уездах губернии все работоспособное население было привлечено к исполнению этой повинности⁴⁵. Такое же положение было и в конце года. По собранным в октябре 1916 г. сведениям выяснилось, что из всех уездов только Речицкий располагал некоторым количеством рабочих, свободных от окопных работ⁴⁶.

Крестьяне Гродненской губернии стали привлекаться к постройке оборонительных укреплений в первые же месяцы войны. В этой губернии также забиралось почти все трудоспособное население. Так, в Гродненском уезде из 17 490 трудоспособных мужчин ежедневно на военных работах находилось свыше 15 000 человек⁴⁷. Весной 1915 г. губернатор вынужден был обратиться к военным властям с просьбой заменить на три недели на оборонительных работах гродненских крестьян крестьянами других губерний, так как «для выполнения наступающих полевых работ ощущается недостаток рабочих в деревнях и поля останутся незасеянными»⁴⁸. И только в Могилевской губернии, несколько удаленной от театра военных действий, наборы крестьян на оборонительные работы были менее обременительными.

Помимо окопных работ крестьян широко привлекали к ремонту и постройке железнодорожных и грунтовых дорог, перевозкам воинских грузов, уходу за казенным скотом и т. д. Обременительной была для крестьян повинность по охране железнодорожных линий и мостов,

введенная по распоряжению начальника Минского военного округа в декабре 1914 г. Согласно этому распоряжению, на охрану каждой версты железнодорожного пути выставлялось по 3 человека⁴⁹. При такой норме крестьяне Витебской губернии, например, должны были ежедневно поставлять более 1000 человек⁵⁰. Особенно в невыгодном положении оказывались крестьяне удаленных от железнодорожных дорог селений. Чтобы отбыть свой наряд в 12 часов, они нередко тратили на переезды более двух суток⁵¹.

Наборы на окопные и другие военные работы производились без всякого порядка, путем облав. Прибывавшие в деревни, нередко ночью, отряды полиции и солдат производили повальные обыски, прочесывали окрестные леса и, как об этом свидетельствует витебский губернатор, «захватывали первых подвернувшихся им на глаза лиц, не выяснив предварительно ни возраста, ни семейного и имущественного положения... В числе отправляемых на окопы оказывались лица, отсутствие которых из дому ставит в совершенно безвыходное положение их семьи...»⁵² Подобные признания содержатся и в докладе главного руководителя оборонительных работ в Витебской губернии генерал-майора Ершова. От отмечал, что «среди присланных много подростков, встречаются дети в возрасте 12—14 лет, много старух, совершенно бесильных, и беременных женщин»⁵³.

На организации и проведении оборонительных работ отчетливо сказались неповоротливость и неуклюжесть царской бюрократической машины, ее преступное отношение к трудящимся. Нередко были случаи, когда крестьяне в течение длительного времени добирались в районы, где вовсе не велись работы по сооружению оборонительных рубежей или надобности в рабочих не было, и их переправляли в другие места. Не хватало инструмента, не принимались меры по устройству быта окопных рабочих. Предводитель дворянства Полоцкого уезда, объясняя причины массового бегства с оборонительных работ, отмечал, что помещений для ночлега нигде не строят и ночи рабочие проводят под открытым небом, мерзнут, простуживаются и просят арестовать их, чтобы таким образом избавиться от тягот и лишений окопной жизни⁵⁴. Многие рабочие, которых брали в летний период в легкой одежде, с наступлением зимних холодов

попадали в критическое положение, заболели и умирали⁵⁵. Пользуясь бесконтрольностью, подрядчики и руководители работ обворовывали рабочих, выдавали им пищу самого низкого качества. Жалоб рабочих на плохое питание сохранилось много. Вот что написали в своей жалобе окопные рабочие из Лепельского уезда: «На работах этих кормят рабочих плохо, хлеба не дают по три дня и кормят супом, сваренным с червями, денег за работу не дают, и казаки бьют нагайками того, кто требует плату за работу»⁵⁶.

Для крестьян плата на окопных работах была убыточной. Это признавали официальные чиновники, отмечая, что из крестьянских хозяйств берут последних работников, «поденная плата коих не возместит ущерб, наносимый хозяйству»⁵⁷. Широкое недовольство вызывали казнокрадство и жульничество чиновников, руководивших оборонительными работами, в результате которых даже низкая заработная плата выдавалась нерегулярно и не полностью, а часто рабочие вовсе ничего не получали. В канцелярию главного руководителя работ по укреплению позиций Западного фронта, по его же собственному признанию, поступали «многочисленные жалобы, претензии, протоколы, составленные местной полицией по заявлениям бывших или ныне состоящих на работах рабочих. Заявления эти преимущественно носят характер жалоб на неправильный или неполный расчет за работы»⁵⁸. Инженер Григорьев, руководитель одного из участков оборонительных работ в Витебской губернии, систематически задерживал выплату зарплаты рабочим, а затем и вовсе прекратил ее выдавать. Среди рабочих начался голод, и они отказались выходить на работы. Лишь после вмешательства губернатора инженера арестовали, а расхищенную им зарплату рабочих возместили за счет кредита в 300 тыс. руб., срочно запрошенного из Министерства внутренних дел⁵⁹. В ноябре 1915 г. крестьяне Полоцкого уезда, находившиеся на военных работах в имении Заскорки, телеграфировали губернатору: «Работаем два месяца, не получаем денег. Забраны в летней одежде. Просим распоряжения»⁶⁰. Подобные жалобы поступили от 130 крестьян, работавших на постройке Мозырско-Скригаловского тракта⁶¹, 75 крестьян деревни Димитрович Борисовского уезда и многих других⁶².

Военные повинности тяжелым бременем ложились прежде всего на плечи беднейших слоев деревни. Кулаки силошь и рядом откупались от них за взятки. Жандармский ротмистр, расследовавший заявления об освобождении полицией за взятки от окопных работ кулаков в Витебском уезде, вынужден был констатировать, что «состоятельные люди все остались дома благодаря даваемым взяткам, а бедные были взяты в окопы, не считаясь с их семейным положением»⁶³. Так, в деревне Бураки Веляшковской волости этого уезда за взятки полицией была освобождена от окопных работ семья кулака Родзянко, имевшего 100 дес. земли и нескольких батраков. Сыновья этого кулака благодаря подкупу были освобождены и от военной службы⁶⁴. Подобные злоупотребления были вскрыты жандармскими чиновниками и в Городокском уезде. И здесь оказалось, что «...более состоятельные и семейные лица оставлены дома, а беднейшие и почти одинокие взяты и отправлены... Должностные лица волостных правлений уезда за освобождение некоторых лиц брали взятки»⁶⁵. Злоупотребления и взяточничество полиции достигли таких размеров, что летом 1916 г. витебский губернатор специальным циркуляром вынужден был передать общую организацию набора крестьян на окопные работы предводителям дворянства⁶⁶. Но эта мера не улучшила положения деревенской бедноты, потому что и предводители дворянства стояли на страже интересов кулачества.

Массовые мобилизации населения в армию и отвлечение рабочих рук на исполнение всевозможных военных работ тяжело отразились не только на крестьянских хозяйствах. Возникли трудности с наймом рабочих уже в первый год войны и у многих помещичьих имений. В дальнейшем «рабочий вопрос» стал для помещиков Белоруссии одним из центральных. Нехватку рабочих рук Минская губернская земская управа считала в ряду основных причин разорения помещичьих имений. «Ввиду полной необеспеченности хозяйств рабочими руками,— отмечалось в ее докладе губернатору,— сельскохозяйственные работы в Минской губернии в 1916 г. протекали в крайне тяжелых условиях. Хлеб убран с полей с большим запозданием и сырой, значительные сенокосные площади зазимовали, картофель остался частью в земле или выкопан мерзлым»⁶⁷.

Сокращение посевов в помещичьих хозяйствах из-за недостатка рабочих рук имело место и в Могилевской губернии. В 1673 обследованных земством помещичьих имениях посевные площади в 1916 г. сократились на 13,8%. Все владельцы как на главную причину такого положения указывали на нехватку рабочих⁶⁸.

Большие трудности испытывали особенно помещичьи имения, основанные преимущественно на отработочной системе ведения хозяйства. Из-за убыли рабочей силы со стороны крестьян сократился спрос на помещичьи земли, а следовательно, уменьшились возможности получения рабочих рук с помощью исполщины, отработок и т. д. Например, в Бобруйском уезде сенокосы, которые сдавались крестьянам «на части», в 1915 г. в большинстве своем оказались небуранными⁶⁹.

Идя навстречу настойчивым требованиям помещиков об оказании помощи в снабжении рабочей силой, власти предприняли ряд мер к использованию в имениях труда беженцев. В Минской губернии всем беженцам, не привлеченным к военным работам, предписывалось в обязательном порядке под угрозой трехмесячного тюремного заключения или лишения продовольственного пайка заниматься на работы в имения на условиях, определенных местными земствами. Плата за работу была установлена Минской губернской земской управой в марте 1916 г. в следующих размерах: взрослому мужчине в месяц — 13 руб., женщине — 9 руб.⁷⁰ Управа фактически утвердила расценки, выработанные Минским обществом сельского хозяйства. Они были значительно ниже той платы, которую получали рабочие из местных крестьян до войны⁷¹.

Принудительные наборы беженцев на работы в помещичьи хозяйства широко практиковались и в других губерниях. В Могилевской, например, из беженцев по распоряжению губернатора создавались особые рабочие дружины и направлялись в имения⁷². Однако привлечением беженцев лишь в некоторой мере можно было восполнить потребности помещиков в рабочей силе. Следует учитывать, что многие из осевших беженцев, и в первую очередь мужчины, в принудительном порядке привлекались на окопные работы, так что помещики получали в свое распоряжение преимущественно женщин и подростков. «Труд беженцев, — отмечал в своем выступлении на

заседании Минского общества сельского хозяйства в октябре 1916 г. председатель губернской земской управы Самойленко, — дает сравнительно незначительный ресурс рабочих рук. Семьи у них многолюдные, но мужчин уже осталось немного»⁷³. Поэтому принудительные меры для обеспечения помещиков рабочей силой применялись и по отношению к местным крестьянам. Главнокомандующий Западным фронтом, докладывая об этом председателю Совета министров в январе 1917 г., отмечал: «Для обеспечения успешной реализации минувшего урожая трав и хлебов в губерниях Западного фронта... я счел необходимым летом 1916 г. принудительно привлечь к уборке несобранного урожая все способное к сельскому труду население обоюго пола в возрасте от 15 до 50 лет, закончившее уборку своих полей»⁷⁴. К прямому насилию над крестьянами прибегали и местные власти, состоящие из самих помещиков, причем в этих случаях крестьяне не получали и половины причитающейся им платы. «Уездный предводитель дворянства и земский начальник 6-го участка, — писали крестьяне Домановичской волости Речицкого уезда в жалобе главнокомандующему Западным фронтом, — заставили осенью 1916 г. наряжать крестьянок со всей волости для уборки картофеля владельца имения Домановичи, который уплачивал по 40 коп. в день, а плата существовала 1 рубль... Теперь мы узнали, что принудительный паряд рабочих может быть только по распоряжению военных властей на нужды государственной обороны, а не в угоду помещика, чтобы он на крестьянском тяжелом труде наживал десятки тысяч рублей, продавая картофель по 1 руб. 20 коп. за пуд, когда этот пуд обошелся ему 10—15 кофеек, а потом, набив карманы деньгами, пьянствовал со своими приятелями и издевался над крестьянами, грозя каждого посадить в тюрьму»⁷⁵.

Несмотря на меры властей, в помещичьих хозяйствах Белоруссии продолжал ощущаться острый недостаток в рабочих руках. В других районах России вопрос о рабочей силе в какой-то мере решался за счет применения в имениях труда военнопленных. Так, по подсчетам А. М. Анфимова, у частных владельцев по России в 1916 г. было занято 293,6 тыс. военнопленных, что составляло свыше 20% общего числа имеющейся у них рабочей силы⁷⁶. Однако белорусские помещики ввиду близости

фронта были лишены этого источника даровой рабочей силы и считали себя обделенными. Недовольство помещиков зашло так далеко, что они на заседании Минского общества сельского хозяйства в октябре 1916 г. подвергли резкой критике правительство, квалифицируя «бесхозяйственностью руководящих сфер» затяжку решения вопроса о предоставлении им военнопленных и угрожая «надвигающейся хозяйственной разрухой» и «банкротством сельских хозяев». Помещики выдвинули требование: «Мы даем, но и вы нас обеспечьте, во-первых, относительно рабочих рук, чтобы мы могли рассчитывать на военнопленных...»⁷⁷ На этом же заседании было решено добиваться отсрочек по мобилизации сельскохозяйственным рабочим и насильственной задержки проходящих через губернию беженцев для использования их на сельскохозяйственных работах у частных владельцев⁷⁸. Распространенное в работах белорусских историков и экономистов⁷⁹ мнение об использовании в помещичьих хозяйствах Белоруссии в значительных размерах труда военнопленных не соответствует действительности. По сведениям, представленным минским губернатором главному начальнику снабжения армий Западного фронта, в Минской губернии к 1 декабря 1916 г. на различных работах находились 724 военнопленных. Они были заняты на следующих работах: на Наровлянской судостроительной верфи — 170 человек, на проволочно-гвоздильном заводе братьев Рикк — 49, на лесопильных заводах в Минском уезде — 29, на прокладке второго пути Либаво-Роменской железной дороги в Бобруйском уезде — 162 и на заготовках сена для армии в Речицком уезде — 314 человек⁸⁰. В 1916 г. в Витебской⁸¹ и Могилевской⁸² губерниях военнопленные в имениях не использовались. Требования помещиков о предоставлении им военнопленных были удовлетворены только весной 1917 г., когда последовал специальный приказ главнокомандующего Западным фронтом⁸³. В соответствии с этим приказом в уездные продовольственные комитеты и земства Минской губернии было выделено к 1 мая 1917 г. 8480 военнопленных для распределения их на сельскохозяйственные работы в помещичьи и кулацкие хозяйства⁸⁴.

Таким образом, частновладельческие хозяйства в Белоруссии были обеспечены рабочей силой в годы войны

гораздо хуже, чем в других районах России. Это обстоятельство во многом определило глубокое разорение хозяйств белорусских помещиков и значительное сокращение у них посевных площадей.

Недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве усугублялся убылью тягловой силы, связанной с реквизициями лошадей для нужд армии, и отвлечением большого числа рабочего скота на перевозки воинских грузов, леса и других строительных материалов. Реквизиции рабочего скота были начаты в Белоруссии с конца 1914 г. В октябре 1914 г. только в Витебской губернии было реквизировано 2439 лошадей⁸⁵. С приближением линии фронта реквизиции рабочего скота стали производиться в более широких размерах.

О том, как изменилось поголовье рабочего скота в годы войны в некоторых белорусских губерниях, наглядно свидетельствует сравнение подворной переписи скота, произведенной в Витебской губернии в июне 1915 г. и учитывавшей наличие скота в крестьянских и частновладельческих хозяйствах накануне войны весной 1914 г., и сведений Могилевской губернской земской управы о наличии скота в 1914 г. с данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Как показывают материалы табл. 5, число рабочих лошадей сократилось за 2,5 года войны в Витебской и Могилевской губерниях на 6,3%. Особенно заметным это сокращение было в Витебской губернии — на 13,1%, что объяснялось ее прифронтовым положением. В действительности сокращение скота было более значительным.

Проследить изменение поголовья рабочего скота за годы войны по Минской губернии невозможно, так как данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. несравнимы с данными Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел вследствие их явной заниженности. Сопооставимые сведения имеются лишь за 1915—1916 гг. За этот период поголовье рабочих лошадей возросло с 210,4 тыс. до 233 тыс. голов, т. е. на 10%⁸⁶. Объяснялось это, по словам заведующего статистическим отделом Минской губернской земской управы М. И. Шкубера, не особыми экономическими условиями или неточностью учета, а исключительно прифронтовым положением губернии, наплывом беженцев, которые вынуждены были продавать свой скот за бесценно⁸⁷.

Изменение поголовья рабочих лошадей в
Витебской и Могилевской губерниях в годы войны

Губерния	1914 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1914 г.
Витебская*	111 588	97 059	86,9
Могилевская**	488 394	465 138	95
Итого	599 982	562 197	93,7

* Подворная перепись скота в Витебской губернии, 13—15 июня 1915 г. — Пг., 1916; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. — Пг., 1916, с. 349—355.

** Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Могилевская губерния. Итоги предварительного подсчета населения, скота и посевов. — Могилев, 1916, с. 17.

Из сказанного не вытекает, что уменьшение поголовья рабочего скота в Белоруссии в годы войны было значительным. Но это обстоятельство не означает и благополучного положения с тягловой силой в сельском хозяйстве. Необходимо учитывать, что крестьянский рабочий скот в широких размерах принудительно привлекался к исполнению различных повинностей для нужд военного ведомства. В Минской губернии в конце 1916 г., по полицейским источникам, было свободно от исполнения повинностей только 5365 лошадей⁸⁸. В Витебской губернии во второй половине 1915 — начале 1916 г. на оборонительных работах находилось 44 156 лошадей с повозками⁸⁹. В Гродненской губернии крестьяне только Гродненского уезда ежедневно поставляли для нужд армии более 4000 подвод⁹⁰.

Реквизиции лошадей всей тяжестью ложились прежде всего на бедняцкие и середняцкие массы. Согласно инструкции, реквизиции подлежала даже единственная лошадь, в то время как помещики и кулаки, имевшие по нескольку лошадей, обязаны были сдавать даже менее половины наличного скота. Они широко использовали пункт инструкции, согласно которому реквизиции не подлежали заводские и племенные лошади, выдавая за таковых значительное количество рабочего скота. Делать

это им было тем более не трудно, что выработка инструкции о реквизициях и сами реквизиционные комиссии целиком находились в их руках⁹¹.

Благодаря всевозможным махинациям кулаков и помещиков, укрывавших свой скот от мобилизации, вся тяжесть реквизиций падала на маломощные крестьянские хозяйства, что вело их к разорению. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях, по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., число хозяйств, лишенных рабочего скота, составляло 14,6%⁹².

Значительный ущерб сельскому хозяйству Белоруссии наносился прогоном через ее территорию скота, эвакуированного из захваченных немцами губерний, строительством оборонительных укреплений, во время которого уничтожались поля и леса, бесконечными вереницами беженцев и армейских отрядов с обозами, опустошавших на своем пути запасы продовольствия, фуража, посевы и сенокосы. Игуменский уездный исправник так описывал в рапорте губернатору положение в уезде в конце 1915 г.: «Более чем в 1/3 уезда стоит армия, весь уезд покрытдвигающимися обозами и войсковыми частями; через весь уезд идут сплошной вереницей беженцы со своими таборами, по почтам занимающие пространство до 5 верст. В городе Игумене, насчитывающем 5 тыс. постоянных жителей, ежедневно имеют ночлег и остановку обозы армии и беженцы общим числом не менее 30—40 тысяч человек»⁹³. Подобная картина была характерной для всей Белоруссии. По сведениям, представленным могилевским губернатором в Департамент полиции, через территорию губернии к концу 1915 г. прошло около миллиона беженцев. В Минской губернии к 1 января 1916 г. осело 157 070 беженцев⁹⁴, в Витебской губернии — 90 000⁹⁵. Кроме того, ежемесячно по территории этих губерний проходило несколько сот тысяч голодных людей.

Никакой организации в эвакуации населения не существовало. Это было массовое стихийное движение людей из прифронтовых районов. Среди сотен тысяч людей, бросивших свои дома и в панике бегущих в глубь страны, преобладали женщины, старики и дети. Из зарегистрированных в Минской губернии в июле 1916 г. 123 816 беженцев мужчин, преимущественно стариков, было

24 358, женщины — 37 729, а остальное число составляли дети⁹⁶. Не имея средств к существованию, они терпели в пути жесточайшие лишения. Питательных же пунктов на трактах было мало, и в них могла получить пищу незначительная часть беженцев. Так, в сентябре 1915 г. на железной дороге в районе Речицы скопилось 64 тыс. беженцев. Для них надо было выпечь не менее 3150 пудов хлеба, а город, даже исчерпав все свои запасы, мог дать лишь около 500 пудов, подвоза же не предвиделось⁹⁷. Всевозможные дельцы были не прочь погреть руки на бедствии людей. На одном из питательных пунктов в Полоцком уезде Витебской губернии питание ежедневно выдавалось 10—15 беженцам, а по ведомостям проводилось 200 человек. «Похищенное таким образом продовольствие служащие пункта реализовывали через черный рынок»⁹⁸. Чтобы получить какие-либо средства к существованию, беженцы продавали свой жалкий скраб, повозки и лошадей за бесценок спекулянтам⁹⁹.

Брошенные на произвол судьбы властями, не имея возможности получить в разоренной прифронтовой полосе продовольствие и одежду, беженцы с наступлением осени и зимы сотнями гибли от холода, голода и эпидемий. В сентябре 1915 г. санитары эвакуационного пункта сообщали губернатору, что в пределах Минской губернии тянутся непрерывные обозы и толпы пешеходов, которые нуждаются в неотложной помощи, в крове, подводах, пище и одежде. Многие дети заболевают и здесь же на дорогах умирают. «Это бедственное положение,— пришли они к выводу,— губит народу больше, чем гибнет на войне»¹⁰⁰.

Жандармский подполковник Кравченко, который обследовал положение беженцев, ожидавших отправки с железнодорожных станций Минск, Старые Дороги и Бобруйск, выяснил, что в привокзальных районах этих станций скопилось в октябре 1915 г. более 70 тыс. беженцев. Всем им через 3 дня прекратили всякие выдачи продовольствия, и они питались полусырым картофелем. Беженцы «медицинской помощи не получают, хотя заболевания, даже холерные, значительны... Болезни, изнурение, смертность растут особенно среди детей и женщин. В случае дождя или холода,— заключал этот чиновник,— последствия будут ужасны»¹⁰¹. И он не ошибся. За четыре последних месяца 1915 г. санитарями толь-

ко одного Минского железнодорожного узла было погребено 1893 умерших беженца¹⁰². Сообщения о массовых заболеваниях и большой смертности среди беженцев поступали и из других мест. В районе Малой Лошицы, по свидетельству командира батальона 2-го армейского корпуса, в конце сентября 1915 г. деревни были заполнены беженцами, среди которых имелась масса смертных случаев, а медицинская помощь отсутствовала¹⁰³. О массовой гибели беженцев свидетельствуют отчеты немногочисленных в Минской губернии больниц и других лечебных заведений, из которых видно, что в их стенах за второе полугодие 1915 г. умерло 427 беженцев¹⁰⁴.

Убыль рабочих рук и тягловой силы, разруха в промышленности и на транспорте, бесконечное движение беженцев и войск отрицательно сказались на изменении посевных площадей в Белоруссии в годы войны. За 1914—1917 гг. они сократились, как видно из табл. 6, на 15,6%.

За годы войны посевы пшеницы уменьшились на 23,3 и ржи — на 20,6%. Посадка картофеля сократилась в еще большей степени — на 37,6%, что было связано с большой трудоемкостью этой культуры и прекращением винокурения в помещичьих имениях. В то же время посевы кормовых культур почти не претерпели изменений, а посевы ячменя даже увеличились на 9,5%. В этом, несомненно, сказались стремление сельской буржуазии получить прибыли от выгодных поставок кормов для армии, которая в годы войны испытывала в них большую потребность и резко увеличила закупки.

Наибольшее сокращение посевов имело место в частновладельческих хозяйствах. Общая посевная площадь в них уменьшилась с 796,4 тыс. в 1914 г. до 220,5 тыс. дес. в 1917 г., т. е. на 72,3%. В этом основную роль, пожалуй, сыграл острейший кризис, возникший в связи с убылью рабочих рук из деревни и поразивший в первую очередь помещичьи хозяйства. В связи с этим надо заметить, что в 1917 г. после того, как помещики добились предоставления им военнопленных, посевы в частновладельческих хозяйствах не только не уменьшались, как это имело место в предшествующем году, но даже возросли на 6,3%.

В помещичьих имениях также сократились посевы культур, требующих больших затрат труда: картофеля — на 81, льна — на 76,3%. Посевы ржи уменьшились

Изменения посевных площадей в Витебской, Минской* и

Год	Рожь			Пшеница			Ячмень		
	у кре- стьян	у вла- дельцев	итого	у кре- стьян	у вла- дельцев	итого	у кре- стьян	у вла- дельцев	итого
1914	762,8	389,4	1152,2	20,3	14,9	35,2	130,4	60,7	191,1
1915	884,5	220,9	1105,4	26,4	9,1	35,5	153,9	38,2	192,1
1916	951,6	85,4	1037,0	29,0	4,4	33,4	241,3	12,8	254,1
1917	817,7	98,0	915,7	23,1	3,9	27,0	191,8	17,5	209,3

В про

1914	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1915	115,9	56,7	95,9	130,0	61,1	100,8	118,0	62,9	100,5
1916	124,8	21,9	90,0	142,8	30	94,8	185	21,1	133
1917	107,2	25,1	79,4	113,8	26,1	76,7	147,1	28,8	109,5

* Минская губерния без Новогрудского, Пинского и Слуцкого

** Таблица составлена на основании источников: «Урожай хлебов России в 1915 г.», вып. I и II. — Пг., 1916; «Предварительные новые итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи

на 74,9, пшеницы — на 73,9%. В то же время сокращение посевных площадей под кормовыми культурами — овсом и ячменем, требующими меньших затрат труда и пользовавшимися большим спросом со стороны армии, скупающей их по льготным для помещиков ценам, было не таким значительным (овса — на 61,8, ячменя — на 71,2%).

Общая посевная площадь в крестьянских хозяйствах за 1914—1917 гг. увеличилась на 227,1 тыс. дес., или на 15,7%. В этом факте не следует, однако, усматривать, как это делают буржуазные историки и экономисты, не существовавшего в действительности обогащения деревни в годы войны. Незначительные посевные площади не обеспечивали бедняцкие и середняцкие хозяйства Белоруссии и в предвоенное время. Большую часть хлеба они были вынуждены покупать или брать займы на кабальных условиях летних отработок у помещиков и кулаков. Поэтому в обстановке военной разрухи, когда нередко оставляли хлеба в расчете 2 пуда

Могилевской губерниях в 1914—1917 гг.** , тыс. дес.

Овес			Картофель			Лен			Всего
у Кре- стьян	у Вла- дельцев	Итого	у Кре- стьян	у Вла- дельцев	Итого	у Кре- стьян	у Вла- дельцев	Итого	
273,1	192,9	466,0	198,6	119,2	317,8	49,8	19,8	69,6	2231,9
320,9	128,9	449,8	232,8	73,2	306,0	55,2	9,7	64,9	2153,7
463,4	80,6	544,0	195,2	22,4	217,6	91,4	1,7	93,1	2179,2
388,2	73,7	461,9	175,7	22,7	198,4	65,6	4,7	70,3	1882,6

центах

100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
117,5	66,8	96,5	117,2	61,4	96,3	110,8	49,0	93,2	96,5
169,7	41,7	116,7	98,3	18,8	68,5	183,5	8,6	133,8	97,6
142,1	38,2	99,1	88,5	19,0	62,4	131,7	23,7	101	84,4

уездов.

в России в 1914 г.», вып. I и II. — Пг., 1915; «Урожай хлебов в итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.»; «Поуезд-1917 года. . .»

на едока при голодной норме 11 пудов, наплыва беженцев и почти полного прекращения подвоза продовольствия часть бедняцких и середняцких дворов увеличила запашки, чтобы хоть как-то свести концы с концами и спастись от голода и вымирания. Эта категория крестьянских хозяйств прежде всего расширила посевы продовольственных культур, площадь под которыми возросла на 7,4% (под рожью — на 7,2 и под пшеницей — на 13,8%). Хозяйственной разрухой и прекращением снабжения деревни промышленными изделиями объясняется увеличение посевов льна. Кулачество же в условиях продовольственного кризиса и небывало высоких цен на сельскохозяйственные продукты спешило нажиться на народной нужде. Оно скупало землю у разорявшейся деревенской бедноты и помещиков, увеличивало запашки и быстро богатели, развернув спекуляцию хлебом.

Не исключена также и вероятность неточности учета посевных площадей. В связи с тем что земство в

белорусских губерниях было введено непосредственно накануне войны, здесь не проводилось детального обследования сельского хозяйства и переписей, которые практиковались во многих земских губерниях России. Поэтому надежных довоенных источников для сравнения с данными общероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. не имеется. Для сравнения с этими переписями приходится пользоваться данными сборников Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел об урожаях по губерниям России, которые менее точны. В предисловиях к «Предварительным итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.» об этих сборниках было сказано следующее: «Однако источник сведений Центрального статистического комитета (волостные правления и сельская полиция) вызывает основательные сомнения в их достоверности». Для подобных замечаний причин было более чем достаточно. В конце декабря 1915 г. Минская губернская земская управа направила председателю Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу доклад о состоянии полеводства в Минской губернии в 1915 г. В нем отмечалось, что, по данным Центрального статистического комитета, посевная площадь в крестьянских хозяйствах губернии в 1915 г. по сравнению с 1914 г. увеличилась: под рожью на 60 тыс. дес., овсом — на 24 тыс., ячменем — на 5 тыс., всеми яровыми — на 85 тыс., а вся площадь посевов — на 150 тыс. дес. По данным же статистического отдела управы, посевные площади в крестьянских хозяйствах в этом году сократились: под рожью — на 1,8%, ячменем — на 20, всеми яровыми — на 3,1, а вся посевная площадь — на 2,6%, или приблизительно на 22 тыс. дес. Так что разница в определении размеров посевных площадей составила довольно внушительную цифру — 172 тыс. дес.¹⁰⁵ Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что довоенная статистика не учитывала посевы на купчих землях.

Не меньшим разнообразием отличаются данные Центрального статистического комитета в определении размеров посевных площадей и в 1916 г. В Могилевской губернии посевные площади по сравнению с данными переписи под рожью были больше на 9,8, под пшеницей — на 6,1% и т. д.¹⁰⁶ Таким образом, более или ме-

Все точные данные об изменении размеров посевных площадей можно получить лишь по материалам общероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Но эти переписи показывают, что посевы всех культур в крестьянских хозяйствах Белоруссии сократились в 1917 г. по сравнению с 1916 г. на 15,8%. Война, следовательно, ускорила процесс разорения деревенской бедноты, значительная часть которой вообще прекращала вести собственное хозяйство. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., крестьянские хозяйства без посева в неоккупированных уездах Витебской, Минской и Могилевской губерний составляли 9,4%¹⁰⁷, т. е. посева не имел каждый десятый двор.

Наибольшее сокращение посевных площадей произошло в Минской губернии — на 27 и Витебской — на 13%. В Могилевской оно не было столь значительным и составило только 6,6%: губерния была отдалена от линии фронта, и крестьяне в меньшей мере отвлекались на исполнение военных повинностей.

Большой ущерб был нанесен животноводству Белоруссии. Как видно из табл. 7, общее количество скота в Белоруссии за годы войны уменьшилось на 671,1 тыс. голов, т. е. на 11,4%. Одной из главных причин сокращения поголовья скота являлись принудительные реквизиции лошадей, коров, овец для нужд армии. В особенно широких размерах реквизиции производились в прифронтной полосе. В Витебской губернии в течение 1915 г. было реквизировано 40 тыс. голов скота¹⁰⁸. В январе и феврале 1916 г. было предписано взять у населения еще 25 тыс. голов скота, и, несмотря на телеграмму губернатора главному начальнику снабжения армий Северного фронта, в которой сообщалось, что «реквизировать еще 25 тыс. голов скота нельзя», что губерния с большим напряжением может поставить не более 10 тыс. голов скота, отмены реквизиции или хотя бы ее частичного уменьшения не последовало¹⁰⁹. В Гродненской губернии в феврале 1915 г. было реквизировано 2 тыс. голов крупного рогатого скота¹¹⁰, а затем последовало распоряжение реквизировать еще 14 тыс. голов¹¹¹. Не в меньшей мере страдали от реквизиций и крестьяне удаленной от фронта Могилевской губернии. Здесь летом 1916 г. для войск было взято только коров 15 459¹¹². В январе и феврале 1917 г. гу-

Изменение поголовья скота в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в 1914—1916 гг., тыс. голов*

Вид скота	Губернии									Всего		
	Витебская			Минская			Могилевская			1914 г.	1916 г.	%
	1914 г.	1916 г.	%	1914 г.	1916 г.	%	1914 г.	1916 г.	%			
Лошади	111,6	97,0	86,9	240,9	268,9	111,6	489,5	456,1	95	842	831,0	98,7
Коровы	255,4	166,9	65,3	440,2	314,7	71,5	661,9	417,0	63	1357,5	898,6	66,2
Прочий рогатый скот	72,6	30,8	42,4	295,5	211,0	71,4	238,7	238,7	100	606,8	480,5	79,2
Овцы	524,6	388,0	73,9	518,8	336,8	64,9	790,7	846,1	107	1834,1	1570,9	85,6
Свиньи	221,0	225,9	102,2	410,6	365,5	89	652,4	880,9	135	1284,0	1472,3	114,7
Всего	1185,2	908,6	76,7	1906,0	1496,9	78,5	2833,2	2838,8	100,1	5924,4	5253,3	88,6

* Таблица составлена на основании следующих источников: «Подворная перепись скота в Витебской губернии 13—15 июня 1915 г.»; «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Могилевская губерния. Итоги предварительного подсчета населения, скота и посевов», с. 17; «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.», с. 11; «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.», с. 322—339, 346—357.

берния обязана была поставить 261 566 пудов мяса и 42 746 пудов сала. Общее количество скота, подлежащего реквизиции, определялось в 352 435 голов, в том числе крупного рогатого скота 95 964 головы. Земская управа, подсчитав ресурсы животноводства в губернии, пришла к выводу, что «отчуждение того количества скота, которое указано в наряде поставок, приведет сельское хозяйство в полное расстройство... Ввиду вышеприведенных соображений выполнение наряда скота в 1917 г. земским учреждениям представляется непосильным»¹¹³.

Поэтому управа отказалась содействовать военным властям в проведении новых реквизиций. На совещании 1 февраля 1917 г. представители земства губернии, «опасаясь нежелательного к себе отношения со стороны населения», заявили: «Мясо для армии нужно, реквизиция неизбежна, но в таком случае военное ведомство пусть само и проводит реквизицию. Еще у всех нас живы в памяти некоторые сцены первых реквизиций, но ведь производство первой реквизиции было менее ощутительно для населения, тогда еще население располагало если и не излишком скота, то во всяком случае достаточным количеством, необходимым для ведения хозяйства. А теперь сельские хозяйства держат скот только в том количестве, какое предусмотрено освобождающими от реквизиций нормами, и что будет, когда мы будем брать в том или ином хозяйстве корову, которую владелец считал не подлежащей реквизиции,— мы не знаем»¹¹⁴.

Положение крестьянских хозяйств усугублялось еще и тем, что уцелевший от реквизиций скот зачастую нечем было кормить, так как военные власти забирали почти все запасы сена, соломы, овса и ячменя. В Витебской губернии из урожая сена 1915 г. в 40 784 900 пудов¹¹⁵ только гражданскими реквизиционными комиссиями было забрано свыше 12 млн. пудов¹¹⁶. Не удивительно поэтому, что многие крестьянские хозяйства оказались в критическом положении. 20 марта 1916 г. губернатор телеграфировал главному начальнику Двинского военного округа: «В Витебской губернии полное отсутствие кормовых средств. Даже для снабжения сеном реквизируемого скота встречаются большие затруднения в приобретении такового... Причем уже в

данное время некоторые уезды, как сообщено телеграммой № 117, ввиду совершенного отсутствия сена поставлены в критическое положение... Таким образом, производить закупку или реквизицию фуража в губернии для армии признаю совершенно невозможным»¹¹⁷. В Гродненской губернии в Брестском, Волковысском, Гродненском, Кобринском и других уездах к весне 1915 г., по сообщениям полицейских исправников, «решительно никаких запасов сена и соломы не имеется, так как все скуплено или реквизировано войсками»¹¹⁸. Большие трудности в содержании остающегося от реквизиций скота испытывали и крестьяне Минской губернии. По сообщению уполномоченного по заготовкам, в губернии, во-первых, «армия через своих фуражиров усиленно выкачивает посредством высоких цен и нередко также реквизицией весьма значительное количество фуража и продовольствия. Во-вторых, множество мелких войсковых частей заготавливают необходимое им продовольствие хозяйственным способом»¹¹⁹. В каком положении оказалась губерния уже к концу 1915 г. в отношении обеспеченности кормами, выяснилось на совещании в Минском обществе сельского хозяйства, когда решался вопрос о возможности реквизиции для армии к весне 1916 г. 4 млн. пудов фуража. На вопрос о наличии кормов «был заслушан поуездно длинный ряд ответов». Вот некоторые выдержки из этих ответов. В Борисовском уезде «небольшие и без того запасы уже забраны постоянными реквизициями, и в дальнейшем рассчитывать на уезд нельзя... У крестьян кормов уже нет, они продают последних коров». В Минском уезде «непрерывное течение гуртов много уничтожило кормов и таковых в настоящее время у сельских хозяев почти нет. Уцелевшего запаса корма не хватает на прокормление даже незначительной части живого инвентаря, оставшегося от реквизиций». В Игуменском уезде «нет корма даже для оставшегося после реквизиции небольшого количества скота». Слуцкий уезд «уже так объединен, что там и насильно никаких кормов получить нельзя». А Ковалевский из Вилейского уезда Виленской губернии заявил: «У нас нет ни хлеба, ни картофеля, не говоря уже о кормовых продуктах, которые уже давно съедены». «По Новогрудскому уезду, равно как по только что указанному Вилейскому, нельзя рас-

считывать абсолютно на какие бы то ни было ресурсы кормов» и т. д.¹²⁰ Другое совещание по этому вопросу уже под председательством губернатора в декабре 1915 г. пришло к такому же выводу: «Констатировать на месте отсутствие хлеба, семян и фуража для закупок»¹²¹. Из-за отсутствия кормов во многих уездах губернии начался падеж скота¹²².

Большой урон животноводству наносили всевозможные эпизоотии: на территории Белоруссии скопилось много казенного скота, и он стал источником заболеваний. В Слуцком уезде, например, в конце 1916 г. погибло 60 тыс. голов скота¹²³.

Реквизиции всей тяжестью ложились преимущественно на бедняцкие и середняцкие массы деревни. Помещики и кулаки, в руках которых находились гражданские реквизиционные комиссии, имели полную возможность уберечь свой скот от поставок в армию. Что же касается военных реквизиционных комиссий, то они возглавлялись, как правило, офицерами, т. е. выходцами из тех же буржуазно-помещичьих классов, которые стремились, и не без успеха, переложить бремя военного времени на плечи трудящихся. В результате и без того бедная белорусская деревня в годы войны обнищала еще больше. Уже в первый год войны (с осени 1914 по июнь 1915 г.) крестьянские хозяйства Витебской губернии в результате реквизиций потеряли 12,2% лошадей, 18,4% коров и много мелкого скота¹²⁴, резко возросло число бескоровных хозяйств. Они составляли по 23 неоккупированным уездам белорусских губерний в 1917 г. 8,6% (Витебская — 7, Могилевская — 9,1 и Минская — 9,1)¹²⁵. В какой мере на обнищание деревни влияла война, показывают следующие данные. В 5 уездах Минской губернии (Игуменский, Минский, Мозырский, Речицкий и Слуцкий) за период с 1915 по 1917 г. количество бескоровных хозяйств возросло с 4,8 тыс. до 17,8 тыс., т. е. в 3,7 раза¹²⁶. В Могилевской губернии бескоровные хозяйства с 1,1% в 1913 г. увеличились до 9,1% в 1916 г., т. е. в 8,2 раза¹²⁷.

Поголовье скота в Белоруссии, как показывают данные табл. 7, за годы войны значительно сократилось. Прежде всего резко уменьшилось количество коров — на 33,9%. Если учесть, что белорусские губернии относились к району торгового животноводства с мо-

лочно-хозяйственным уклоном, то понятен ущерб, который понесло сельское хозяйство. Заметно убыло и поголовье молодняка — на 20,9%. О воспроизводстве молочного стада не могло быть и речи. Поголовье овец сократилось к 1917 г. на 263,2 тыс. голов, или на 14,5%. Наиболее сильной убыль овец была в Минской губернии — на 35,2 и Витебской — на 26,1%. Не подвергалось сокращению только поголовье свиней. Оно даже увеличилось на 14,6%. Прирост в основном произошел за счет Могилевской губернии, где количество свиней за годы войны возросло на 35%. Наиболее значительной убыль скота была в прифронтовых губерниях: Витебской — на 23,3 и Минской — на 21,5%. Что касается Могилевской, то здесь наблюдалось даже некоторое увеличение поголовья скота — на 0,1%. Но оно произошло в основном за счет роста овец и особенно свиней.

В Белоруссии поголовье скота ввиду ее прифронтового положения, массовых реквизиций, сплошного уничтожения скота в уездах, находящихся под угрозой вторжения противника, пострадало в гораздо большей степени, чем в других районах России. Из приводимых А. М. Анфимовым данных об изменении поголовья рогатого скота в крестьянских хозяйствах 10 губерний видно, что оно уменьшилось в целом за годы войны на 3,4%¹²⁸. А в Белоруссии поголовье рогатого скота за этот же период уменьшилось на 30%. Упадок животноводства явился одной из главных причин острой нехватки здесь мяса.

Отрицательные последствия условий военного времени на хозяйственную жизнь привели прежде всего к резкому уменьшению производства предметов первой необходимости и дальнейшему ухудшению положения широких трудящихся масс. Чиновники царского правительства и буржуазные экономисты рассчитывали, что производимого в стране хлеба вполне хватит для обеспечения армии и населения. Более того, прекращение экспорта хлеба должно было, по их мнению, привести даже к созданию значительных излишков и падению цен на хлебные продукты. Однако реальная действительность быстро и убедительно опровергла несостоятельность подобных расчетов. Упадок сельского хозяйства и промышленности, развал транспорта, без-

дарность и нераспорядительность царской администрации привели к тому, что уже в первый год войны возникли серьезные трудности со снабжением населения продуктами питания. А к началу 1917 г. продовольственный кризис перерос в подлинную катастрофу. Экономический отдел Всероссийского союза городов, ознакомившись в январе 1917 г. с положением продовольственного дела в 60 городах России, пришел к следующему выводу: «Большинство городов России стоит перед призраком надвигающегося голода. Один кризис следует за другим, нет ни хлеба, ни мяса, ни топлива, ни керосина... Россия стоит на краю гибели, к которой ее привели отсутствие твердой и планомерной продовольственной политики, полное отсутствие единого плана продовольствия империи»¹²⁹.

Продовольственный кризис, поразивший всю страну, в Белоруссии, которой собственных хлебов не хватало, ощущался особенно остро. Как показывают данные табл. 8, накануне войны Белоруссия удовлетворяла свои потребности в хлебе в целом на 89%, а в основных продовольственных культурах — ржи и пшенице — немногим более чем на 80%. В действительности же потребность во ввозе была гораздо большей. Хлеб продавали как кулаки и помещики, так и бедняки и середняки, нуждающиеся в деньгах для уплаты налогов, покупки промышленных товаров. На внутреннем рынке реализовывался не весь товарный хлеб, часть его вывозилась для продажи в другие районы. Так, в 1909—1913 гг. из Витебской, Минской и Могилевской губерний вывозилось в среднем более 5% производимого зерна¹³⁰. Нельзя не учитывать также и кулацкую тактику задерживания часто на длительный период больших запасов хлеба в ожидании высоких весенних цен. В годы войны потребности в хлебе значительно возросли, так как резко увеличилось количество населения за счет беженцев и войск. В то же время из-за сокращения посевных площадей, снижения урожайности, уничтожения посевов в результате военных действий, нехватки рабочих рук для уборки урожая валовые сборы хлеба в Белоруссии за 1913—1917 гг. подверглись значительному сокращению. Особенно чувствительным было уменьшение сборов ржи и пшеницы. Сборов этих культур по 23 неоккупированным уездам Белоруссии сокра-

Сбор, потребление и недостача ржи, пшеницы, ячменя и овса
тыс.

Вид хлебов	Губернии					
	Витебская			Минская		
	сбор	потребле- ние	недоста- ча	сбор	потребле- ние	недоста- ча
Рожь	16 541,9	19 051,5	2509,6	29 322,7	29 501,4	178,7
Пшеница	323,0	3786,0	3463,0	1695,6	4675,6	2980
Ячмень	5057,2	5383,8	326,6	5513,7	5135,2	+378,5
Овес	8141,1	8710,5	569,4	13 285,5	14 146,8	861,3
Итого	30 063,2	36 931,8	6868,6	49 817,5	53 459,0	3641,5

* Таблица составлена по источнику «Производство, перевозки и

тились за годы войны на 18 428,8 тыс. пудов, или на 31,7%. За этот же период сборы ячменя уменьшились на 18,9%, овса — на 19,4 и картофеля — на 6,7%¹⁸¹. Естественно, что потребность Белоруссии во ввозе сельскохозяйственных продуктов увеличилась еще в большей мере. В годы же войны железнодорожный транспорт оказался едва ли не самым слабым звеном в экономике царской России. Война поставила перед ним ряд новых задач. Резко возросли объемы воинских перевозок, перевозок беженцев, эвакуируемых промышленных предприятий и т. д. Но технически плохо оснащенный, с устаревшим паровозо-ремонтным парком, слабой пропускной способностью железнодорожный транспорт оказался бессильным удовлетворить увеличившиеся потребности страны в перевозках. Осуществление планов воинских перевозок шло в основном за счет сокращения гражданских грузов, в том числе продовольствия. Уже в 1915 г. перевозки зерна составили только две трети размера довоенных¹⁸². В 1916 г. в перевозках продовольствия наступил «полный хаос»¹⁸³. За первые полгода из планировавшихся к перевозкам 175 тыс. вагонов продовольственных грузов было перевезено только 84 тыс., т. е. менее половины, а в дальнейшем перевозки продовольствия сократились еще больше, составляя только 25% плана¹⁸⁴.

Таблица 8

в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в 1909—1913 гг., пудов*

Губернии			Всего			Недоста- ча, %
Могилевская			сбор	потребе- ние	недоста- ча	
сбор	потребе- ние	недоста- ча				
23 627,7	24 311,4	683,7	69 492,3	72 864,3	3372,0	4,8
764,4	3720,2	2955,8	2 783,0	12 181,8	9398,8	77,2
3462,2	3472,1	9,9	14 033,1	13 991,1	- 42,0	100,3
10 185,3	10 336,8	151,5	31 611,9	33 194,1	1582,2	4,8
38 039,6	41 840,5	3800,9	117 920,3	132 231,3	14 311,0	10,9

потребление хлебов в России. 1909—1913 гг.»

В Белоруссии острый продовольственный кризис возник уже в 1915 г. Связано это было прежде всего с развертыванием военных действий на ее территории, наплывом огромного числа беженцев, эвакуацией промышленных предприятий и другого имущества из угрожаемых районов. Не справляясь с переброской войск и армейского снаряжения, железные дороги почти полностью прекратили пассажирские перевозки и до последней степени ограничили прием продовольственных грузов. Ввоз хлебных грузов в Минскую и Могилевскую губернии в 1915 г. по сравнению с 1914 г. уменьшился на 40,2%.

Такое значительное сокращение подвоза привело к истощению запасов и почти полному прекращению снабжения населения продовольствием. Характеризуя продовольственное положение в Минской губернии осенью 1915 г., уполномоченный председателя Особого совещания по продовольственному делу писал: «Минская губерния, и в обычное время не богатая запасами фуража и продовольствия, в настоящий момент на большей части своей территории совершенно опустошена и разорена как потоками беженцев и прогоном через губернию громадного количества интендантского, войскового и беженского скота, так и военными действиями оперирующих в губернии войск. Никаких запасов ни

продовольствия, ни тем более фуража у населения губернии не имеется, и вся сущность продовольственного дела сводится исключительно к снабжению населения привозными продуктами. Но ввиду близости губернии к фронту и загромождения прилегающих сюда железных дорог военными грузами возможность доставки продовольствия и в особенности фуража далеко не соответствует потребности губернии»¹³⁵.

К концу года снабжение губернии ухудшилось еще больше и, по признанию того же уполномоченного, к декабрю 1915 г. у населения не осталось ни продовольственных, ни фуражных запасов, ни запасов предметов первой необходимости. В Пинском, Слуцком, Новогрудском, Минском и Борисовском уездах масса крестьянского населения кормилась на питательных пунктах, не имея никаких средств к существованию. В губернскую земскую управу еще с конца сентября стали поступать донесения от уездных предводителей дворянства и исправников о крайне тяжелом положении населения в уездах, примыкающих к фронту, и отсутствии у него каких бы то ни было продовольственных и фуражных запасов, вследствие чего начался голод людей и падеж скота¹³⁶.

В наиболее тяжелом положении оказались трудящиеся городов. К концу 1915 г. запасы продовольствия в городах, как показывают данные табл. 9, почти полностью иссякли, составляя, за исключением постного масла и рыбы, от 10 до 20% необходимого количества.

В Минске недостаток продуктов стал ощущаться с января 1915 г., когда по нескольку дней не было в продаже муки, круп, сливочного масла, топлива¹³⁷. К весне запасов фактически не стало. 10 апреля 1915 г. городской голова докладывал губернатору, что «вследствие затруднительного получения вагонов запас продуктов первой необходимости в городе постепенно уменьшался и в настоящее время окончательно истощились запасы муки, крупы, семян, отрубей, дров, каменного угля»¹³⁸. Летом и осенью перебои в снабжении Минска товарами первой необходимости приняли хронический характер, особенно осложнившись к концу года. За последние три месяца 1915 г. город из закупленных в разных губерниях России 300 вагонов продовольствия смог получить только 2. Отсутствие хлеба и необходимых

Таблица 9

Наличие запасов продовольствия в городах Витебской, Минской и Могилевской губерний в октябре 1915 г.*

Вид продуктов	Количество городов, по которым имеются сведения	Нормы месячного потребления, тыс. пудов	Наличие запасов	
			тыс. пудов	в % к нормам
Мука ржаная	20	315,0	55,7	17,7
Мука пшеничная	9	46,3	8,7	18,8
Рожь	8	171,7	26,1	15,2
Пшеница	3	32,5	4,2	12,9
Крупы	15	57,6	7,4	12,8
Сахар	13	47,1	10,4	22,0
Соль	10	37,4	3,5	9,3
Масло постное	10	5,9	3,4	57,6
Рыба всякая	9	20,7	11,3	54,6
Овес	15	126,1	10,5	8,3

* Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. — Пг., 1916. Приложения, с. 113—114.

продуктов затрагивало прежде всего интересы рабочих города, которые не имели возможности приобретать товары по спекулятивным ценам из-под полы. «Рабочие,— говорилось в донесении старшего фабричного инспектора Минской губернии в Министерство торговли и промышленности в сентябре 1915 г.,— число которых сильно сократилось, встревожены, целыми партиями бросают работу и уходят: кто отправляется в деревни спасать свои семьи и имущество, кто уезжает во внутренние губернии, стремясь поскорее выбраться в места более спокойные и не считаясь с ожидающими их на новых местах лишениями... Жить теперь в Минске, в особенности людям семейным, делается почти невозможно. Ввиду отсутствия подвоза и переполнения города воинскими частями, потребляющими все еще сохранившиеся у населения скудные запасы провизии, цены на все жизненные продукты сильно поднялись. Ни черного, ни белого хлеба в городе купить невозможно, и в ресторанах, не исключая и первоклассных, хлеб подается к обеду не каждый день. Сахар уже давно не продается. Нет также свеч, нет и керосина»¹³⁹.

Не менее острый недостаток продовольствия испытывали уездные города и местечки Минской губернии, снабжение которых было организовано еще хуже. Население Бобруйска в 1915 г. за счет беженцев и войск увеличилось вдвое (с 50 до 100 тыс. человек), и ежедневная потребность в подвозе продовольствия в город определялась в 10—14 вагонов. Но, несмотря на все усилия местных властей, во второй половине 1915 г. подвозилось лишь по 3 вагона в месяц¹⁴⁰. Мозырь нуждался в ежемесячном подвозе товаров первой необходимости в объеме 60 вагонов, а за период с сентября по декабрь 1915 г. не было получено ни одного¹⁴¹. И город оставался «без продуктов и освещения, а так как город служит центром доставки необходимого продовольствия и освещения для населения уезда, то и последнее лишено предметов продовольствия»¹⁴². Характеризуя продовольственное положение Слуцка во второй половине 1915 г., городской староста докладывал в Особое совещание по продовольственному делу, что в городе «запасы предметов продовольствия совершенно иссякли и не пополняются в требующемся размере: нет соли, керосина, свечей, сахару, спичек, табаку и проч. Помимо большой дороговизны названных предметов, не поддающейся никакой регулировке таксами, недоступной для бедного класса населения, создалось положение, что и за деньги не достать того, что крайне необходимо...»¹⁴³. В таком же положении оказались к концу 1915 г. Борисов¹⁴⁴, Речница¹⁴⁵, Осиповичи¹⁴⁶, другие города и местечки Минской губернии.

Доставка продовольствия в города Витебской губернии в 1915 г. также была организована из рук вон плохо. В результате нерегулярного снабжения многие города часто неделями оставались без продуктов. К концу года подвоз товаров первой необходимости был сведен до минимума, а истощение к этому времени местных запасов поставило население перед угрозой голода. В октябре 1915 г. главный начальник Двинского военного округа сообщал телеграммой в Министерство внутренних дел, что ввиду полного отсутствия в Витебске муки, соли, сахара, мяса и других продуктов населению угрожает голод. Все его распоряжения о выделении городу необходимого количества вагонов железными дорогами не выполнялись. «Ставка,— гово-

рилось далее в телеграмме, — ...обращает внимание представителей администрации на недопустимое скопление покупателей перед лавками съестных припасов»¹⁴⁷.

Совершенно не соответствовал потребностям продовольствия в Полоцк, Лепель, Дриссу. В Городке «начиная с конца августа сего года стал ощущаться весьма сильный недостаток в предметах первой необходимости: не было ни муки, ни сахара, ни керосина, ни соли... К концу октября сего года нужда в сказанных предметах первой необходимости обострилась в высшей степени»¹⁴⁸. Когда в город прибывали продукты, то продовольственные лавки осаждали тысячные толпы людей и распродажа шла под охраной городских¹⁴⁹.

Могилевская губерния снабжалась в 1915 г. продовольствием несколько лучше, чем Минская и Витебская. Но и здесь во второй половине года в городах стал ощущаться острый недостаток товаров первой необходимости. Могилевский губернатор в телеграмме в Особое совещание по продовольственному делу сообщал в октябре, что в Могилеве «ощущается острая нужда в предметах первой необходимости», и просил предоставить городу ссуду для закупок продовольствия в 500 тыс. руб.¹⁵⁰ В Гомеле осенью, как установила специальная комиссия по выяснению потребностей города в предметах первой необходимости, «хлебные продукты, сахар, керосин и соль почти отсутствуют»¹⁵¹. Подобная же комиссия в Мстиславле констатировала в октябре 1915 г.: «Некоторых же предметов, как, например, пшеничной муки, сахара, соли и керосина, в городе по целым неделям вовсе достать нельзя»¹⁵². «Ни за какие деньги» нельзя было купить продукты питания и в городе Рогачеве¹⁵³.

1916 г. принес дальнейшее обострение продовольственного кризиса, который принял зимой и весной 1917 г., когда совершенно иссякли местные запасы, а снабжение населения привозными товарами было полностью дезорганизовано, катастрофические размеры.

В города Витебской губернии в течение 1916 г. доставка товаров первой необходимости составляла не более 5—10% плановых перевозок, которые по сравнению с довоенными были сокращены более чем наполовину¹⁵⁴. Уже в феврале — апреле в губернию было до-

ставлено из положенных 1092 вагонов муки и круп только 84¹⁵⁵. В октябре — ноябре губерния должна была получить по плану снабжения 1188 вагонов продовольственных грузов, а получила только 211, т. е. 17%¹⁵⁶. В декабре было получено 20 вагонов, а в январе, феврале и марте 1917 г. — ни одного¹⁵⁷. Таким образом, за период с октября 1916 и по март 1917 г. губерния получила ржи, ржаной муки и круп 6, а пшеничной муки — 20%, хотя план завоза к этому времени и был снижен даже по сравнению с весенними месяцами 1916 г. в 10 раз¹⁵⁸.

В связи с полным расстройством снабжения население и в первую очередь рабочие и деревенская беднота оказались в отчаянном положении, начались голод и болезни. 17 февраля 1917 г. главный начальник Двинского военного округа телеграфировал в Особое совещание по продовольственному делу: «С октября по февраль продовольствия в Витебскую губернию, по словам уполномоченного, поступило из назначенного по плану снабжения количества не более 15%. Такой хронический затяжной недовоз повлек полное истощение запасов, недоедание и [на этой почве] болезни. Положение населения губернии критическое»¹⁵⁹. Подобные сообщения поступали и из других источников, заслуживающих доверия. О полном отсутствии продовольствия в губернии и «заболеваниях на почве недоедания» доносили в Особое совещание по продовольственному делу и уполномоченный по снабжению 1 февраля¹⁶⁰, и витебский губернатор 4 февраля 1917 г.¹⁶¹ Но все они были бессильны улучшить положение, и голод принимал все более угрожающие размеры.

В Минскую губернию накануне войны ввозилось ежемесячно 4500 вагонов продовольственных грузов¹⁶². В феврале 1916 г. при введении планирования перевозок на всю губернию и Вилейский и Ошмянский уезды Виленской губернии было выделено лишь 1790 вагонов, т. е. даже менее 40% довоенного количества. Потом эта норма с каждым месяцем урезывалась все больше и больше. В апреле она была снижена до 1600, в октябре — до 1150, в ноябре — до 1122, в декабре — до 937, в январе — до 200 вагонов¹⁶³. Но и эти планы перевозок не выполнялись из месяца в месяц. Весьма отрицательно на закупки продовольствия потребляющими

губерниями сыграл царский указ от 17 февраля 1915 г., которым предоставлялось право местным военным властям запрещать вывоз продуктов из пределов подведомственной им территории.

Изданием этого указа преследовалась цель затруднить спекулянтам скупку хлеба в производящих губерниях и его дальнейшую перепродажу в города. На деле же указ нисколько не стеснял свободы действий перекупщиков хлеба, создавая лишь дополнительные трудности для поставки хлеба в нуждающиеся губернии. «Запрещения, — отмечала городская комиссия по удовлетворению насущных нужд Минска, — создавая искусственные барьеры между рынками потребляющими и рынками производящими, совершенно дезорганизовывали внутреннюю торговлю хлебными продуктами и повлияли даже сильнее расстройтва железнодорожного транспорта на лишение местных рынков возможности товарообмена и на вздорожание тех предметов, в подвозе которых препятствуют уже не одна первоначальная причина — расстройство транспорта, а две»¹⁶⁴. Так, Минской губернии было предоставлено осенью 1916 г. по плану перевозок 370 вагонов Юго-Западных железных дорог и 50 вагонов Южных подъездных путей. Но ввиду последовавшего запрещения вывоза из этого района все 420 вагонов, т. е. почти половина нормы месячного подвоза, оказались неиспользованными¹⁶⁵. Подобная неразбериха и путаница приводили к тому, что даже минимальные плановые нормы подвозки товаров первой необходимости выполнялись из месяца в месяц немногим более чем на 1/3. В июне в губернию было доставлено только 784 вагона продовольственных грузов, в июле — 773, в августе — 786¹⁶⁶. Если, например, в январе 1916 г. Минск получил муки 224 тыс. пудов и соли 81 254 пуда, то в августе соответственно 45 тыс. и 9800 пудов¹⁶⁷. К концу года подвоз был фактически полностью дезорганизован. В декабре губернская продовольственная комиссия направила главному начальнику Минского военного округа следующую телеграмму: «Из назначенных планом на ноябрь — декабрь 1916 г. 500 тыс. пудов ржаной муки не получено ни пуда, равно как 200 тыс. пудов пшеничной муки. Херсонский уполномоченный отказывается исполнять наряды»¹⁶⁸.

Телеграммы не помогали. Вмешательство предсе-

дателя Особого совещания по продовольственному делу также не дало никаких результатов. Под самым большим давлением из Херсонской губернии было отгружено в конце концов лишь 50 тыс. пудов хлебных грузов вместо 700 тыс. пудов¹⁶⁹. А всего в ноябре было получено 193 и в декабре 223 вагона продовольственных грузов¹⁷⁰. Население губернии оказалось в катастрофическом положении. В декабре вместо выделенных 200 вагонов продовольственных грузов Минск получил только 6 и оказался под угрозой голода¹⁷¹. В уездных городах и уездах «нельзя было купить ни картошки, ни хлеба, ни ржаной муки»¹⁷². «Громадные хвосты» стояли и у мясных лавок без всяких надежд что-либо достать¹⁷³. В январе и феврале никаких изменений к лучшему в снабжении не произошло. Губерния получила за это время только 106 вагонов продовольствия¹⁷⁴. Поэтому если в августе 1916 г. в Минске на одну продовольственную карточку выдавалось 30 фунтов муки и 3 фунта крупы, в декабре — 15 фунтов муки и 1 фунт крупы, то в феврале 1917 г. — 2 фунта муки и ничего больше¹⁷⁵.

Снабжение продовольствием Могилевской губернии в 1916 г. также было полностью дезорганизовано. Выделяемое количество плановых вагонов ежемесячно уменьшалось и составляло к концу года менее 1/3 необходимого количества¹⁷⁶, но и эти вагоны прибывали далеко не полностью. Гомелю по плану перевозок причиталось в ноябре — декабре 1916 г. и январе 1917 г. 124 вагона ржаной и пшеничной муки, а получил 40. Поэтому выдача населению хлеба на 1 продовольственную карточку была снижена с 11,3 до 2,5 фунта¹⁷⁷.

Царское правительство в поисках выхода из тяжелого продовольственного положения, в котором оказалась страна в годы войны, лихорадочно заменяло одни «регулирующие» органы другими. Вначале закупкой продовольствия ведало Главное управление землеустройства и земледелия. Затем с мая 1915 г. это дело было передано Министерству торговли и промышленности, при котором был специально создан Главный продовольственный комитет. На местах организовывались губернские продовольственные комитеты во главе с губернаторами, на которые возлагались обязанности по координированию деятельности военных и

гражданских закупочных организаций. И, наконец, во второй половине 1915 г. было создано Особое совещание по продовольственному делу под председательством главноуправляющего землеустройства и земледелия. В него входили представители Государственного совета, Государственной думы, министерств, земского и городского союзов и др. Представителями Особого совещания по продовольственному делу на местах являлись уполномоченные по снабжению. В Витебской и Минской губерниях исполнение обязанностей уполномоченных было возложено на председателей губернских земских управ. При них были созданы совещания из представителей местной буржуазии и помещиков. В круг деятельности уполномоченных входило выяснение необходимого количества продуктов, организация распределения продовольствия между населением. Они имели право возбуждать ходатайство о запрещении вывоза тех или иных товаров, проведении реквизиций скота и продовольствия и т. д. «Однако,— замечала Минская губернская продовольственная комиссия, которую возглавлял уполномоченный по снабжению,— далеко не всеми этими мерами явилась возможность воспользоваться. Действительной же опорой для деятельности уполномоченного и губернской продовольственной комиссии следует считать предоставление в их распоряжение правительственными органами денежных средств и вагонов на внеочередную доставку грузов»¹⁷⁸. К тому же действовали уполномоченные совершенно изолированно друг от друга, а правом запрещения вывоза продуктов, которым они пользовались довольно широко, вносили еще большее расстройство в продовольственное дело.

Наладить продовольственное снабжение пыталась и буржуазия, которая в годы войны всячески стремилась укрепить свои позиции и в народном хозяйстве и в управлении государством. 9 ноября 1915 г. на совещании председателей земских управ была создана Минская губернская продовольственная комиссия. В ее состав вошли представители губернского и уездных земств, уездных продовольственных комиссий, городских самоуправлений, дворянских депутатских собраний и т. д. Возглавил комиссию председатель губернской земской управы. На местах были созданы уездные

продовольственные комиссии. В Могилевской губернии продовольственная комиссия была создана в сентябре 1916 г. Кроме того, во всех городах были созданы продовольственные комиссии при городских управах, многие из которых именовали себя комиссиями по удовлетворению насущных нужд. Деятельность этих комиссий должна была заключаться в централизованных закупках продовольствия и установлении такс. Но продовольственные комиссии сыграли фактически ничтожную роль в снабжении населения. Они располагали минимальными денежными средствами и не могли, естественно, в сколько-нибудь значительных размерах проводить закупки продовольствия. Денежные средства, например, Минской губернской продовольственной комиссии состояли из займа в 800 тыс. руб., предоставленного военным ведомством, и 900 тыс. руб., полученных из Министерства внутренних дел¹⁷⁹. За период с ноября 1915 по 1 января 1917 г. комиссия закупила и доставила в губернию 1365 вагонов товаров первой необходимости¹⁸⁰. Этого количества продуктов могло хватить населению губернии не более чем на 10—15 дней.

Могилевская губернская продовольственная комиссия располагала еще меньшими денежными средствами (500 тыс. руб.)¹⁸¹. О финансовых возможностях городских продовольственных комиссий вообще говорить не приходится. Скудность средств и ничтожность размеров закупочных операций делали эти организации совершенно бессильными в выполнении возложенных на них задач по борьбе с дороговизной путем таксировки цен. В отчете о своей деятельности Минская губернская продовольственная комиссия вынуждена была признать, что таксы «не оправдали возлагавшихся на них надежд. Основной причиной этого являлась, несомненно, необеспеченность запасом продовольствия... А при таких условиях такса оставалась мертвой буквой или даже, быть может, вела в некоторых случаях к исчезновению товара и дальнейшей продаже его по спекулятивным ценам»¹⁸². Да собственно говоря, издавая закон о введении такс на товары первой необходимости, правительство фактически и не пыталось ограничить стремление буржуазии и помещиков к наживе. Это мероприятие, как и другие шаги царизма в области продовольственного дела, было не чем иным,

как фиговым листком, которым он старался скрыть от глаз трудящихся фиктивность государственного контроля и распределения. «Контроль, надзор, учет,— писал В. И. Ленин, характеризуя положение в России к осени 1917 г.,— вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают»¹⁸³. И действительно, о каком ограничении прибылей буржуазии и помещиков, роста цен могла идти речь, если дело таксировки было полностью передано в руки буржуазии и помещиков? Именно поэтому «таксы имели главным образом справочный характер, просто указывая существующую среднюю цену на данный товар. В зависимости от этого они возобновлялись... через две недели, чтобы в них могло быть отмечено движение цен»¹⁸⁴.

Пользуясь полнейшей бесконтрольностью и неограниченной свободой действий, помещики и буржуазия города и деревни всемерно использовали войну для ограбления трудящихся и дальнейшего обогащения. Разгул спекуляции начался буквально с первых дней войны. Уже в августе 1914 г. цены на хлеб возросли в Минске с 5 до 8 коп.¹⁸⁵ за фунт. В Лоеве, Осиповичах цены на продовольствие к этому времени поднялись на 25%¹⁸⁶, в Калинковичах — на 50%¹⁸⁷. К концу 1915 г. в Минской губернии цены поднялись на 150—300%. Спекуляция товарами первой необходимости особенно возросла в 1916 г., когда резко сократилась доставка продовольствия в города и создавалась благоприятная обстановка для самой беззастенчивой наживы на нуждах трудящихся. Спекуляцией занимались и мелкие розничные торговцы, и помещики, и кулаки. Излюбленным методом всех этих мародеров была тактика припрятывания продуктов в целях дальнейшего взвинчивания цен. Они, по замечанию газеты «Минская мысль» (1917, 14 февр.), «прячут решительно все: муку, рыбу, сахар, чай, масло, яйца и пр. Прячут медь, сви-

нец, железо, уголь, нефть, дрова, сукно, бумагу и т. д. Эта всероссийская игра в прятки ведется под девизом: «сейчас дорого, завтра еще дороже будет...» Тыловые мародеры аршина, весов и станка грабят среди бела дня всю страну, рождая в ней свистопляску роскоши и мотовства».

В Витебске, например, весной и летом 1915 г. исчезли из продажи сахар, соль, мука и другие продукты. Население, подозревая, что торговцы придерживают товары в ожидании дальнейшего повышения цен, потребовало обыска лавок и складов. Результат осмотра нескольких складов превзошел все ожидания и удивил даже выдавшего виды витебского полицмейстера. Он отмечал в специально изданном по этому поводу циркуляре, что сахара в продаже нет, «а между тем крупные торговцы имеют склады, наполненные сахаром, но таковой не продают, дабы иметь возможность взвинтить цены и получить от этого хороший барыш»¹⁸⁸. У оптового торговца Казаиса было обнаружено 935 пудов сахара¹⁸⁹, а купец Лурье припрятывал несколько тысяч пудов муки¹⁹⁰ и т. д. Такая тактика широко применялась спекулянтами и в других городах. Так, купцы Чаус весной 1915 г. в ответ на попытку городских властей ограничить рост цен путем введения таксы полностью прекратили торговлю важнейшими продуктами и добились отмены таксы. А затем вновь стали повышать цены¹⁹¹. Стремясь получить наивысшие прибыли, торговцы часто скупали на местных рынках товары и, несмотря на то, что в них ощущалась острая нужда, перепродавали их по спекулятивным ценам в другие районы. Когда цены на масло в Киевской губернии поднялись до 3 руб. за фунт, а в Минской они стояли на уровне 1 руб. 60 коп. за фунт, то местные спекулянты стали вывозить его в Киевскую губернию. Вывоз принял такие широкие размеры, что вскоре в Минской губернии стал ощущаться острый недостаток масла и цена на него поднялась до 3 руб. Уполномоченный по снабжению, к которому население обращалось с просьбой запретить вывоз масла, не захотел и не посмел посягнуть на ущемление интересов купечества¹⁹².

Бешеную спекуляцию развернули кулаки. В первой половине августа 1918 г. В. И. Ленин писал: «Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны,

они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках»¹⁹³. В Могилевской губернии осенью, когда крестьяне, нуждаясь в деньгах, вынуждены были продавать даже необходимый для собственных нужд хлеб, кулаки скупали по несколько тысяч пудов зерна и придерживали его до весны, несмотря на крайнюю нужду населения¹⁹⁴.

Страсть к наживе и спекуляции, которую развернула буржуазия города и деревни, привела к тому, что к концу 1916 г. стоимость продуктов продовольствия и промышленных изделий возросла по сравнению с довоенным временем в 3—5 раз. К марту 1917 г. дороговизна усилилась еще больше. К этому времени в Могилевской губернии, например, цены на рожь увеличились на 507%, на ржаную муку — на 524, на мясо — на 527, на масло — на 750% и т. д. (табл. 10).

Продовольственный кризис поставил в тяжелое положение рабочих городов. Капиталисты наживались в годы войны за счет трудящихся не только повышением цен на продукты. Они всеми мерами стремились удержать заработную плату на минимальном уровне. Всех тех увеличений в зарплате, которые имели место, рабочие добивались лишь в результате упорной стачечной борьбы. Здесь следует отметить, что заработная плата накануне войны не удовлетворяла даже самых насущных потребностей рабочих. В. И. Ленин, оценивая заработную плату рабочих в России в 1908 г., равную 246 руб. в год, писал: «Если принять во внимание, что на такую сумму приходится содержать семью,— и это при теперешней дороговизне квартир и жизненных припасов,— то подобную плату нельзя не назвать нищенской»¹⁹⁵. В Белоруссии заработная плата была еще ниже, чем в среднем по России. Накануне войны, в 1913 г., средний заработок рабочих по пяти белорусским губерниям составлял только 210 руб. в год и был ниже общероссийского на 54 руб., или на 20,5%¹⁹⁶. Отсюда ясно, что материальное положение рабочих Белоруссии в начале XX в. было тяжелым. Оно усугубилось еще больше в годы первой мировой войны в

Таблица 10

Рыночные цены на товары первой необходимости в Минской и Могилевской губерниях, руб.*

Наименование товара (в пудах)	Минская губерния						Могилевская губерния			
	август 1914 г.	январь 1915 г.	июнь 1915 г.	декабрь 1915 г.	июнь 1916 г.	декабрь 1916 г.	декабрь 1916 г. в % к 1914 г.	июль 1914 г.	февраль 1917 г.	февраль 1917 г. в % к 1914 г.
Рожь	0,89	1,20	1,38	1,56	1,59	2,47	277,5	0,85	4,31	507
Пшеница	1,14	1,43	1,86	2,18	2,05	—	—	—	—	—
Мука ржаная (обыкновенная)	1,04	1,27	1,49	1,80	1,86	3,04	292,3	1,00	5,24	524
Мука ржаная (просеянная)	1,21	1,49	1,61	2,38	2,37	—	—	—	—	—
Мука пшеничная 1-го сорта	2,38	2,75	3,42	5,08	4,66	8,62	362	2,32	11,92	513
Мука пшеничная 2-го сорта	2,09	2,44	2,83	4,39	4,25	—	—	—	—	—
Картофель	0,24	0,25	0,32	0,44	0,48	1,00	417	30	1,39	463
Лук	0,99	1,95	2,82	2,21	2,99	—	—	—	—	—
Говядина	5,26	5,66	6,48	7,30	16,40	22,80	433,5	5,57	29,36	527
Телятина	4,16	4,32	4,90	6,00	18,40	—	—	—	—	—
Баранина	4,12	4,54	4,96	5,68	17,70	23,90	580	—	—	—
Свинина	5,60	6,03	7,16	8,74	19,00	40,30	719,6	—	—	—
Сало свиное	10,56	10,75	12,10	18,1	25,90	48,30	457,4	11,70	51,11	437
Сыр голландский	9,53	11,77	11,60	29,1	41,30	—	—	—	—	—
Сыр творожный	2,93	3,55	3,55	8,20	7,80	—	—	—	—	—
Масло 1-го сорта	17,31	23,82	22,10	48,5	48,00	78,40	453	14,50	108,80	750
Масло 2-го сорта	13,75	17,05	18,50	42,3	39,60	—	—	—	—	—
Сметана (ведро)	4,64	5,02	5,23	11,1	10,90	—	—	—	—	—
Молоко (ведро)	1,05	1,29	1,22	2,89	3,07	4,36	415	—	—	—
Крупа гречневая	2,0	2,44	3,00	3,92	3,92	4,97	248,5	1,72	9,37	544,7
Крупа ячменная	1,83	2,07	2,71	3,91	3,78	—	—	1,70	8,23	484
Пшено	1,94	2,23	2,86	3,67	3,93	—	—	1,79	9,53	532,4
Сахар	6,37	6,68	7,97	9,86	15,50	—	—	—	—	—
Соль	0,71	0,83	0,85	2,37	1,38	—	—	—	—	—
Сельди	5,73	6,98	9,56	10,5	10,80	—	—	—	—	—
Керосин	2,50	2,67	2,74	5,52	4,25	—	—	—	—	—
Ситец простой (аршин)	0,12	—	—	—	0,55	—	—	—	—	—
Дрова березовые (сажень)	—	—	—	—	—	—	—	24,00	81,00	337,5
Дрова ольховые (сажень)	—	—	—	—	—	—	—	21,00	72,00	342,8

* Таблица составлена на основании источников: «Базарные цены». — Мин., 1914, вып. I; 1915, вып. I, IV, VII; 1916, вып. VI; «Цены на продукты сельского хозяйства в Могилевской губернии в 1917 г.» — Могилев, 1918; ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 1, д. 967, л. 148; д. 1070, л. 18; ф. 2084, оп. 1, д. 365, л. 216 — 217.

условиях безудержного разгула спекуляции и острой нехватки продовольствия.

Многие промышленные предприятия Белоруссии из-за резкого сокращения подвоза топлива, сырья и материалов подолгу простаивали или вообще закрывались. Это повлияло на средний уровень заработной платы рабочих. Она, как показывают данные табл. 11, в Витебской, Минской и Могилевской губерниях даже сократилась в 1915 г. по сравнению с довоенным временем на 10,7%. Заработная плата рабочих этих губерний в 1915 г. по сравнению со средней общероссийской была ниже уже на 47,6%. В 1916 г. в связи с общей разрухой на транспорте и сокращением объема гражданских перевозок простои предприятий увеличились и заработная плата была, конечно, еще ниже.

Сокращению заработной платы способствовало также расширение в годы войны эксплуатации капиталистами более дешевого женского и детского труда. Так, например, на витебском дрожжевом заводе «Мизрох» в 1915 г. заработки мужчин составляли 23—25 руб. в месяц. В то же время женщины, дети и подростки, составлявшие почти 2/3 рабочих предприятия, при 14-часовом рабочем дне получали в месяц только 6—12 руб.¹⁹⁷

В несколько лучшем положении находились рабочие тех предприятий, которые в той или иной мере работали на оборону. К 1917 г. заработная плата здесь повысилась на 133%¹⁹⁸. Это увеличение не могло компенсировать роста цен, и реальная заработная плата даже наиболее высоко оплачиваемых категорий рабочих сократилась в 2—3 раза.

Таблица 11

Среднегодовая заработная плата рабочих России и Витебской, Минской и Могилевской губерний в 1913—1915 гг.*

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1915 г. в % к 1913 г.
В России	264	271	322	122
В трех белорусских губерниях	188,6	169,6	168,6	89,3

* Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. 1, с. 118—122.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что статистика фабричной инспекции не подразделяла рабочих по размерам заработка и тем самым увеличивала среднегодовую зарплату за счет высокооплачиваемых рабочих. Так, в июне 1916 г. из 1594 рабочих витебской льнопрядильной фабрики «Двина» и акционерного общества Днепровской мануфактуры в Горецком уезде Могилевской губернии 1345 человек (85%) получали в день от 50 коп. до 1,5 руб. Зарботки же 249 рабочих (15%) доходили от 1,5 до 6 руб. в день¹⁹⁹.

Увеличение заработной платы происходило в основном за счет усиления эксплуатации рабочих. Вслед за объявлением войны последовали распоряжения об отмене правил, ограничивавших продолжительность рабочего дня, применение женского и детского труда. Обязательными стали так называемые «сверхурочные» работы. Были введены в практику работы в выходные и праздничные дни. «Сверхурочные работы по 100—200 часов в месяц,—отмечали в своем письме в редакцию журнала «Наше печатное дело» (1916, № 30, с. 5) типографские рабочие Витебска,—обязательные занятия в вечернее время, праздничные и воскресные дни доводят рабочее время до беспредельных размеров». А в большинстве мастерских рабочий день продолжался, как отмечалось в газете «Северо-Западная мысль» за 10 января 1915 г., «в течение 15—16 часов в сутки при условиях, которые и сто лет тому назад вызвали бы всеобщее возмущение и негодование». Применяя сверхурочные работы, предприниматели значительно удлиняли рабочий день, усиливали эксплуатацию рабочих и, кроме того, получали возможность не повышать заработной платы, выплачиваемой при нормальной продолжительности рабочего дня.

В годы войны на промышленных предприятиях Белоруссии капиталисты, как и прежде, грабили трудящихся с помощью тщательно разработанной системы штрафов. Причем возможность отпора со стороны рабочих, особенно на предприятиях, работавших на оборону, значительно уменьшилась ввиду действия законов чрезвычайного положения. В 1914 г. на Витебской льнопрядильной фабрике, например, было наложено на рабочих 3930 штрафов на сумму 1169 руб. 69 коп., а в 1915 г. количество штрафов возросло уже до 4148²⁰⁰.

Одновременно с ростом цен на продовольствие и товары первой необходимости резко возросла и квартирная плата. В августе 1915 г. в прошении витебскому губернатору, которое подписали 50 человек, рабочие Полоцка отмечали: «У всех домовладельцев гор. Полоцка... разыгрались аппетиты: запрашивают за квартиры невероятно дорогие цены, надбавляя на таковые и старым арендаторам по 50—100 и более процентов и требуя годовую арендную плату вперед... При таком положении дела и ввиду наступившей на все необходимое к существованию дороговизне бедным арендаторам приходится с малютками детьми валяться под открытым небом, ибо совершенно нет возможности удовлетворить разыгравшиеся аппетиты домовладельцев»²⁰¹. Жилищные условия рабочих вследствие переполненности городов войсками и беженцами ухудшились еще больше.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии не проводилось массовых обследований жилищных условий рабочих, и этот вопрос в литературе освещен слабо. Поэтому за неимением других источников приведем данные Общероссийской профессиональной переписи рабочих, проведенной летом 1918 г.²⁰² Собственные жилища имели 31,4% рабочих. Почти половина из них жила на частных квартирах и 10,5% — в фабричных помещениях. Следовательно, рост квартирной платы подрывал и без того нищенский бюджет большинства рабочих семей и их положение в годы войны ухудшилось во много раз. Абсолютное обнищание белорусского пролетариата в годы войны вынуждены были признавать и официальные царские чиновники. «Крайнюю нужду, — доносил в октябре 1916 г. в Департамент полиции могилевский губернатор, — сейчас терпят рабочие железнодорожной, фабричной и заводской промышленности»²⁰³. О положении рабочих акционерного общества Днепровской мануфактуры старший инспектор Могилевской губернии 7 августа 1916 г. писал следующее: «Обнаружено крайне тяжелое положение рабочих означенной фабрики. Заработок рабочих колеблется от 2 до 12 рублей в неделю, большая часть получает не более 7 рублей в неделю. Цены на предметы первой необходимости стоят высокие, причем тенденция к ежедневному повышению. Сахар тайком продается по 75 коп. фунт, воз дров, достаточный для

отопления помещения рабочего дней на 10, можно с трудом получить за 7—8 рублей. Мяса рабочие не ели более года. На вид рабочие производят очень тяжелое впечатление, а годовая цифра посещений заводской амбулатории в 10 тыс., причем большая часть заболеваний относится к числу желудочных на почве недоедания и плохого питания, достаточно красноречива»²⁰⁴.

Продовольственный кризис, охвативший всю Белоруссию, тяжело отражался и на положении деревни. Дороговизна, рост цен на сельскохозяйственные продукты затрагивали интересы большей части крестьян, потому что они являлись покупателями хлеба. При обследовании, проведенном в 1907 г. Витебской губернской управой по делам земского хозяйства, выяснилось, что бедняцкие хозяйства с посевом до 4 дес. (66,9% общего числа крестьянских хозяйств) были обеспечены собственным хлебом лишь на 3—4 месяца в году, а середняцкие — на 7—8. И только 6,6% кулацких дворов имели излишки хлеба²⁰⁵. В последующие годы значительных изменений в сторону улучшения не произошло. В 1914/15 хозяйственном году должны были покупать хлеб в октябре 1/4, в феврале 1/3, в марте 1/2, в апреле 2/3 и в мае 3/4 крестьянских дворов этой губернии²⁰⁶. И незначительные сборы хлебов забирались у крестьян непрерывными реквизициями, носившими характер откровенного грабежа. «Реквизиции,— признавал председатель заславской реквизиционной комиссии,— производят так: приходит один военный и делит все пополам, на следующий день другой делает то же»²⁰⁷. Но зачастую военные и гражданские реквизиционные комиссии «забывали» произвести и такую дележку и забирали у крестьян почти все запасы зерна. Даже помещики сообщали властям, что у крестьян военные «продолжают производить полную реквизицию и оставляют для пропитания населения хлеба в зерне только по два пуда на семью или иногда на человека. Запасов этих хватит ненадолго, а так как подвоза ни гужевым путем, ни по железным дорогам теперь нет, то в недалеком будущем в Минской губернии неизбежен голод»²⁰⁸.

В феврале 1916 г. в Лепельском, Полоцком, Витебском, Себежском и других уездах Витебской губернии уполномоченным была произведена полная реквизиция

зерна, кроме семенного. А через несколько дней воинские части забрали и зерно, оставленное на семена²⁰⁹. В районе боевых действий в радиусе нескольких десятков километров у крестьян во исполнение директивы оголения зоны, находившейся под угрозой вторжения противника, производилась абсолютная реквизиция продовольственных запасов, скота, фуража и т. д. А все, что не могло быть вывезено, уничтожалось. Крестьяне в этих районах оказывались в отчаянном положении и кормились только тем, что им выделяли воинские части²¹⁰. В рапорте министру внутренних дел 14 октября 1915 г. главный начальник Двинского военного округа признавал, что крестьяне в районе боевых действий испытывают полную нищету. У них совершенно нет фуража, и достать его они лишены возможности, так как в радиусе 50—60 километров все реквизировано войсками. «Так же остро,— отмечалось далее в документе,—обстоит вопрос и с продовольствием самого населения. Отсутствие предметов первой необходимости (муки, крупы, соли и т. д.) и полное прекращение подвоза таковых в местности, находящиеся в боевом районе, угрожает населению голодом»²¹¹.

О тяжелом положении крестьян в прифронтовой зоне (а в районе фронта находились многие уезды Витебской и Минской губерний) свидетельствует и предпринятое Минской губернской земской управой в декабре 1915 г. специальное анкетное исследование с целью выяснения запасов продовольствия и семян у крестьян губернии. Оно показало, что семена в достаточном количестве имелись в целом у 30% крестьянских хозяйств, а в уездах, примыкающих к фронту,—лишь у 3% хозяйств²¹².

В очень тяжелом положении оказались крестьяне Белоруссии зимой 1916 и весной 1917 г., когда местные запасы были полностью исчерпаны, а подвоз сократился до минимума. 4 февраля 1917 г. витебский губернатор докладывал министру земледелия: «Имеющиеся в центральных складах в пределах губернии запасы ржи и ржаной муки все давно израсходованы, и, по имеющимся у меня проверенным сведениям, население губернии кончает расходование скудных остатков урожая 1916 г. и поступают тревожные сообщения о возникновении в окрестностях станции Рушоны тифозных

заболеваний на почве недоедания»²¹³. Весной положение деревенской бедноты стало еще более тяжелым. По сведениям продовольственных управ Полоцкого и Витебского уездов, только в 23 волостях этих уездов было зарегистрировано к лету 62 334 голодающих²¹⁴.

Полностью было разорено население оккупированной части Белоруссии. Немецкие захватчики убивали мирных жителей, уничтожали и грабили их имущество. «Неприятелем... — констатировала специальная комиссия Минского земства по изучению ущерба, нанесенного крестьянам на захваченной территории, — уничтожается все под метлу, а население забирается в плен»²¹⁵. В оккупированных волостях Пинского, Слуцкого и Новогрудского уездов, в которых насчитывалось 58 038 крестьянских дворов, было уничтожено 99% жилых и холодных построек, весь сельскохозяйственный инвентарь, скот и имущество. Убытки населения этих волостей исчислялись в 43 млн. руб.²¹⁶ Такие же бесчинства творили оккупанты и в захваченных районах Виленской, Витебской и Гродненской губерний.

Империалистическая война, поставившая трудящихся на грань катастрофы, была всемерно использована буржуазией и помещиками для усиления эксплуатации рабочих и крестьян и дальнейшего обогащения. От торговцев, выколачивавших бешеные деньги на взвинчивании цен на товары первой необходимости, не отставали и другие слои буржуазии. Владельцы фабрик и заводов получали колоссальные прибыли на выгодных военных заказах и резком повышении цен на промышленные товары. Так, прибыли Речицкого проволочно-гвоздильного завода возросли к 1916 г. по сравнению с довоенным временем в 16,2 раза, Витебского оптического завода Зелига — в 5 раз, Полоцкой паровой мельницы — в 8,8 раза и т. д.²¹⁷ Невиданные размеры приняло казнокрадство, взяточничество, всевозможные злоупотребления на подвозке продовольствия, поставках интендантству снаряжения, фуража. «Крупнейшие центры Северо-Западного края — Витебск, Минск, Гомель, — писала газета «Северо-Западный край», — превратились в какое-то золотое дно. Громадные обороты, огромные прибыли и вдобавок мародерство и спекуляция «сделали свое дело»²¹⁸. Широкие махинации по обворовыванию казны развернулись, например, при

оплате помещикам стоимости уничтоженного военными действиями имущества. За короткий срок только в Полоцком и Витебском казначействах путем завышения стоимости имущества и составления подложных актов было расхищено свыше 2 млн. руб.²¹⁹ Заведующие казенными гуртами в Витебской губернии всю спекулировали скотом, реквизируемым у населения по твердым ценам, которые были намного ниже рыночных²²⁰. Члены витебского городского самоуправления во главе с городским головой открыто брали с торговцев взятки за предоставление вагонов под перевозку грузов и не брезговали даже мелким мошенничеством при распределении продуктов между низшими служащими управы²²¹.

Тяжелые поражения на фронтах, вакханалия обогащения, охватившая эксплуататорские классы, ужасающая бедность и нищета помогали самым широким слоям населения, одураченным в начале войны пропагандой шовинизма, осознать подлинные цели и намерения правящих классов России и примкнуть к пролетариату в его борьбе за свержение царизма, помещиков и буржуазии. Усиление недовольства трудящихся Белоруссии войной и рост их классового самосознания отчетливо прослеживаются по донесениям местных губернских жандармских управлений в Департамент полиции о политических настроениях населения в годы войны. Уже в октябре и ноябре 1915 г. начальник Минского жандармского управления докладывал, что «среди крестьян стало наблюдаться глухое недовольство действиями наших отступающих войск и появились кривотолчки о действиях правительства в отношении недостаточного снабжения армии боевыми припасами... Среди них начинают появляться далекие от истины толки об отрицательных качествах нашего командного состава и о хищениях служебного персонала, призванного обслуживать дело снабжения действующей армии»²²².

Примерно в таких же тонах выдержано и донесение начальника Витебского жандармского управления. «Среди населения, и особенно городской бедноты,— сообщал он,— появились ропщущие на создавшееся положение, теряющие веру в способность местных и центральных властей урегулировать положение... Можно наблюдать проявление недовольства существующим положением

и поворот настроения в пользу скорейшего заключения мира»²²³. О растущей ненависти трудящихся к царизму сообщал и начальник Могилевского губернского жандармского управления, подчеркивая, что вследствие ухудшения материального положения «среди городского населения, а в особенности среди рабочих... изменилось и отношение к правительству, которое будто бы за все время войны ничего не сделало в отношении уменьшения сильно приподнятых цен»²²⁴.

Таким образом, империалистическая война во много раз ускорила процесс обнищания трудящихся Белоруссии. К началу Февральской революции они оказались на грани катастрофы. У пролетариата и трудового крестьянства оставался один путь — уничтожение самодержавия, ввергшего народ в пучину бедствий и нищеты.

Глава II

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Война не была неожиданной для социал-демократических партий. На всех предвоенных конгрессах II Интернационала — Штутгартском (1907 г.), Копенгагенском (1910 г.) и Базельском (1912 г.) — принимались резолюции, которые призывали рабочих всех стран вести активную борьбу против войны и милитаризма. На Штутгартском и Базельском конгрессах указывалось, например, что империалистические правительства крупнейших стран всего мира готовятся к захватнической, грабительской империалистической войне, чтобы покорить чужие нации и не допустить конкуренции с их стороны на мировом рынке. Поэтому начинают создаваться различные военные союзы, увеличиваются расходы, широко пропагандируются чело-веконенавистнические идеи шовинизма и национализма.

Но в первые же дни войны социал-демократические партии II Интернационала встали на защиту империалистической политики своих буржуазных государств, помогая им одурачивать массы шовинистической пропагандой, лживым лозунгом «защиты отечества».

Господствующие классы в России и их партии ожидали от войны громадных барышей и поэтому всячески поддерживали империалистическую политику царизма. Угар шовинизма захватил городскую и сельскую мелкую буржуазию, часть интеллигенции, крестьянства.

Вслед за буржуазными партиями в поддержку войны выступили и мелкобуржуазные партии. Правда, учитывая сильные антивоенные настроения пролетариата России, меньшевистская фракция в Государственной думе вначале не решалась голосовать за военные кредиты. Но в дальнейшем меньшевики полностью

поддержали лозунг «защиты отечества». В партии эсеров по вопросу об отношении к войне не было единства, но большая ее часть поддерживала захватническую политику царизма¹. В самом начале войны, обращаясь к рабочему классу, эсеры писали: «Вы ошибаетесь, если воображите, что рабочему народу нет надобности защищать нашу страну. На самом деле ничьи интересы не страдают так жестоко от нашествия неприятеля, как интересы трудящегося населения. Вашим лозунгом должна быть победа над внешним врагом»².

По мере назревания и углубления революционного кризиса в стране поведение мелкобуржуазных партий изменилось. «На волне начавшегося осенью 1915 года широкого народного движения меньшевики и эсеры вновь возвращаются, непоследовательно и нерешительно, к идее буржуазной революции в интересах «спасения» страны. Однако их революционность не шла дальше пожелания буржуазного переворота, совершаемого под руководством буржуазии в интересах более успешного продолжения войны»³.

Это было не что иное, как революционный шовинизм. «Революционерами-шовинистами, — писал В. И. Ленин, — мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом»⁴.

Революционный шовинизм стал возможным, по определению В. И. Ленина, потому, что Россия стояла на пороге буржуазно-демократической революции. Отсюда революционность мелкобуржуазных партий, ограниченная и непоследовательная, склонная к компромиссам с буржуазией, не думающая о переходе к социализму⁵.

Лишь одна партия осталась до конца верной делу пролетариата, идеям пролетарского интернационализма, идеям марксизма. Это была партия большевиков. В условиях мировой войны она заняла единствен-

но правильную революционную позицию и выступила против империалистической войны, за поражение своего правительства, за превращение империалистической войны в гражданскую, разъясняя трудящимся действительные цели войны и задачи, вставшие перед ними в новой обстановке.

В Белоруссии отношение различных классов и партий к войне было в основном таким же, как и в других районах России. В Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле и других городах и местечках состоялись торжественные манифестации, молебны, принимались приветственные адреса царю с выражением «единения». Газеты пестрели призывами «сплочения во имя защиты отечества и победы над врагом». Буржуазия и помещики выражали «готовность жертвовать всем богатством и жизнью для защиты веры, царя и отечества»⁶.

Комитеты и группы мелкобуржуазных партий в Белоруссии были ликвидированы уже в первые месяцы войны, и в дальнейшем каких-либо мер к их возрождению не принималось. Уцелевшие от арестов отдельные члены этих партий оказались на тех же позициях, что и мелкобуржуазные организации в других районах страны. Став на точку зрения социал-шовинизма, они отказались от активной борьбы с царизмом. Так, в начале февраля 1915 г. в Витебске состоялось собрание членов Витебского комитета партии эсеров. На нем обсуждался вопрос: «Подходит ли настоящий момент для начала революционной агитации в Витебской губернии?» После обсуждения этого вопроса большинство участников собрания высказались против развертывания какой-либо революционной работы и разошлись, не приняв никакого решения⁷.

На позициях оборончества оказались и бундовцы, поалей-ционисты, белорусские буржуазные националисты и т. п. На межпартийном собрании Белорусской социалистической громады, Бунда и Польской партии социалистов летом 1915 г. была достигнута договоренность представителей этих партий о взаимной информации, о согласовании их деятельности, но на этом собрании ни слова не было сказано о необходимости борьбы против империалистической войны⁸.

Все эти партии приняли активное участие в созданных царским правительством военно-промышленных

комитетах, которые без всяких оговорок поддерживали захватнические планы царизма. Царским властям и буржуазии удалось заразить шовинистическими и лжепатриотическими настроениями лишь незначительную часть народных масс Белоруссии. Большая же часть рабочих и трудового крестьянства понимали, что война несет им неисчислимы бедствия, и встретили ее враждебно.

Недовольство империалистической войной и протест против нее проявились уже в дни мобилизации в июле 1914 г., когда в ряде мест произошли антивоенные выступления рабочих и крестьян. В Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, во многих других крупных промышленных центрах состоялись антивоенные митинги, демонстрации, забастовки. Отрицательно встретил войну и пролетариат Белоруссии. Крупная антивоенная забастовка произошла на Дубровенской фабрике Днепровской мануфактуры в Горецком уезде Могилевской губернии. Уездный исправник доносил губернатору, что «работы прекратили все рабочие Дубровенской фабрики»⁹. Забастовка продолжалась с 22 по 26 июля.

Рабочие Витебска по призыву большевиков приняли решение отправиться 20 июля на могилы борцов, погибших в 1905 г., и «произнести соответствующие речи по поводу современного положения вещей в России». Предполагалось также произвести сбор в пользу жен и семей запасных, а часть собранных денег отчислить в революционный фонд. Узнав о готовящемся митинге, полиция оцепила кладбище и не пропустила туда рабочих¹⁰.

Нередки были случаи неявки рабочих и крестьян на призывные участки. Так, по данным полиции, в Витебской губернии уклонилось от мобилизации в июле 1914 г. 5% призываемых¹¹. В период мобилизации прокатилась волна революционных выступлений крестьян. Хотя эти выступления и были направлены против помещиков и царских властей, но объективно они приобретали характер антивоенных выступлений, являлись стихийным выражением возмущения народных масс грабительской империалистической войной.

Напуганное размахом революционных выступлений трудящихся правительство предприняло ряд экстренных мер. С самого начала войны белорусские губер-

нии были объявлены на военном положении и царские власти ввели здесь жесточайший режим террора. В специальных постановлениях особо подчеркивалось, что все лица, включая и гражданское население, «подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени до смертной казни включительно: 1) за бунт против верховной власти, 2) за умышленный поджог...» и т. д. Меры, принимаемые в «законном» порядке, усиливались диктаторскими правами, предоставляемыми губернаторам министром внутренних дел. Так, еще 25 июля 1914 г. министр внутренних дел Маклаков предписывал минскому губернатору: «Надо стрелять при усмирении беспорядков... их усмирять надо беспощадно»¹².

В телеграмме от 1 августа 1914 г. министр внутренних дел требовал от гродненского губернатора, чтобы при подавлении революционных выступлений трудящихся он использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, не считаясь ни с какими «формальными соображениями». «Там,— телеграфировал Маклаков,— где, несмотря на принятые Вами меры предупредительного характера, возникнут или будут назревать аграрные и погромные движения или вообще серьезные нарушения общественного порядка, вашему превосходительству следует пресекать их в самом начале всеми возможными средствами...

Уголовный закон освобождает от ответственности лицо, принявшее меру, превышающую его власть, если подобное действие было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Ныне такие обстоятельства наступили для всей России, почему превышение власти, вызванное действительной необходимостью охранять жизнь и имущество мирных обывателей или подавить опасное движение, встретит всегда одобрение и поддержку министерства. Напротив того, растерянность в опасные минуты, нерешительность и бездействие власти будут рассматриваться как тягчайшая вина перед долгом службы, невзирая ни на какие формальные объяснения подобного образа действия»¹³.

Местные власти, таким образом, освобождались от ограничений даже весьма куцых царских законов. Произвол и превышение власти провозглашались неотъемлемым правом и даже обязанностью царских чи-

новников. Полиция могла арестовать и выслать любого человека, деятельность которого вызывала хоть какие-либо подозрения, поскольку ей было предоставлено право высылать состоящих под ее надзором, заподозренных в политической неблагонадежности, пользующихся плохой репутацией и т. д. И она воспользовалась предоставленными ей широчайшими полномочиями прежде всего для расправы с большевистскими организациями и революционно настроенными рабочими.

На состоявшемся 16 августа 1914 г. совещании главного начальника Двинского военного округа и витебского губернатора было принято решение выслать из пределов Витебской губернии всех лиц, состоящих под надзором полиции. В их число попали в первую очередь члены РСДРП, руководители профсоюзов, революционно настроенные рабочие¹⁴.

В ночь на 15 июля, получив от провокатора сведения о готовящемся выпуске прокламаций, полиция совершила налет на крупнейшую в Белоруссии Полесскую организацию РСДРП. Были арестованы шесть членов комитета, изъяты гектографы и отпечатанная прокламация «Ко всем рабочим Гомеля»¹⁵. Из шести арестованных пять членов комитета по приговору Киевской судебной палаты были лишены всех прав и сосланы на поселение в Сибирь¹⁶.

Разгул кровавых репрессий царизма привел на первых порах к значительному ослаблению партийной работы и резкому спаду революционного движения в Белоруссии. Во второй половине 1914 г. на промышленных предприятиях Могилевской и Минской губерний произошло только 3 забастовки, да и те были непродолжительными, носили экономический характер. Резко сократилось и количество крестьянских выступлений. Но это было временное затишье перед революционной бурей, которая постепенно нарастала в ходе войны.

Затянувшаяся война, бесконечные поражения, развал в промышленности и сельском хозяйстве, крайнее обнищание — все это вызывало у рабочих, крестьян и солдат ненависть к царизму, усиливало революционное движение масс. Ужасы войны не только запугивали народные массы, но и просвещали, учили, будили,

организовывали, закаляли и готовили к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран¹⁷.

Назревавшие революционные события потребовали от партии большевиков разработки вопросов тактики в новых условиях мировой войны. На многочисленные вопросы, вставшие перед партией, были даны исчерпывающие ответы в работах В. И. Ленина. В тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» В. И. Ленин разоблачил империалистическую сущность войны, заклеил позором партии II Интернационала, предавшие интересы пролетариата и поддержавшие захватнические планы своих правительств, и определил задачи революционной социал-демократии не только России, но и всех воюющих государств. Определяя задачи большевиков, В. И. Ленин выдвинул основные лозунги: превращение войны империалистической в войну гражданскую, поражение своего правительства в войне, создание нового, III Интернационала¹⁸. Ближайшими лозунгами российской социал-демократии В. И. Ленин выдвигал: установление демократического строя, конфискацию помещичьих земель, введение 8-часового рабочего дня¹⁹.

Величайшее теоретическое и практическое значение для всего международного революционного движения пролетариата имела творчески развитая В. И. Лениным в новых исторических условиях марксистская теория социалистической революции. В своих гениальных трудах «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Империализм и раскол социализма» В. И. Ленин показал, что в условиях империализма становится необязательным, чтобы социалистическая революция победила прежде всего в высокоразвитой капиталистической стране. Социалистическая революция может произойти в стране, ставшей слабейшим звеном в империалистической цепи. Неравномерность экономического и политического развития в условиях империализма приводит к тому, что вызревание социалистической революции в отдельных странах происходит неравномерно. Она может произойти раньше всего там, где противоречия империализма наиболее глубокие и где имеются силы, спо-

собные разрешить эти противоречия. Таким образом, возможна победа социализма в одной стране, если даже эта страна является экономически менее развитой, чем другие капиталистические страны, а победа социализма одновременно во всех странах невозможна. «Неравномерность экономического и политического развития,— указывал В. И. Ленин в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы»,— есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»²⁰.

Руководствуясь ленинскими установками по вопросам войны, мира и революции, большевики развернули борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за свержение царизма и завоевание демократической республики.

Большевикам Белоруссии приходилось в тяжелых условиях проводить революционную работу среди трудящихся. Помимо сил полиции власти использовали в борьбе с ними и армейскую контрразведку. Так, например, начальник Витебского жандармского управления в донесении министру внутренних дел в мае 1916 г. указывал, что в полной согласованности с ним работает агентура Северного и Западного фронтов, а также контрразведка Двинского военного округа, 5, 1 и 2-й армий²¹. Об этом же в апреле 1916 г. сообщал в Департамент полиции и минский губернатор. «Вопрос о мерах борьбы с пропагандой,— отмечал он,— особенно на передовых позициях, после подробно мотивированного обращения моего в штаб фронта разрешен в общем согласно высказанным мною общим положениям. Деятельность контрразведывательных отделений, жандармской и общей полиции определена и объединена. Главная роль, особенно на фронте, отведена контрразведывательным отделениям при полном и все-

мерном содействии чинов корпуса жандармов и полиции»²².

Деятельность жандармерии усложняла восстановление разгромленных в начале войны партийных организаций, и силы большевиков были разрознены. «Единой большевистской партийной организации, даже вообще какой-либо оформленной революционной организации на Западном фронте и в Белоруссии перед Февральской революцией не было, несмотря на наличие достаточно большого количества партийных работников. Были только зачатки организации и информационной связи наиболее видных работников друг с другом и со столицами»²³. Тем не менее и в этих условиях большевики проводили значительную революционную работу в массах.

Уже в конце 1914 г. возобновилась деятельность Полесской организации РСДРП. Секретарем комитета был избран А. И. Ханкин²⁴. Гомельские большевики провели среди рабочих сбор денег для оплаты адвокатов на суде членов Полесской организации РСДРП, арестованных в июле 1914 г. В первой половине 1915 г. Полесская организация проводила активную революционную работу. Были установлены связи с большевиками Петрограда и Киева, устраивались собрания и сходки, «...неоднократно,—отмечала полиция,—делались поползновения привлечь в свои ряды рабочих Гомельских железнодорожных мастерских»²⁵. Организация располагала хорошо законспирированной библиотекой нелегальных изданий. В январе и в феврале были проведены заседания комитета. На февральском заседании обсуждался вопрос о выпуске прокламации с призывом к рабочим Либаво-Роменских железнодорожных мастерских к забастовке в связи с большим недовольством рабочих понижением расценок²⁶.

В день 1 Мая 1915 г. во рву за заводом Фрумина была проведена сходка, на которой присутствовало около 50 человек. Выступавшие на этой сходке говорили, что «рабочим война не нужна, она придумана начальствующими лицами для избивания рабочих»²⁷. Участников сходки призывали к вступлению в ряды Полесской организации РСДРП, отказу от пожертвований на войну и уплаты военных налогов, усилению борьбы с самодержавием.

Одна из сохранившихся листовок Полесской организации РСДРП «Товарищи!», изданная в конце 1916 г., свидетельствует о том, что гомельские большевики последовательно разоблачали империалистический характер мировой войны, настойчиво призывали пролетариат на борьбу за свержение самодержавия. «Вся страна,— говорилось в листовке,— стонет под гнетом самодержавия. Третий год льются потоки человеческой крови и гибнут миллионы рабочих и крестьян. Страна без хлеба, без топлива, без одежды и обуви — вот к чему привело хозяйничанье крепостнического самодержавия.

Смерть в окопах, смерть в царских казематах — вот что ожидает нас.

Где же выход из этого тупика? Выход в борьбе за свержение царского самодержавия. Долой царя! Долой войну!»²⁸

Однако развернуть более или менее массовую революционную работу среди трудящихся гомельские большевики не могли, поскольку полиция систематически арестовывала наиболее активных партийных работников. В начале 1915 г. организация, согласно жандармским источникам, насчитывала только 14 человек²⁹.

Особенно чувствительные удары были нанесены Полесской организации РСДРП летом 1915 г., когда в связи с переводом Ставки верховного главнокомандующего в Могилев была проведена чистка городов Могилевской губернии от революционных элементов и более 400 «неблагонадежных» выслано из губернии³⁰. Но полностью прекратить деятельность Полесской организации полицейским властям так и не удалось. Об этом свидетельствует, например, сохранившееся донесение начальника Могилевского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 12 мая 1916 г., в котором указывалось, что «в городе Гомеле проявила деятельность местная социал-демократическая организация, выразившуюся в избрании в состав Гомельского комитета членов»³¹.

Небольшие партийные группы были созданы в Гомеле и на отдельных предприятиях. С 1915 г. большевистская группа существовала на металлообрабатывающем заводе Варшавского окружного арсенала,

эвакуированного в 1915 г. из Варшавы в Гомель. В группу входили М. И. Яворский, М. Петржак, А. Лапин и др. Члены группы устраивали на заводе нелегальные беседы, читки подпольной большевистской литературы. Одно из таких собраний состоялось в середине декабря 1915 г. Помимо рабочих арсенала на нем присутствовали и рабочие гомельской мастерской Либаво-Роменской железной дороги И. Сапежников, П. Козленко, И. Лубко и др. С рабочими была проведена беседа об антинародном характере войны и необходимости добиваться ее немедленного прекращения³².

Подобную работу вели партийные группы и на заводе Варшавского округа Министерства путей сообщения, в железнодорожных мастерских Либаво-Роменской железной дороги, во 2-й тыловой автомастерской³³.

В Минске в 1915 г. возникла Латышская социал-демократическая группа, куда входили большевики К. И. Ландер, Л. П. Резаусский и др.³⁴

В 1916 г. в Минске социал-демократическая группа возникла в хозяйственном отделе земского и городского союзов. 5 августа 1916 г. начальник Минского губернского жандармского управления сообщил в Департамент полиции по этому поводу следующее: «Мною получены агентурные сведения о том, что в хозяйственном отделе Земгора в гор. Минске образовалась ячейка социал-демократов, во главе которой стоят заведующий этим отделом А. В. Мальцев и его старые соратники Ф. И. Розанов и В. П. Чалурный — все в прошлом активные члены социал-демократической партии»³⁵.

В Витебске революционную работу вели несколько членов Витебской организации РСДРП, уцелевших от арестов при разгроме организации в начале войны. Они входили в больничную кассу, белошвейную мастерскую, общество помощи жертвам войны и другие организации и, как установило жандармское управление, «вели очень осторожно преступную пропаганду против деятельности правительства вообще и против войны в частности»³⁶. 18 августа 1915 г. на нелегальном собрании рабочих в правлении больничной кассы по инициативе большевиков от имени витебских рабочих был принят протест против зверского расстрела участников

антивоенных забастовок в Костроме и Иваново-Вознесенске. Протест был направлен в социал-демократическую группу Государственной думы³⁷.

В середине июня 1915 г. в Витебске была создана организация революционного Красного Креста. Одним из ее руководителей стала Д. Коц, высланная в Витебск за принадлежность к Петербургской организации РСДРП. Эта организация, сообщалось в донесении полиции, была создана «по поручению из Петрограда, причем ставила своей целью кроме помощи политическим ссыльным и каторжанам будирование общественного мнения в революционном направлении»³⁸. Члены организации регулярно, один раз в две недели, устраивали нелегальные собрания.

С конца 1916 г. в Витебске проводилась работа по созданию большевистской организации Латышского района. В конце февраля 1917 г. состоялось первое партийное собрание латышских большевиков. На нем был избран комитет РСДРП Латышского района Витебска и намечен план работы³⁹.

Воспоминания участников революционного движения в Белоруссии и на Западном фронте свидетельствуют о том, что в годы войны ряд социал-демократических групп был создан в воинских частях, расположенных на территории белорусских губерний. В 1915 г. партийная группа была создана в Лунинце большевиком И. Е. Любимовым. Группа поддерживала связи с большевиками Москвы, получала оттуда революционную литературу⁴⁰. Ее деятельность не ограничивалась работой среди солдат. Члены группы устанавливали связи с активными участниками революционного движения, привлекали их в свои ряды. Характерным в этом отношении является пример с С. В. Федоровичем. Возвратившись в декабре 1916 г. после четырехлетнего пребывания в тюрьме за политическую агитацию среди крестьян на родину в д. Гричиновичи Мозырского уезда, он уже через несколько дней установил связи с Лунинцевской организацией и был принят в ее ряды⁴¹.

Подобные большевистские группы были созданы также в 32-м эвакуационном пункте в Минске, в 19-й роте воздухоплавательного отряда 3-го Сибирского корпуса в местечке Мир, во 2-м Сибирском артиллерийском дивизионе, в воинских частях Несвижа и Молодечно⁴².

В годы войны большую революционную работу среди солдат, рабочих и крестьян Белоруссии проводил М. В. Фрунзе, прибывший в апреле 1916 г. в Минск. Под фамилией М. А. Михайлова он поступил на работу во Всероссийский земский союз Западного фронта. Имея по роду службы возможность свободно разъезжать в районе прифронтовой полосы, М. В. Фрунзе постоянно общался с рабочими, солдатами и крестьянами, распространяя среди них политическую литературу. Накануне Февральской революции он стоял во главе подпольной революционной организации с центром в Минске и имевшей отделения в 10-й и 3-й армиях ⁴³.

Революционную работу среди солдат Западного фронта вели и отдельные члены партии, мобилизованные в армию. Они разъясняли солдатам смысл происходящих событий, призывали их на борьбу с самодержавием.

В деле революционного воспитания трудящихся, пропаганды среди них большевистских идей по вопросам войны, мира и революции исключительно большую роль сыграли листовки и прокламации, издававшиеся социал-демократическими организациями России и получившие значительное распространение в Белоруссии. Уже с первых месяцев войны на территории Белоруссии широко распространялись листовки, изданные социал-демократами Латышского края. В Витебске, Полоцке, Дриссе и других городах полиция постоянно обнаруживала листовки «К солдатам», «На борьбу с тиранами», «К народу», «Правда о войне», «Долой нуд», «Напрасно ликуете палачи», «Ко всем сельским рабочим», «Всем рекрутам» ⁴⁴ и др.

Регулярно приходили и распространялись большевистские листовки из Петрограда, Москвы, Урала, Кавказа и других районов России. Листовка Петроградского комитета РСДРП «Стачечное движение и задачи момента», изданная в июне 1916 г., уже в этом месяце была получена в Витебской и Могилевской губерниях. В Витебскую губернию она была выслана на имя крестьянина Михайлова ⁴⁵, а в Могилевскую — на имя рабочего изразцового завода Копыси Максима Данилова. Данилов распространил ее среди рабочих города, а также среди крестьян Старосельской волости Оршанского уезда ⁴⁶. В этой листовке петроградские большевики, разъясняя рабочим стоящие перед ними задачи, писали:

«При настоящих условиях всякое движение пролетариата должно неизбежно вылиться в протест против войны... Из экономической борьбы с капиталом в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну. Лозунги «Долой войну!» и «Долой царскую власть!» должны быть провозглашаемы при каждой стачке и должны выноситься на улицы демонстрациями»⁴⁷.

Распространявшаяся летом 1915 г. в Гродненской губернии листовка Петербургского комитета РСДРП «Товарищи рабочие и солдаты» заканчивалась призывами: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует РСДРП!», «Да здравствует объединение солдат и рабочих!»⁴⁸.

Большое значение в деле пропаганды среди рабочих Белоруссии большевистских идей по вопросам войны, мира и революции сыграла легальная еженедельная газета саратовских большевиков «Наша газета». Она издавалась в период с 8 августа по 20 октября 1915 г. Газета выступала против участия рабочих в военно-промышленных комитетах, последовательно разоблачала империалистический характер войны, в завуалированной форме, намеками призывала рабочих к революционной борьбе. В отделе «Хроника» систематически печатались подробные сообщения о забастовках, происходивших в различных городах страны. Из номера в номер печатались и корреспонденции о тяжелых условиях труда рабочих на промышленных предприятиях. Эти материалы играли большую роль в развитии стачечного движения пролетариата. В Белоруссии «Нашу газету» рабочие получали в Витебске, Минске и Могилеве⁴⁹.

Насколько широко распространялась газета в Белоруссии, может свидетельствовать перехваченное охранкой письмо в «Нашу газету» витебских рабочих. В нем они писали: «Газету 8-й номер получил, но получил только 49 номеров, не знаю, как это понимать. Прошу Вас выслать мне 100 экземпляров, не меньше. 4-й адрес «до востребования» уничтожьте и вместо него высылайте: Выменицу, 1-я Пробойная ул., д. № 18. Каждому высылайте по 25 экземпляров. Прилагаю при сем маленькую хронику, которую прошу поместить в ближайшем номере. Свой.

Вы бы лучше газету завертывали в бумагу, тогда все было бы доставлено»⁵⁰.

К письму прилагалась заметка о тяжелых условиях труда и быта рабочих Витебского дрожжевого завода.

Много большевистских листовок распространялось среди солдат войсковых частей и подразделений, расположенных на территории Белоруссии. Так, в августе 1916 г. во время обыска в мастерских военно-дорожных организаций, расположенных в местечке Костюки Борисовского уезда, у шорника П. И. Лесюка было обнаружено две прокламации РСДРП⁵¹.

Под влиянием деятельности большевиков, обнищания народных масс, поражений на фронте углублялся революционный кризис. Число стачек непрерывно возрастало. Если во второй половине 1914 г. в стране состоялось 70 стачек, в которых участвовали до 35 тыс. рабочих, то в 1915 г. произошло более 1000 стачек и в них принимали участие свыше полумиллиона рабочих. В 1916 г. волна революционного движения поднялась на новую ступень. В стране произошло 1500 стачек. Бастовало более миллиона рабочих — в два раза больше, чем в предыдущем году.

В Белоруссии за годы войны произошло 34 забастовки, в которых, по неполным данным (по 9 забастовкам нет сведений о численности забастовщиков и их продолжительности), приняли участие около 3 тыс. рабочих. Общая продолжительность забастовок составила почти 10 тыс. рабочих дней. Забастовочное движение пролетариата Белоруссии по ряду причин было значительно слабее, чем в промышленных центрах страны. Однако оно под влиянием усиливавшегося стачечного движения российского пролетариата, работы большевиков постепенно расширялось. В первые полгода войны в Белоруссии, как и в целом по России, наблюдался резкий спад забастовочного движения. За август—декабрь 1914 г. произошло только 3 непродолжительных однодневных забастовки экономического характера—две в Минске и одна в Витебске. В 1915 г. количество забастовок достигло 12, в них приняли участие свыше 300 человек. Забастовки в этом году отличались упорством и настойчивостью рабочих, на одного забастовщика приходилось в среднем 9,9 рабочего дня. Но наибольшего размаха стачечное движение достигло, как и в целом по стране, в 1916 г.

По сравнению с предыдущим годом количество забастовок возросло на 58%, а стачечников — более чем в 6 раз. В результате забастовок в этом году предприниматели потеряли более 6 тыс. рабочих дней. Следует отметить, что наибольшую активность проявил пролетариат Витебска, где произошло 13 забастовок с участием 1196 рабочих. В Минской губернии более половины забастовок (5 из 9) пришлось на рабочих уездных городов. А всего в забастовках в этой губернии участвовало 1176 рабочих. В Могилевской губернии за рассматриваемый период произошло 12 забастовок преимущественно в крупнейших городах — Могилеве и Гомеле (табл. 12).

В 1915 г. наиболее крупной была забастовка рабочих щетиной фабрики в Витебске. Ее владелец Соболевич в самом начале войны, угрожая закрыть предприятие, вынудил рабочих дать согласие работать при условии выплаты им только 25% заработка. Остальные 75% зарплаты он обещал выдать лишь после окончания войны. Но к весне 1915 г. спрос на щетину резко возрос, и Соболевич получил выгодные заказы. Тогда рабочие предъявили ему требование уплатить им всю задолженность по зарплате и повысить на один рубль расценки за пуд обрабатываемой щетины. Соболевич отказался удовлетворить требования рабочих. Тогда они 17 марта объявили забастовку, которая длилась до 21 апреля. Владелец фабрики обязался в пятидневный срок после окончания забастовки выплатить всю задолженность по зарплате и повысить расценки на 65 коп. за обработку пуда щетины⁵².

Оживление забастовочного движения после спада во второй половине 1914 г. в Белоруссии, как и в целом по России, наблюдалось весной и летом 1915 г.

2 апреля рабочие типографии Подземского в Витебске предъявили требование об увеличении зарплаты. Владелец типографии, заявив, что удовлетворение требований рабочих обойдется ему в 1000 руб. в год, отказался повысить зарплату. Тогда все рабочие типографии (21 человек) прекратили работу. Забастовка закончилась 6 апреля частичным удовлетворением требований рабочих⁵³.

В апреле 1915 г. две забастовки произошли на предприятиях Минска. 15 апреля забастовали рабочие фабрики обуви «Труд», требуя повышения сдельных заработ-

ков на 10—20%⁵⁴. После трехдневной забастовки все ее участники были уволены⁵⁵. Экономические требования выдвинули и наборщики типографии минской газеты «Копейка», забастовавшие 29 апреля⁵⁶. Эта забастовка закончилась удовлетворением требований рабочих о повышении зарплаты.

С 16 июня после отказа владельца повысить заработную плату на 15 коп. в день объявили забастовку 140 рабочих фанерной фабрики Кеневича в Мозырском уезде Минской губернии. 19 июня рабочие прекратили забастовку, не добившись увеличения зарплаты⁵⁷.

С 8 по 10 июля происходила забастовка рабочих фанерной фабрики «Прима-Лурье» в Мозырском уезде Минской губернии. Рабочие требовали отмены распоряжения администрации о снижении расценок на отдельные виды работ на 30%. Забастовка закончилась соглашением ра-

Забастовочное движение в Белоруссии

Год	Витебская губерния*				Минская губерния**			
	число забастовок	число участников забастовок	продолжительность забастовок (потеряно рабочих дней)	дней забастовок на 1 участника	число забастовок	число участников забастовок	продолжительность забастовок (потеряно рабочих дней)	дней забастовок на 1 участника
Август—декабрь 1914	1	40	40	1	2	382	382	1
1915	3	114	2990	26,1	4	178	518	3
1916	9	1042	4930	4,7	3	616	622	1,1
Итого	13	1196	7960	6,6	9	1176	1522	1,3

* ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 514, л. 9; ЦГИА БССР в 429; д. 49285, л. 36; д. 49725, л. 72—73, 93, 112—113, 137, с. 116.

** ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 40, ч. 2, л. 36—г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8603, л. 422, 482; д. 9105, л. важнейших событий истории Коммунистической партии Белорус

*** ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 41, ч. 2, л. 2; 1916 г., д. 341, ч. 45; ЦГИА УССР, ф. 575, оп. 1, д. 244, в борьбе против царизма (1903—март 1917 гг.). — Мн., 1965,

**** По четырем забастовкам нет сведений о численности стачечников

***** По пяти забастовкам нет сведений о численности стачечников

бочих с владельцем об уменьшении расценок только на 15%⁵⁸.

В Могилевской губернии наиболее значительной была политическая забастовка рабочих и служащих Гомельского железнодорожного узла в апреле 1915 г. в знак протеста против увольнений железнодорожников по мотивам неблагонадежности. Забастовкой руководил Полесский комитет РСДРП, который выпустил во время стачки листовку, призывавшую рабочих вести решительную борьбу против увольнения «борцов за народное дело»⁵⁹.

Летом 1915 г. забастовки состоялись в Могилеве на трикотажной фабрике, в депо Либаво-Роменской железной дороги в Гомеле, на спичечной фабрике в Ново-Белице. Эти забастовки носили экономический характер и, как правило, заканчивались частичным удовлетворением требований рабочих о повышении расценок.

Таблица 12

в годы первой мировой войны

Могилевская губерния***				Всего			
число забастовок	число участников забастовок	продолжительность забастовок (потеряно рабочих дней)	дней забастовок на 1 участника	число забастовок	число участников забастовок	продолжительность забастовок (потеряно рабочих дней)	дней забастовок на 1 участника
—	—	—	—	3	422	422	1
5****	30	30	1	12	322	3198	9,9
7*****	496	496	1	19	2154	6048	3,0
12	526	526	1	34	2898	9698	3,3

г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49116. л. 76—78; д. 49515, л. 351, 155; д. 49755, л. 18; Рабочее движение в годы войны.—М., 1925.

37; 7-е д-во, 1916 г., оп. 213, д. 3, ч. 33, л. 39; ЦГИА БССР в 212, 262; д. 9270, л. 310; ф. 311, оп. 1, д. 84, л. 3, 6; Хроника: син, ч. 1.—Мн., 1962, с. 215.

1916 г., д. 41, ч. 2, л. 4—5, 8, 13; д. 108, ч. 41, л. 5; ф. ДП, 00, л. 222, 225; Диренок Е. Д. Полесская организация большевиков. с. 173.

и их продолжительности.

и их продолжительности.

В 1916 г. забастовочное движение белорусского пролетариата принимает более широкий размах. Трижды, в январе, апреле и июле, бастовали рабочие табачной фабрики Колбановских в Витебске. Январская забастовка и по числу участников и по продолжительности была незначительной. Бастовали с 15 по 20 января только 8 рабочих. Однако они добились удовлетворения своих требований — прибавки к зарплате по одному рублю в неделю⁶⁰. 22 апреля забастовку объявили уже 73 работницы фабрики, также требуя увеличения зарплаты по одному рублю в неделю. После двухнедельной забастовки администрация фабрики вынуждена была согласиться на удовлетворение требований рабочих⁶¹.

15 июля забастовали все рабочие фабрики — 120 человек, требуя прибавки зарплаты по 1 руб. 20 коп. в неделю и уменьшения дневной нормы выработки табаку — с 17 пудов 20 фунтов до 13 пудов. Забастовка закончилась 26 июля после согласия владельцев фабрики увеличить зарплату рабочих на 15%⁶². Старший фабричный инспектор Витебской губернии, объясняя причины забастовок на фабрике Колбановских, указывал, что они «были вызваны не чем иным, как мизерностью заработков работниц»⁶³.

В феврале и марте бастовали работницы бумажной фабрики в Добруше и все рабочие щетиной фабрики Соболевича в Витебске⁶⁴. 18 апреля состоялась забастовка 78 рабочих сапожных механических мастерских в Витебске. Это была первомайская забастовка, однако рабочие, опасаясь преследований, выдвинули экономические требования. Шесть рабочих «зачинщиков и подстрекателей этой забастовки» были подвергнуты тюремному заключению на 3 месяца каждый⁶⁵.

В апреле 1916 г. бастовали также рабочие суконной фабрики барона Корфа в Горецком уезде Могилевской губернии. Забастовка закончилась победой рабочих, добившихся увеличения зарплаты⁶⁶. Забастовка продолжалась один день⁶⁷. Летом 1916 г. состоялись забастовки рабочих щетинного заведения братьев Кох в Орше, проволочно-гвоздильного завода в Речице, табачной фабрики в Могилеве, в портняжных мастерских Гомеля, в типографии Неймана в Витебске и на других предприятиях.

Наиболее крупные забастовки летом 1916 г. были на

льнопрядильной фабрике «Двина» в Витебске и Дубровенской фабрике Днепровской мануфактуры в Горецком уезде Могилевской губернии. 7 июня около 300 рабочих фабрики «Двина» собрались у фабричных ворот, выбрали делегатов и через них предъявили администрации требование об увеличении заработной платы на 30 коп. в день каждому рабочему. Требование не было принято, и рабочие разошлись по домам. Фабрика по заказам Московского военно-промышленного комитета вырабатывала нитки и поставляла их предприятиям, выпускавшим полотно для военных нужд. Полиция приняла экстренные меры для возобновления работы. Наиболее активные участники забастовки были арестованы и заключены в тюрьму, а владельцы фабрики пошли на уступки рабочим, увеличив зарплату на 20 коп. в день⁶⁸. В начале августа 1916 г. забастовали рабочие Дубровенской фабрики Днепровской мануфактуры. Доведенные до отчаяния рабочие 10 августа предъявили требования о повышении заработной платы на 100%, открытии фабричной лавки, в которой продавались бы дешевые продукты первой необходимости, оплате за прогулы по вине фабрики, выдаче сахарного пайка рабочим и их семьям, снабжении рабочих топливом и др. Пытаясь сломить сопротивление рабочих, полиция начала арестовывать забастовщиков. Однако эти репрессии не помогли, и забастовка закончилась лишь после удовлетворения основных требований рабочих⁶⁹.

В 1916 г. состоялось несколько крупных забастовок железнодорожных рабочих Белоруссии. 10 мая забастовали около 300 рабочих на строительстве железной дороги Орша—Ворожба в Горецком уезде Могилевской губернии. Подрядчик, воспользовавшись тем, что на работы явилось значительно больше рабочих, чем ему требовалось, снизил расценки. Тогда рабочие начали забастовку, заявив: «не пойдем на работу, просим прибавки до той нормы, которую обещали до начала работ». 11 мая часть рабочих приступила к работам, но 72 человека взяли расчет⁷⁰.

29 июня забастовали рабочие Молодечненского депо, предъявив ряд требований по улучшению условий труда, об увеличении заработной платы, снабжении продуктами и др. Руководил забастовкой слесарь Ваккар, командированный в Молодечно из витебских железнодорожных ма-

стерских⁷¹. Он же явился и организатором забастовки рабочих депо станции Витебск. Начальник Витебского губернского жандармского управления отмечал в своем донесении в Департамент полиции, что Ваккара «видели последнее время посещающим мастерские, втихомолку беседующим с рабочими, почему и возникновение брожения среди рабочих надо приписать его влиянию»⁷².

23 августа начальнику 3-го участка службы тяги станции Витебск рабочие депо предъявили требование об увеличении зарплаты на 30 коп. в день, выдаче квартирного пособия семьям эвакуированных и заявили, что решения администрации будут ждать в течение трех дней. 26 августа, не получив положительного ответа, прекратили работу рабочие механической мастерской, к ним присоединились и рабочие, занятые на текущем ремонте. Всего в забастовке приняли участие около 300 человек. Учитывая большое значение Витебского железнодорожного узла, власти предприняли срочные меры для подавления забастовки. Часть требований железнодорожников была удовлетворена, а наиболее активные участники и «зачинщики» забастовки были арестованы и переданы в распоряжение воинского начальника для отправки на фронт⁷³.

В декабре 1916 г. состоялась забастовка кондукторов Гомельской железнодорожной бригады, закончившаяся удовлетворением их требований экономического характера⁷⁴.

Забастовочное движение белорусского пролетариата, развиваясь под влиянием революционной борьбы русского пролетариата, имело и некоторые особенности. В то время как в целом по России в 1916 г. наблюдался из месяца в месяц рост стачечного движения, которое достигло наибольшего размаха в период с октября 1916 по январь 1917 г., в Белоруссии зарегистрирована только одна забастовка. Подавляющая часть забастовок (32 из 34) носила экономический характер. Эти особенности объяснялись конкретными, специфическими условиями, в которых находилась Белоруссия в годы войны. Уже через несколько месяцев после ее начала белорусские губернии оказались в прифронтовой зоне, а с лета 1915 г. здесь начались военные действия. На территории Белоруссии разместились Ставка верховного главнокомандующего с многочисленными штабами и другими военны-

ми учреждениями. Военные власти принимали активное участие в подавлении революционного движения трудящихся. В связи с расширением стачечного движения командование Западного фронта предприняло ряд мер по усилению репрессий против участников забастовок. 3 марта 1916 г. главный начальник Минского военного округа издал специальный циркуляр «О мерах для предупреждения и прекращения фабричных забастовок». В этом документе подчеркивалось, что участников забастовок следует немедленно отправлять на фронт, лишая их даже права на трехдневную льготу для сборов⁷⁵. 17 апреля 1916 г. штаб Минских военно-окружных управлений разослал в губернские жандармские управления специальное секретное отношение, в котором предлагал «при возникновении забастовок на предприятиях, работающих на нужды армии вообще, а вырабатывающие предметы артиллерийского довольствия в частности, немедленно доносить в штаб округа»⁷⁶. И далее указывалось на необходимость своевременного выявления и ареста зачинщиков забастовок и агитаторов с целью их изоляции.

В некоторых случаях выступления рабочих подавлялись войсками с исключительной жестокостью и применением оружия. Так была, например, подавлена забастовка рабочих деревообрабатывающего завода в имении Прилуки Минского уезда, который поставлял лесоматериалы для железных дорог и Западного фронта. Доведенные до отчаяния постоянно ухудшающимися условиями жизни рабочие 21 сентября 1916 г. объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Для подавления забастовки были вызваны казаки, которые открыли стрельбу по рабочим. В результате 3 человека были убиты и 45 ранены⁷⁷.

С жестокими репрессиями обрушился царизм на большевистские организации, что привело к значительному ослаблению партийной работы среди рабочих. Необходимо учитывать и то, что часть рабочих Белоруссии, особенно в начале войны, когда многие предприятия значительно сократили производство или вообще закрылись, была фактически на положении полубезработных. На отдельных предприятиях рабочие были вынуждены даже соглашаться на работу при условии выдачи им до окончания войны лишь 1/4 зарплаты. По сути дела,

рабочие постоянно находились под угрозой локаута. Это не могло не сковывать их революционной активности.

Вот почему о нарастании в годы войны недовольства рабочих Белоруссии политикой царизма нельзя судить только по статистике забастовочного движения, хотя она и дает представление о росте революционных настроений рабочих. Но эта статистика не учитывает то недовольство, которое накопилось у рабочих и которое в силу сложившихся в Белоруссии конкретных условий не проявилось полностью в забастовочном движении.

Ценные сведения о росте революционных настроений среди рабочих содержатся в ежемесячных жандармских донесениях в Департамент полиции о настроении населения. Из этих донесений видно, что в среде рабочих росло недовольство, усиливались революционные настроения. Так, например, в октябре 1916 г. начальник Могилевского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции: «Отношение рабочих железнодорожной, фабричной и заводской промышленности к центральному правительству резко ухудшилось... Рабочие склонны реагировать на разрастающееся социал-демократическое движение в других местностях...»⁷⁸ А начальник Витебского жандармского управления еще в сентябре 1915 г. предупреждал, что «затруднительное добывание на местах, особенно в городах, предметов первой необходимости может вывести население и особенно бедноту из состояния уравновешенности»⁷⁹. Подобные признания содержатся почти во всех донесениях в Департамент полиции за конец 1915 и 1916 г.

Именно огромной революционной энергией, накопленной белорусским пролетариатом в годы войны, и объясняется такое, казалось бы, неожиданное явление, как появление рабочих на улицах в дни Февральской революции, и та сравнительная легкость, с которой был упразднен административно-чиновничий аппарат царизма в Белоруссии.

2. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Годы, предшествующие мировой войне, характеризовались усилением революционной борьбы белорусского крестьянства с царизмом, помещиками и кулаками. Социально-экономические предпосылки — объективная

основа крестьянского движения в революции 1905—1907 гг.— не были устранены. Столыпинская же реформа, не ликвидировав крепостнических пережитков, еще более усилила расслоение крестьянства, до предела обострила классовые противоречия в деревне. Глубина народного гнева и ненависти к эксплуататорам и самодержавию наиболее убедительно обнажилась с объявлением призыва в армию. В той или иной форме волнения крестьян в период мобилизации отмечены в 20 из 35 белорусских уездов Витебской, Виленской, Минской и Могилевской губерний. Исключение составила лишь Гродненская губерния, где не зарегистрировано ни одного выступления. В Виленской губернии произошло только 2 выступления.

За период с 19 по 25 июля крестьянами Белоруссии было разгромлено 43 помещичьих имения, 2 фольварка, 3 хутора, 9 квартир деревенских богатеев и лесников и 67 казенных и частных винных и продовольственных лавок и складов.

В Могилевской губернии выступления мобилизованных крестьян происходили в 6 уездах: Сенненском, Гомельском, Рогачевском, Мстиславском, Чаусском и Оршанском. Наиболее сильными были выступления крестьян Сенненского уезда. В донесении министру внутренних дел могилевский губернатор указывал, что «мобилизационный период сопровождался рядом учиненных запасными в различных пунктах губернии беспорядков и грабежей, принявших особо острый характер в Сенненском уезде, где при содействии крестьян был разграблен ряд помещичьих усадеб и экономий... Настроение запасных и всего населения Сенненского уезда беспокойное. Запасные в особенности питают злобу к помещикам»⁸⁰.

В Сенненском уезде были разгромлены имения Быково, Рамшино, Скридлево, Мелихово, Лугиновичи, Жаурполье, Сандрыгайло, Белица, Симоповка, Леонтово, Малешки. В имении Почаевичи крестьяне помимо разгрома усадьбы произвели массовую порубку помещичьего леса⁸¹. В имении Ходцы крестьяне подожгли на поле хлеб⁸².

Карательный отряд в Сенненский уезд возглавил лично могилевский губернатор. Он отдал распоряжение подвергать участников нападений на помещичьи имения поркам розгами и сжигать их строения и имущество⁸³.

Четырех участников разгромов имений в этом уезде военно-полевой суд приговорил к смертной казни через повешение, и 23 июля приговор был приведен в исполнение. Объявления об этой казни были распространены по всей губернии с угрозой применять подобную меру ко всем участникам выступлений против помещиков⁸⁴.

Из других районов Могилевской губернии движение было наиболее сильным в Гомельском и Рогачевском уездах. В первом было разгромлено 5 имений и 2 казенные винные лавки, во втором — 2 имения и 1 винная лавка. В уездах Мстиславском, Чаусском и Оршанском наблюдались разгромы винных лавок. Нередко здесь крестьяне нападали и на полицию⁸⁵.

В Минской губернии нападения на помещичьи имения, продовольственные и винные лавки произошли в Бобруйском, Борисовском, Игуменском, Минском, Мозырском, Новогрудском и Речицком уездах. Наибольшее число помещичьих имений было разгромлено в Мозырском уезде (с 20 по 25 июля — 9 имений, 3 бакалейных и 6 винных лавок). Мозырский уездный исправник в рапорте губернатору особо подчеркнул, что преимущественно были разгромлены те имения, где имелось много судебных тяжб с крестьянами⁸⁶. Весьма характерным в этом отношении является разгром имения Юзефин князя Радзивилла. Администрацией этого имения на крестьян окрестных деревень за порубки и потравы было заведено несколько тысяч судебных дел. Поэтому как только была объявлена мобилизация, среди крестьян стали ходить разговоры о том, что настало время разделаться с экономией Юзефин и отплатить князю Радзивиллу за все зло как следует. Старики говорили запасным, что настало их время, и они могут сделать все, что захотят. 20 июля крестьяне подвергли полному разгрому это имение. В первую очередь были уничтожены исполнительные листы, книги записей крестьянских долгов, протоколы о порубках и потравах⁸⁷. Полному разгрому было подвергнуто и второе имение Радзивилла в Мозырском уезде — Марквартабуды. При разгроме имения Буда-Софиевка крестьяне также попытались в первую очередь захватить судебные и долговые бумаги⁸⁸. В имении Великий Боков крестьяне за долголетние судебные преследования прежде всего избили помещицу Бржезовскую, а потом полностью разгромили имение⁸⁹.

Выступления крестьян жестоко подавлялись. За разгром имения Юзефин военно-полевому суду было предано 20 человек. Трое было казнено, а 10 сослано на каторгу. Из числа участников разгрома имения Великий Бокков к смертной казни через повешение было приговорено 14 человек. 18 ноября 1914 г. троих из них казнили, а остальным крестьянам смертную казнь заменили вечной каторгой⁹⁰.

20—22 июля в Игуменском уезде были разгромлены имения Новый Двор, Смиловичи, Горки, Королищевичи и Буда. Партия запасных, разгромившая имение Новый Двор, имела револьвер и оказала сопротивление полицейской страже⁹¹. Шесть участников разгрома имения были приговорены к смертной казни, а один — к 16-летней каторге⁹². Наибольшему разгрому в этом уезде подверглось имение Смиловичи помещика Ваньковича, его убытки составили около 200 тыс. руб.

21 июля в Игумене прибывшие на сборный пункт партии запасных подвергли разгрому большое количество продовольственных лавок и складов. Полицию и воинский патруль они забросали палками, камнями и рассеяли их⁹³. Для наведения порядка в город прибыл минский губернатор. Было арестовано 60 человек. В телеграмме министру внутренних дел губернатор просил разрешения предать арестованных военно-полевому суду, так как «окрестные крестьяне бесчинствуют в усадьбах помещиков того же уезда»⁹⁴. Такое разрешение было незамедлительно получено, и 17 человек были приговорены к каторге, 22 отправлены в арестантские роты⁹⁵.

В Минском уезде 20 и 21 июля запасные разгромили имения Горки, Новый Двор, Лошицу, Пересеки, а в имении Кайково сожгли 4 стога сена. В эти же дни в Речицком уезде были разгромлены имения Барбарово, Грамоты, Березовка и Макановичи. В имении Грамоты крестьяне избили стражника, а его оружие унесли с собой⁹⁶. Партия запасных, разгромившая имение Макановичи, в соседней деревне разбила дома четырех купцов и уничтожила сад священника, а в деревне Зашовье — бакалейные лавки и дома их владельцев⁹⁷.

В Бобруйском уезде 21 июля мобилизованные крестьяне разгромили имение помещика Полферова, все, что невозможно было унести, было уничтожено. В Борисовском и Новогрудском уездах крестьяне разгромили 4

винные лавки, а в Новогрудке — несколько ларьков, владельцы которых повысили цены на хлеб ⁹⁸.

В Витебской губернии наиболее сильные волнения мобилизованных крестьян наблюдались в Лепельском уезде ⁹⁹. 20 июля они разгромили имение Жары помещика Грегоровича, совершили нападение на почтовое отделение, винные и продовольственные лавки в местечке Камень. В этот же день в местечке Бочейково и соседней деревне Свечи крестьяне разгромили 2 лавки, избili пристава, ранили урядника.

Власти предприняли экстренные меры для подавления выступлений. Витебский губернатор отдал полиции распоряжение «принимать самые суровые меры вплоть до употребления оружия» ¹⁰⁰. В уезд была направлена воинская команда, получившая указание употреблять оружие по собственному усмотрению ¹⁰¹. Для успокоения запасных было привлечено и духовенство. На площади сборного пункта в Лепеле перед запасными выступил настоятель местного собора и призвал их прекратить разгромы. После этого был отслужен молебен, «призванные запасные дали слово не творить более безобразий и бесчинств и, уезжая на подводах под звуки струнного оркестра, просили не сопровождать их полицией, ручаясь за то, что проезд их не будет более омрачаться какими бы то ни было преступлениями» ¹⁰². Запасные из города были направлены двумя партиями. Одна (540 человек) — на Пышно, а другая (564 человека) — по маршруту Ворошь—Полоцк. Прибыв в Пышно, запасные устремились к имению. Находившийся здесь с отрядом стражников пристав Хлебовский заявил, что разгрома не допустит, применит оружие. С криком «ура» запасные бросились вперед. По команде Хлебовского стражники открыли огонь и рассеяли нападавших, ранив двоих. На другой день эта же команда сожгла хутор Татьянаку и склады леса. Другая партия разгромила в Вороничах винную лавку, а в Заскорках — дома двух кулаков ¹⁰³. В Витебском, Городокском, Дриссенском и Полоцком уездах за период с 19 по 23 июля запасные разгромили 24 винные и продовольственные лавки, совершили нападения на имение помещика Фарсова в Витебском и волостную кассу в Городокском уездах. Полиция открывала огонь дважды в Витебском и один раз в Полоцком уездах, в результате чего трое запасных были ранены ¹⁰⁴.

В Виленской губернии зарегистрировано только два выступления — оба в Лидском уезде. Здесь 19 июля толпа запасных разгромила фольварк Щитники¹⁰⁵, а крестьяне деревни Руда Орловской волости потравили луг помещицы Святополк-Четвертинской и оказали сопротивление полицейской страже¹⁰⁶.

Затянувшаяся война обострила аграрный кризис. Помещичья и кулацкая кабала усиливала ненависть крестьян к угнетателям, революционные настроения трудящихся.

И в обстановке жесточайшего террора большевистская партия не прекращала революционной работы в деревне. Тактику партии по отношению к крестьянству в условиях мировой империалистической войны изложил В. И. Ленин в статье «О двух линиях революции», напечатанной в газете «Социал-демократ» за 20 ноября 1915 г. В этой статье В. И. Ленин указывал, что крестьянство политически частью спит, частью колеблется между шовинизмом и революционностью. Однако военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие мелкую буржуазию (и в том числе крестьянство) влево. «В этом,— заключал В. И. Ленин,— объективная основа полной возможности победы демократической революции в России»¹⁰⁷.

Из своеобразия создавшейся в период войны обстановки вытекали задачи большевистской партии: «Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., «три кита»), — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т. е., главным образом, крестьянство»¹⁰⁸. «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодалного* «империализма» (= царизма)»¹⁰⁹.

В Белоруссии царизм применил жесточайшие репрессии к большевистской партии. В этих условиях исключительно важное значение приобретала большевистская подпольная литература, разными путями проникавшая в белорусскую деревню. В Витебской губернии, например, распространялась листовка ЦК РСДРП Латышского края «Ко всем сельским рабочим», разоблачавшая

империалистический характер войны и призывавшая к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за свержение самодержавия¹¹⁰.

Летом 1915 г. в Гродненской губернии распространялась листовка Петербургского комитета РСДРП «Товарищи рабочие и крестьяне». Она заканчивалась призывами: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует РСДРП!»¹¹¹.

Широкое хождение среди крестьян Витебской и Могилевской губернии имела прокламация Петроградского комитета РСДРП «Стачное движение и задачи момента»¹¹².

Большое значение для роста революционных настроений среди крестьян, усиления аграрного движения в Белоруссии сыграло расположение на ее территории Западного фронта с полутора миллионами солдат. В докладной записке царю в мае 1916 г. министр внутренних дел отмечал, что «тревога, вселяемая военными событиями, делает крестьянское население чрезвычайно чутким ко всевозможным слухам, доносящимся из армии; в последней же... идет серьезное брожение в смысле разжигания вожделений к бесплатному увеличению земельной собственности»¹¹³.

Западному фронту большевистская партия уделяла пристальное внимание. Здесь работали опытные и закаленные в подпольной революционной борьбе большевики М. В. Фрунзе, И. Е. Любимов, А. Ф. Мясников и др. В ряде воинских частей имелись партийные организации. В 1915—1916 гг. во многих подразделениях происходили солдатские волнения.

Рост революционных настроений в армии способствовал подъему движения и в прифронтовом районе. Предводитель дворянства Борисовского уезда в ноябре 1916 г. сообщал минскому губернатору, что «главным и самым угрожающим фактором поддержки и увеличения недовольствия среди крестьян являются солдаты или проходящих тыловых частей, или возвращающиеся домой на побывку.

...Нижние чины упорно распространяют среди крестьянской массы слухи о том, что после окончания войны они с оружием в руках приступят к переделу земли и к сведению счетов с богатыми классами...»¹¹⁴

Большевистские идеи по вопросам войны, мира и ре-

волюции распространяли среди крестьян прибывавшие в отпуск или по ранению фронтовики и революционно настроенные рабочие и крестьяне. В циркуляре витебского губернатора в декабре 1915 г. отмечалось, что в последнее время среди сельского населения губернии распространяются «всякие вздорные слухи», связанные с войной, которые волнуют население, создают нежелательную атмосферу и «возбуждают недовольство начальствующими лицами». «Означенные слухи,— отмечалось в этом документе,— распространяются, надо полагать, не только прибывающими в сельские местности нижними чинами и через письма от них, но, несомненно, есть и злонамеренные лица из революционного элемента, которые стремятся подорвать престиж власти и создать больше недовольного элемента, представляющего благоприятную почву для их преступной деятельности»¹¹⁵.

Имеются документы, свидетельствующие о ведении революционной пропаганды в деревне и самими крестьянами. В Пинском уезде читку революционной литературы среди крестьян проводил крестьянин Жабицкой волости Глишский, который в 1905 г. за участие в аграрном движении и распространение среди крестьян прокламаций был выслан на 2 года в Олонецкую губернию¹¹⁶. В Мозырском уезде противоправительственные беседы проводил крестьянин деревни Кормы Матвей Турчин¹¹⁷, в Витебском уезде — крестьянин Небылов¹¹⁸.

В Игуменском уезде, по свидетельству дворянина К. Т. Мрачковского, уже летом 1915 г. «большая часть крестьян, спина которых еще чешется от заживающих сныжков — ласк любвеобильного «начальства и помещиков», — пастроена очень враждебно... Некоторые запасные раненые, посланные на поправку, а ныне вызванные к воинским начальникам на комиссии, враждебно расположены не только к начальству — панам, но и к помазаннику божьему»¹¹⁹.

Таким образом, в деревне в годы войны росли и зрели огромные революционные силы. «Теперь,— подчеркивал В. И. Ленин в конце 1915 г., критикуя теорию Троцкого об убывании революционной роли крестьянства,— мы снова идем к революции. Это все видят. *Сам Хвостов* говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы»¹²⁰.

За два с половиной года войны в России произошло

около 500 массовых выступлений крестьян¹²¹. Составной частью общероссийского крестьянского движения являлись выступления крестьян Белоруссии в годы войны. За период с августа 1914 по февраль 1917 г. нами выявлено 202 выступления крестьян (табл. 13 и 14).

По годам эти выступления распределяются следующим образом: 1914 г.— 36, 1915 г.— 99, 1916 г.— 60 и в январе—феврале 1917 г.— 7. 51,4% выступлений совершено в форме порубок леса и потрав помещичьих и казенных угодий. 31,2% составляют выступления крестьян, вызванные обстоятельствами войны,— отказы от исполнения военных работ и повинностей, разгромы продовольственных лавок, складов, имений. 3,0% составляют выступления против землеустройства и кулаков-хуторян, 6,9% приходится на выступления против властей и полиции, 7,5% — на другие формы борьбы крестьян.

Наибольшее число выступлений (141) произошло в Минской губернии. В 1915—1916 гг. здесь особенно активны были крестьяне Слуцкого (36 выступлений), Игуменского (17) и Новогрудского (12 выступлений) уездов.

В Могилевской губернии отмечено 22 выступления, в Гродненской — 18, Витебской — 16 и Виленской — 5 выступлений.

Материалы табл. 13 и 14 показывают, что после спада крестьянского движения во второй половине 1914 г. оно вспыхивает с новой силой в 1915 г. В 1916 г. число выступлений несколько уменьшилось. Это объясняется тем, что к этому времени около трети белорусских уездов оказались оккупированными.

В годы войны крестьянству Белоруссии приходилось вести борьбу с помещиками и царизмом в особо тяжелых условиях. Уже в самом начале войны белорусские губернии были объявлены на военном положении, и власти получили неограниченные права подавлять силой оружия малейшую вспышку недовольства крестьян. Обычный полицейский аппарат был значительно усилен за счет полиции оккупированных районов. Так, в распоряжение минского губернатора уже летом 1915 г. было предоставлено только из Варшавской губернии 1200 полицейских, которые были направлены на охрану помещичьих имений на пути следования беженцев по Московско-Брестскому шоссе¹²². Если полицейских сил не хватало, то на помощь им с готовностью посылались солдаты войсковых

частей Западного фронта, в огромном количестве расположенные на территории Белоруссии.

В годы войны в деревне на первом плане была борьба крестьян против помещиков. Наиболее распространенной ее формой являлось явное пользование помещичьей собственностью — порубки леса, пастьба скота на угодьях, потравы хлебных полей, клевера и т. д. Эти выступления носили систематический характер, принимали все более широкий размах и свидетельствовали о росте революционных настроений среди крестьян. Борисовский уездный предводитель дворянства в представлении минскому губернатору от 11 ноября 1916 г. отмечал, что «у крестьян совершенно изменился взгляд на дела о порубках и потравах и т. д. В данное время они уверены, если не в законности порубок и потрав, то во всяком случае в правоте своей при означенных правонарушениях, вытекающей из того убеждения, что только они являются защитниками родины и что их мужья и сыновья проливают свою кровь. Этот вывод выставляют как основание для незаконных требований, а последние выражают в резкой форме и угрожающем тоне»¹²³.

Таких выступлений за рассматриваемый период зарегистрировано 104. Но эта цифра далеко не исчерпывает общего числа подобных выступлений, она охватывает только порубки и потравы, совершенные группами в 10 и более крестьян. Большое число выступлений совершено группами до десяти человек. В донесении речичского уездного исправника минскому губернатору в феврале 1915 г. отмечалось, что в последнее время самовольные порубки значительно участились и что «для порубок крестьяне являются в лес не скопом, а по нескольку человек»¹²⁴. Не исключено, что это была тактика крестьян, рассчитанная на то, что для пресечения мелких, но широко распространенных потрав и порубок полиция и войска привлекаться не будут. Случаев порубок и потрав, совершенных группами в 3—9 человек, за два с половиной года учтено свыше 700. Сохранившиеся в материалах некоторых фондов помещичьих имений, казенных лесничеств, присутствий по крестьянским делам книги записей и протоколы на порубку и потравы, списки судебных дел, ведомости взыскания штрафов свидетельствуют о том, что в 1915—1916 гг. эти выступления по всем белорусским

Таблица 13

Крестьянское движение в Белоруссии за период с августа 1914 по февраль 1917 г. (по формам борьбы)*

Формы движения	1914 г.					1915 г.					1916 г.				1917 г.				Всего	В %		
	губерния																					
	Вилейская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	итого	Вилейская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	итого	Витебская	Минская	Могилевская	итого	Витебская	Минская			Могилевская	итого
Порубки леса	1	1	1	2	1	6	1	4	1	7	1	14	1	3	3	7	1	3	—	4	31	15,3
Потравы угодий	1	1	2	6	2	12	1	1	3	28	2	35	1	23	2	26	—	—	—	—	73	36,1
Выступления против хуторизации и кулаков-хуторян	—	—	1	3	—	4	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	6	3,0
Захваты помещицкой собственности и разгромы имений	—	—	—	—	—	—	—	—	1	11	1	13	—	—	4	4	—	—	—	—	17	8,4
Выступления против дороговизны	—	—	—	1	—	1	—	—	1	15	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	19	9,4
Отказы от уплаты податей	—	—	1	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	4	2,0
Сопrotивление властям и полиции**	—	—	1	3	—	4	—	—	—	4	1	5	1	2	2	5	—	—	—	—	14	6,9
Убийство помещиков и их служащих	—	—	—	1	—	1	—	—	2	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2,0
Отказы от выполнения военных работ и повинностей	—	—	2	—	—	2	1	2	—	2	—	5	—	17	—	17	1	1	1	3	27	13,4
Другие формы выступлений	—	—	—	2	1	3	—	—	1	2	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	7	3,5
Итого	2	2	8	20	4	36	3	9	10	71	6	99	3	46	11	60	2	4	1	7	202	100

* Таблица составлена на основании документальных материалов центральных и местных архивов.

** Из 14 отмеченных в таблице случаев сопротивления властям и полиции 6 произошло на почве порубок леса.

Таблица 14

Крестьянское движение в Белоруссии в 1915—1916 гг. (по месяцам)

Год	Губерния	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
1915	Виленская	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	3
	Витебская	1	—	2	—	—	—	—	1	1	2	1	1	9
	Гродненская	2	—	—	2	5	1	—	—	—	—	—	—	10
	Минская	—	1	1	6	10	20	8	5	17	2	1	—	71
	Могилевская	1	—	—	—	1	1	2	—	—	—	—	1	6
	Итого	4	1	4	9	16	23	10	6	18	4	2	2	99
1916	Витебская	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	3
	Минская	9	5	1	3	7	6	4	—	5	5	1	—	46
	Могилевская	—	4	—	—	—	1	1	1	2	—	—	2	11
	Итого	10	9	1	3	7	8	5	1	7	5	2	2	60

губерниям носили массовый характер. Дело дошло до того, что помещики многих крупных имений в значительных количествах заказывали в типографиях специальные бланки протоколов на порубки и потравы.

В Могилевской губернии сторожами и лесниками одного только Гомельского имения княгини Паскевич за период с августа 1914 и по май 1916 г. составлено свыше 2,5 тыс. протоколов о порубках леса, потравах, самовольном кошении трав и т. д. По этим протоколам за категорические отказы уплачивать стоимость вырубленного леса или стравленных лугов и посевов земским начальником Гомельского уезда было подвергнуто денежным штрафам или другим видам наказания свыше 5000 крестьян¹²⁵.

Но и эти сведения неполны, поскольку часть дел не направлялась к земскому начальнику, так как они кончались «полюбовно», т. е. крестьяне соглашались добровольно по таксе возместить полностью или частично стоимость леса или сена. Например, только по Макеевскому лесному участку имения Паскевич за 1915 г. «полюбовно» закончилось 58 дел¹²⁶.

В Витебской губернии по Городокскому казенному лесничеству за порубки и потравы против крестьян в 1915 г. было заведено 392 дела, в 1916 г. — 415, в январе—феврале 1917 г. — 60 дел¹²⁷. В Минской губернии по Мозырскому уезду за август—декабрь 1914 г. Мозырским уездным съездом привлечено к уголовной ответственности за порубки и потравы 637 крестьян¹²⁸. А лесниками Туровского лесничества составлено на крестьян этого же уезда в 1916 г. 182 протокола и в январе—феврале 1917 г. — 18¹²⁹.

Систематически пасли свой скот по сенокосам и посевам князя Радзивилла крестьяне Слуцкого уезда. За 1915—1916 гг. сторожами и управляющими имений было составлено и направлено земским начальникам уезда свыше 200 протоколов о потравах. Из этого числа в 30 случаях крестьяне пасли скот на угодьях князя всей деревней или несколькими десятками дворов одновременно¹³⁰.

Массовые порубки и потравы наблюдались и в других уездах Минской губернии. В Борисовском по жалобам помещиков земскими начальниками в 1915 г. было рассмотрено 456 дел¹³¹. В Игуменском лесниками Волмян-

ской и Гребенско-Лядинской казенных дач было составлено на крестьян за 1915 г. 86 протоколов, за 1916 г.— 134 и за январь—февраль 1917 г.— 50¹³².

Порубки помещичьих и казенных лесов и потравы широкий размах приняли в Гродненской губернии. По одному только Мельницкому казенному лесничеству было составлено за август—декабрь 1914 г. 111 протоколов и за январь—июнь 1915 г.— 153¹³³. В Брестском казенном лесничестве за сентябрь—декабрь 1914 г. появилось 39 протоколов¹³⁴. А земский начальник 6-го участка Гродненского уезда за порубки и потравы, совершенные в январе—июле 1915 г., оштрафовал и привлек к другим формам наказания свыше 400 крестьян¹³⁵. Эти выступления настолько обеспокоили местную гражданскую и военную администрацию, что комендант Гродненской крепости издал специальное объявление, в котором предупредил, что за «самоуправное пользование чужим имуществом» виновные будут подвергаться тюремному заключению или штрафу до 3000 руб., «а в более серьезных случаях без всякого снисхождения будут предаваться военно-полевому суду». «В случае,— угрожал комендант,— если виновные в нарушении настоящего распоряжения, проживающие в селениях, не будут обнаружены, все жители деревни будут считаться укрывателями нарушителей и подлежат высылке из крепостного района»¹³⁶.

Нередки были случаи, когда крестьяне совершали потравы и порубки всей деревней или несколькими десятками дворов одновременно, оказывая ожесточенное сопротивление лесной страже и полиции.

В июле 1915 г. управляющий графа Нирода сообщал минскому губернатору, что в имениях Якимовичи и Гилевка Речицкого уезда все общество крестьян деревни Клииск потравило стадом скота все посевы овса, клевер и сенокосы. 4 июля потравили рожь и разогнали сторожей, грозя им убийством. Управляющий сообщал: «Ходят упорные слухи, что крестьяне хотят разгромить двор имения Гилевка», и в страхе просил прислать револьверы и полицию¹³⁷.

Упорные схватки при порубке леса вели с лесной стражей помещика крестьяне деревни Кустовницы Мозырского уезда. 15 декабря 1914 г. при столкновении жителей этой деревни с лесниками один крестьянин был убит. Но это не остановило остальных крестьян. В 1915 г.

порубки стали повторяться все чаще, принимая систематический характер. До мая было произведено не менее 15 порубок. Перед майским призывом крестьяне произвели рубку «скопом», не обращая внимания на стражу. 18 мая вновь была произведена массовая порубка леса, в которой приняли участие около 30 человек. Когда крестьянам пытались помешать, они сами открыли огонь из ружей и обратили стражу в бегство. В последующие месяцы порубки продолжались. 4 и 5 августа около 50 крестьян вырубил и вывезли на глазах лесной стражи несколько сот деревьев¹³⁸.

В течение многих лет вели борьбу за сервитуты с графом Грабовским крестьяне деревни Славковичи Бобруйского уезда. Уездный исправник в своем рапорте минскому губернатору в апреле 1915 г. отмечал, что «был ряд судебных решений о самовольной пастьбе крестьянами скота с присуждением с крестьян в пользу помещика вознаграждения, и, несмотря на это, они продолжают пасти свой скот по-прежнему». 9 апреля помещик объявил крестьянам, что разрешает солдаткам пасти безвозмездно их скот, и предлагал явиться в волостное правление и дать сведения о количестве скота. Однако солдаты в волостное правление не пошли, а на следующий день по-прежнему вся деревня выгнала свой скот на помещичьи угодья¹³⁹.

21 июня крестьяне Славкович произвели массовую порубку леса графа. На следующий день с целью розыска вырубленного леса в деревню явился управляющий с полицией и лесной стражей. У крестьянина Ахрамейко они нашли несколько колод и хотели забрать их. Но собравшаяся толпа крестьян (более 50 человек) вооружилась кольями и камнями, избила и рассеяла полицию и стражников¹⁴⁰.

Столкновения крестьян с полицией и лесной стражей на почве потрав и порубок имели место в 1915 г. и в других белорусских губерниях.

3 июля 1915 г. крестьяне деревни Корсаково Баевской волости Горецкого уезда пустили около 70 лошадей на луг в имении Людиници. Лесная стража загнала лошадей в экономию. Тогда в имение явилась толпа крестьян, вооруженных кольями и топорами. Они избили и разогнали стражу, разломали сарай и забрали своих лошадей. Затем крестьяне напали на дом управ-

ляющего. Их волнение было прекращено лишь с прибытием полиции, пустившей в ход оружие ¹⁴¹.

В Витебской губернии крестьяне деревень Узмоки, Оглобенка и Недружно Полоцкого уезда с апреля 1915 г. начали пасти скот на лугах имения Узмоки, оказывая вооруженное сопротивление страже помещика. Прибытие отряда полицейских не остановило крестьян. Они продолжали самовольную пастьбу и в отместку за вызов помещиком полиции несколько раз поджигали его лес, уничтожив таким образом 45 дес. 5 мая помещик вновь обратился к губернатору с просьбой прислать полицию и подал на крестьян в суд. «Но шаг этот, — вынужден был признать помещик, — имел весьма печальные последствия, так как в день получения крестьянами повесток земского начальника вспыхнул лесной пожар..., а в день разбора дела у земского начальника, т. е. 13 мая, выгорело около 20 десятин хорошего леса, а крестьяне по-прежнему продолжают самовольно пользоваться для целей пастьбы всеми угодьями моего имущества» ¹⁴². В конце мая помещик подал очередную жалобу, заявляя, что самовольная пастьба скота крестьян на его угодьях продолжается и принимает более широкие размеры ¹⁴³.

В октябре и ноябре 1915 г. массовые порубки леса были произведены крестьянами в имениях Адамово Дриссенского и Должа Витебского уездов. В имении Должа крестьяне произвели порубку совместно с солдатами 230-й Олопецкой дружины, оказав вооруженное сопротивление полиции ¹⁴⁴.

В Гродненской губернии весной и летом 1915 г. особенно часто совершали порубки леса и отравы помещичьих угодий крестьяне Волковысского уезда. В жалобе губернатору в июне 1915 г. владелец имения Струбница сообщал, что крестьяне деревни Пацевичи с апреля начали самовольную пастьбу скота по его лесным участкам. Когда же батраки и сторожа имения пытались прекратить пастьбу, то крестьяне всей деревней, вооружившись кольями, обратили их в бегство ¹⁴⁵.

В этом же уезде открыто пасли свой скот по помещичьим угодьям и крестьяне деревень Петричево ¹⁴⁶, Пузики ¹⁴⁷, Пашутичи ¹⁴⁸, Забогони ¹⁴⁹, Бискупцы ¹⁵⁰ и др.

В Брестском уезде в имении Высоко-Литовск явочное пользование крестьян помещичьими угодьями при-

няло такой упорный характер, что по просьбе владельца за его счет была учреждена должность полицейского стражника¹⁵¹.

Весной и летом 1915 г. порубки и самовольная пастьба скота наблюдались и в белорусских уездах Виленской губернии. В июне в деревне Ходоровцы Лидского уезда было оштрафовано более 100 крестьян за потравы угодий помещика. А в мае крестьяне совершили две крупные порубки леса¹⁵².

Массовые потравы и порубки продолжались и на протяжении всего 1916 г. Крестьяне деревни Дубняки Речицкого уезда Минской губернии с весны 1916 г. начали самовольную пастьбу скота на полях имения Перетрутовичи, заявляя, что «теперь война и пасти скот можно везде на помещичьих и на казенных землях». Уездный исправник в рапорте минскому губернатору от 19 июля 1916 г. указывал, что крестьяне при попытке лесной стражи переписать скот выходят толпой с кольями и угрожают убийством. 13 апреля, когда лесники застигли скот на сенокосных участках, крестьяне толпой отпировались в дом одного из лесников, где лесники укрылись от преследования, и избили их. Самовольную пастьбу скота всей деревней крестьяне продолжали до середины июля, когда несколько «зачинщиков» прибывшим отрядом полиции были арестованы, а потом заключены в тюрьму или высланы из Минской губернии¹⁵³.

В течение нескольких месяцев всем обществом пали свой скот по сенокосам и посевам овса, клевера и ржи в соседнем имении крестьяне деревни Петровичи Бобруйского уезда¹⁵⁴.

В Могилевской губернии наиболее частые потравы и порубки скопом наблюдались в Сенненском, Рогачевском и Гомельском уездах. В Сенненском уезде весной и летом массовые потравы производились крестьянами деревень Клубиничи, Боркучи, Латыговка, Мальцы, Лютая и др. В сентябре и октябре в этом уезде массовые порубки, сопровождавшиеся сопротивлением лесникам и полиции, были произведены крестьянами деревень Пузьки, Великое Село, Пески, Рубежевичи и др.¹⁵⁵.

В Рогачевском уезде наиболее массовые порубки производились крестьянами в имении Жиличи помещика Булгака. 20 февраля 1916 г. порубка леса в этом

имени была произведена одновременно крестьянами нескольких деревень. Прибывшим приставу и стражникам было оказано вооруженное сопротивление. Осенью и зимой 1916 г. порубки леса продолжались. Наиболее крупная была произведена 29 декабря. В лес на 40 подводах явились сразу 60 крестьян и повалили лес на площади около 20 дес. на сумму до 10 тыс. руб. Лесной страже, пытавшейся помешать вывезти лес, крестьяне заявили, что рубили и будут рубить. На следующий день крестьяне оказали сопротивление управляющему имения, прибывшему в деревню со сторожами для конфискации леса, одного лесника ударили топором, а другим пригрозили снести головы¹⁵⁶.

Несколько потрав и порубок, сопровождавшихся схватками с лесниками и полицией, учтено и по Витебской губернии. Так, крестьяне деревень Авгули и Рулупово Дриссенского уезда, как писал в своей жалобе витебскому губернатору помещик в августе 1916 г., уже с конца 1915 г. «почувствовали полную свободу и стали учинять порубки моего леса скопом, после чего мой приказчик 28 декабря составил протокол, разбора коего еще не было. Между тем крестьяне, пользуясь безнаказанностью, проявили еще большую смелость и 7 июня сего года вырубili скопом еще 1805 пней»¹⁵⁷. Оказав сопротивление лесникам и приставу, крестьяне заявили, что на сервитутном участке рубили их отцы и они будут рубить.

В годы войны участились острые классовые столкновения и внутри самого крестьянства.

Особенно упорной была борьба крестьян против землеустройства и кулаков-хуторян. Царское правительство решило воспользоваться обстоятельствами военного времени для ускоренного насаждения хуторов и отрубов и встретило с этой стороны полное понимание и поддержку кулачества, которое взятками и подкупами землемеров стремилось захватить лучшие земли. Но несмотря на мобилизацию в армию наиболее активной части сельского населения, оставшиеся в деревнях жены запасных, старики, непризванные в армию крестьяне оказали землеустройству упорное сопротивление. Наиболее распространенными были легальные средства борьбы: на сельских сходах составлялись приговоры против хуторизации, крестьяне отказывались от ранее достиг-

путых «полюбовных соглашений», подавали прошения с просьбой отложить межевание до возвращения с фронта солдат-хозяев.

В феврале 1915 г. неперемный член Слуцкой уездной землеустроительной комиссии доносил минскому губернатору: «Ввиду военного времени крестьяне поголовно отказывались от перехода к хуторскому землепользованию...»¹⁵⁸ В этом уезде от землеустройства отказались крестьяне деревень Долгое, Махановичи, Ясковичи, Доросино, Кудзиновичи и др.

Значительным было движение против землеустройства и в Речицком уезде. В августе и сентябре отказались от землеустроительных работ крестьяне деревень Вербовичи, Булгаки, Нидеичи, Бакузы, Карповичи и Луки¹⁵⁹. Во второй половине 1914 г. отказы от землеустройства имели место в селе Засулье Минского и деревне Изва Новогрудского уездов¹⁶⁰. 11 апреля 1915 г. от выхода на хутора отказались 60 из 81 домохозяина деревни Пласток Бобруйского уезда и направили царю телеграмму, прося отменить проведение работ по землеустройству¹⁶¹. В Гродненской губернии в конце 1914 г. и первой половине 1915 г. отказы от землеустройства были в деревнях Малый Масушин и Павловичи Волковысского и Быстрица Кобринского уездов¹⁶².

Когда же легальные средства борьбы желаемых результатов не давали, крестьяне прибегали к решительному сопротивлению властям и полиции. По сообщению исправника, в деревне Ломачи Речицкого уезда против кулаков, изъявивших желание выйти на хутора, «устраивались настоящие гонения с косами, топорами и кольями, и им приходилось в полном смысле слова спасаться, оставляя на произвол судьбы семьи и хозяйства»¹⁶³.

20 сентября 1914 г. крестьяне деревни Надточасвки Речицкого уезда, «будучи недовольны землеустроительными работами при установлении границ земель их селений, явившись толпой, оказали противодействие землемеру и уничтожили расставленные им межевые знаки»¹⁶⁴. В этом же уезде в ноябре 1914 г. крестьяне деревни Уболоть избili землемера и разогнали рабочих, проводивших межевание¹⁶⁵. В деревне Изва Новогрудского уезда с помощью полиции было произведено межевание, но между крестьянами и богатыми хуторянами продолжалась острая борьба¹⁶⁶. В деревне Лю-

бань Бобруйского уезда, несмотря на проведенное межевание, крестьяне не дали возможности местным кулакам выйти на хутора¹⁶⁷. В 1915 г. в Минской губернии наиболее крупное выступление против землеустройства произошло в апреле в Мозырском уезде. Толпа солдаток (свыше 50 человек), вооружившись палками и камнями, не допустила землемера к землеустроительным работам. Межевание было доведено до конца только в присутствии отряда полиции¹⁶⁸.

В Гродненской губернии упорное сопротивление землеустройству оказывали крестьяне деревни Великие Михалки Боярской волости Волковысского уезда. 8 октября 1914 г. крестьяне этой деревни на сходе вынесли приговор об отказе от землеустройства. Когда же землемер прибыл в деревню, никто из назначенных ему в помощь рабочих не явился, и межевание было сорвано. Неудачей закончилась попытка властей осуществить землеустройство в этой деревне и в апреле 1915 г.¹⁶⁹.

Крестьяне деревни Коневцы Самаровичской волости Волковысского уезда в мае 1915 г. не допустили к пользованию пастбищными участками четырех местных кулаков-хуторян, которые купили их в Гродненском отделении крестьянского поземельного банка. Пастбище это «наше общественное,— заявили крестьяне,— и состоит в нашем общественном пользовании»¹⁷⁰.

Нередко крестьяне поджигали имущество кулаков, на их угодьях пасли скот и рубили лес. В 1916 г. в деревне Слопищи Новодорожской волости Бобруйского уезда крестьяне в течение нескольких месяцев пасли скот на лугах соседнего богатого хуторянина. Когда он заявил об этом властям и земский начальник наложил на некоторых крестьян взыскания, то они, по сообщению полиции, «удвоили чинимые против соседних хуторян безобразия»¹⁷¹. А крестьяне деревни Оснич этого же уезда в июле 1915 г. убили владельца хутора Людвиново, когда он пытался загнать в свой двор скот, пасущийся на его лугу¹⁷². Летом 1915 г. на почве отравы был убит кулак в Горской Слободе Чаусского уезда Могилевской губернии рядовым Федором Снытко, находящимся в своей деревне в отпуске¹⁷³. Весной и летом 1915 г. выступления крестьян против кулаков имели место и в деревнях Дударьки (Городокский уезд

Витебской губернии) и Дворцы (Игуменский уезд Минской губернии). Крестьяне Дударек, собравшись толпой до 20 человек, разгромили двор богатого односельчанина Мины Яковлева, а в Дворцах солдатки, доведенные до отчаяния голодом, напали на кулака Ракуца, когда он возвращался из продовольственного магазина, отняли у него 20 пудов ржи¹⁷⁴.

Всего же по белорусским губерниям за вторую половину 1914 и 1915 г. на почве борьбы с землеустройством и кулаками-хуторянами зарегистрировано 18 выступлений (в том числе 12 выступлений совершено в форме протестов и отказов от приговоров). Эти выступления белорусских крестьян являлись составной частью широкого революционного движения против землеустройства, охватившего многие районы России. Движение приняло настолько угрожающий характер, что главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1915 г. предложил губернаторам приостанавливать все землеустроительные работы, по которым не будет достигнуто полюбовное соглашение сторон. 29 ноября был принят закон о прекращении на время войны землеустроительных работ, что означало поражение царизма.

Проявлением второй социальной войны в деревне являлись забастовки сельскохозяйственных рабочих. Однако в годы войны их число было незначительным. Это объясняется сокращением крестьянского найма в помещичьих экономиках и жестокими репрессиями против участников забастовок. Протест сельскохозяйственных рабочих против жестокой эксплуатации выражался чаще всего в форме неявки на работу. Так, в июне 1915 г. бросили работы и разошлись по домам батраки помещика Корженевского Бобруйского уезда¹⁷⁵. В мае 1915 г. то же сделали 30 сельскохозяйственных рабочих в имении Глуховичи Речицкого уезда, нанятые владельцем на сельскохозяйственный сезон. Объясняя становому приставу причину прекращения работ, они единодушно указали на низкие заработки и плохие условия быта¹⁷⁶. На совещании землевладельцев Речицкого уезда в декабре 1915 г. отмечались случаи неявки весной и летом на работы крестьян, взявших задатки. Так, в одной экономике из 80 человек явилось только 6, в другой из 45 человек — 15, причем семеро из них тут

же ушли, в третьей не пришли на работы все 40 человек, взявшие задатки, и т. д.¹⁷⁷

Затянувшаяся война, тяжелым бременем легшая на плечи деревенской бедноты, поражения на фронтах, бездарность и продажность царских чиновников и генералов вызывали недовольство крестьян, усиливали среди них революционные настроения. Крестьяне все отчетливее сознавали, что война, принесшая народу гибель сотен тысяч людей и неисчислимые бедствия, затеяна в интересах помещиков и буржуазии, что царизм не хочет и не в состоянии облегчить положение трудящихся. О росте подобных настроений свидетельствуют и многочисленные судебные дела, возбуждаемые полицией и охранкой против крестьян за открытое выражение недовольства. Например, уже через год после начала войны крестьянин деревни Татьянино Буданицкой волости Городокского уезда в разговоре с односельчанами заявил: «Война эта не христолюбивая, а разбойничья. Цари воюют за золото и за богатство. Нам это не нужно, а нас губят»¹⁷⁸. Подобных дел, которые именовались «делами о противоправительственных высказываниях и оскорблениях его императорского величества», в жандармских и полицейских фондах сохранилось свыше 200.

Недовольство крестьян политикой правительства проявлялось и в участившихся выступлениях против царских властей, в которых они видели ярых защитников интересов и собственности помещиков и кулаков, в отказах от уплаты податей и недоимок.

На 14 октября 1914 г. были объявлены торги на скот крестьян деревни Заборовцы Логишинской волости Пинского уезда за неуплату податей и недоимок по исполнительным листам земского начальника. Однако распродажа скота в этот день не состоялась, так как крестьяне, собравшись всей деревней, не допустили полицейского урядника к описанию их имущества. Тогда торги были назначены повторно, на 25 ноября. В этот день в деревню прибыл отряд полицейских во главе с двумя урядниками. Узнав о появлении полицейских, крестьяне, вооружившись кто чем мог, окружили их и стали «угрожать побоищем. При таком обороте дел отряд ретировался и выбыл из деревни опять без скота»¹⁷⁹. И в дальнейшем, оказывая сопротивление вла-

стям и полиции, крестьянам удавалось спасти свое имущество от распродажи.

Решительно действовали и крестьяне деревни Рычево Туровской волости Мозырского уезда в октябре 1914 г. Оказав сопротивление полиции, они не допустили описания своего скота за долги по исполнительным листам¹⁸⁰.

Сопrotивления крестьян полицейским властям при взыскании налогов и недоимок по исполнительным листам весной 1915 г. происходили в Кормах и соседних деревнях Скородненской волости Мозырского уезда. Пристав 1-го стана этого уезда сообщал, что крестьянин деревни Кормы Матвей Турчин «во всеуслышание заявлял: «на войне бьют нас немцы, а тут режут суды и полиция»¹⁸¹, что «он публично выражает неудовольствие существующим порядком, говоря, какое это за правительство и какие порядки, что во время войны судят и взыскивают, никаких денег он платить не будет и голову разобьет тому чиновнику, кто с него станет взыскивать, держит себя вызывающе, правительственных чиновников называет собаками, так что этот дурной пример его отражается на всем населении...»¹⁸²

«...Матвея Турчина все слушают, а потому там теперь никто никаких денег не платит и под арест по исполнительным листам не идет»¹⁸³. Отказы от уплаты податей среди крестьян 1-го стана Мозырского уезда имели место и в 1916 г. Находящийся в отпуске по болезни солдат Никифор Козел, крестьянин деревни Моисеевка, заявил своим односельчанам, что с солдат и солдаток не имеют права взыскивать податей, за исключением страховых. Сам он от уплаты податей отказался, «чем возмутил и прочих крестьян...»¹⁸⁴

Упорное сопротивление чиновникам и полиции оказали и крестьяне деревень Заозерье и Дедовичи Кобринского уезда Гродненской губернии. 2 октября 1914 г. к ним явился судебный следователь для взыскания денег по исполнительным листам. Но крестьяне выгнали его. 25 октября судебный следователь явился в эти деревни уже с отрядом стражников, но взыскать с крестьян долги не смог, так как полицейские не выдержали натиска крестьян и бежали. Явиться вторично чиновники не решились.

Резкое возмущение вызывали у крестьян бесконеч-

ные реквизиции хлеба, фуража, лошадей, крупного рогатого скота, повозок и т. д. В октябре 1915 г. председатель Заславской реквизиционной комиссии сообщал начальнику интендантства 10-й армии, что «уже и теперь бывают случаи сопротивления населения реквизирующим фураж военным частям, встречаются их с вилами у своих ворот и в Бестайской волости, как, мне передавал производивший реквизицию офицер, бывали случаи, что пришлось связывать людей»¹⁸⁵.

В октябре 1915 г. в селе Смородском Пинского уезда при распределении между крестьянами наряда на 25 подвод для перевозки реквизированного у них фуража собралась толпа и начала ругать десятского, угрожая избиением. «Крестьянин Моисеевич бросался с топором и ударил бы, если бы десятский не сбежал»¹⁸⁶.

Сопротивление полиции при реквизиции лошадей в 1915 г. оказали крестьяне деревни Шалаши Тумиловичской волости Борисовского уезда Минской губернии¹⁸⁷. В октябре 1916 г. отказались от сдачи скота в реквизиционные комиссии крестьяне деревень Степановка, Ямоль, Яновка, Гостивиль и Адамовка Речицкого, Покровка и Рымовец Бобруйского уездов¹⁸⁸.

Особое место в годы войны занимала борьба крестьян против исполнения военных повинностей по рытью окопов, охране железнодорожных линий, мостов, переправ, телеграфа, перевозке воинских грузов и т. д.

Любопытно, что власти, веря, видимо, в ими самими созданную легенду о патриотических чувствах крестьян, вначале пытались привлечь их к военным работам на добровольных началах. С этой целью в конце 1914 г. по всем белорусским губерниям была объявлена запись добровольцев-погонщиков в военные транспорты. Однако эта затея потерпела провал. В Гродненской губернии из 9 уездов некоторое количество добровольцев, по признанию губернатора, нашлось только в одном Белостокском уезде¹⁸⁹. Категорически отказались записаться добровольно в военные транспорты крестьяне Витебской губернии. 5 февраля 1915 г. во время сельского схода Бабиничского общества Витебского уезда для назначения погонщиков в военные транспорты крестьянин деревни Сеньково Небылов заявил: «В армии солдат моят голодом и это же будут делать и с поступающими в погонщики... Крестьян глупых подводят, а

частновладельцев не трогают»¹⁹⁰. Под влиянием Небылова сход от назначения погонщиков отказался. 12 февраля в деревню нагрянули жандармы и полиция. При обыске у Небылова были найдены «3 брошюры противоправительственного содержания, хотя и различных наименований, но явно призывающие к ниспровержению существующего в государстве строя и общественного порядка»¹⁹¹.

В ходе расследования жандармы установили, что «у названного Небылова в Бабиничской волости имеется довольно обширный круг единомышленников, оппозиционно настроенных благодаря тому же Небылову против правительства, причем члены этого кружка в настоящее время начинают грозить показавшим против Петра Небылова крестьянам и что последние под влиянием этих угроз могут на суде отказаться от первоначальных своих показаний»¹⁹².

По распоряжению главного начальника Двинского военного округа П. Р. Небылова выслали в Томск под гласный надзор полиции до окончания войны.

6 и 7 февраля от назначения погонщиков отказались сходы крестьян Вымянского и Глазomичского сельских обществ Витебского уезда. Вымянские крестьяне заявили: «Пусть делают мобилизацию и заберут нас, а по назначению от общества у нас людей, лошадей и повозок нет»¹⁹³. А крестьяне Глазomичского общества заявили: «Мы назначим земского начальника погонщиком»¹⁹⁴.

Полный провал потерпела и попытка властей набрать в этой губернии 3000 добровольцев-землекопов на оборонительные работы в Гродненскую губернию в апреле 1915 г. Взывая к патриотическим чувствам крестьян, губернатор в специально разосланной по все уезды телеграмме писал: «Идет упорная борьба с врагом. Там наши братья отражают врага с оружием в руках, их от этого дела нельзя отвлекать на земляные работы, поэтому мы должны им помочь...»¹⁹⁵ Но результат был для властей самым печальным: добровольцев набралось лишь несколько десятков. Объясняя причины краха затеянного мероприятия, уездные полицейские власти в донесениях губернатору писали: «При значительном недостатке продуктов для продовольствия, корма для скота и отсутствии людей, способных обрабаты-

вать поля, крестьянское население только и озабочено, как бы добыть средства к жизни, а вопроса о сохранении отечества вовсе не касаются»¹⁹⁶.

Видя бесплодность попыток добровольно привлечь крестьян к оборонительным работам, власти прибегли к принудительным наборам. Сохранилось несколько свидетельств жандармских и полицейских чинов Витебской губернии, рассказывающих о том, как осуществлялись эти наборы.

Жандармский унтер-офицер в июле 1915 г. сообщал, что во время набора рабочих в Городке и уезде на окопные работы местной полицией «были забраны случайно попавшиеся проходившие по базару люди, преимущественно из бедного населения. Другие же забиралась на улицах и домах также из бедного населения...»¹⁹⁷ По сообщению витебского полицмейстера, «членам полиции пришлось принимать экстренные меры, чтобы набрать назначенное для указанной местности количество рабочих людей. Приходилось ночью ходить с обыском по домам, дворам, огородам, берегам рек и везде, где только можно было ожидать нахождения рабочих»¹⁹⁸. В Минской губернии полиция и воинские части «брали без всякого разбора всех, кого только можно привлечь к работам»¹⁹⁹.

Подавляющая часть населения привлекалась к военным работам именно таким образом. Например, в Минской губернии в августе 1916 г. из находившихся на оборонительных работах 36 тыс. человек 21 500, т. е. 59,7%, были взяты насильно²⁰⁰. В Витебской губернии по состоянию на 15 октября 1915 г. был набран 80 351 человек, но из них по назначению сельских сходок было поставлено лишь 26 666 крестьян²⁰¹. Число рабочих, набранных принудительно, в этой губернии составило 66%.

Тяжелые условия труда, плохое питание, отсутствие жилья, задержки, а то и вообще невыплата денег за работу вызывали большое недовольство крестьян, переходившее часто в открытое сопротивление. Крестьяне укрывались от наборов в лесах, нападали на полицейских, производивших мобилизацию, самовольно уходили с окопных работ.

В Витебской губернии летом и осенью 1915 г. трижды отказывались и не поставили ни одного рабочего

целиком Вымнянская и несколько обществ Яновичской и Куринской волостей Витебского уезда²⁰². В сентябре по призыву Антона Афанасьева из деревни Шелково и Василия Миронова из деревни Лучно их 300 односельчан, направляемые на работы в Полоцк, повернули обратно и разошлись по домам, несмотря на угрозы полиции²⁰³. В Витебском уезде в декабре 1915 г. при наборе населения на военные работы в Ефросиньевской волости крестьяне деревни Головчицы категорически отказались от поставки людей и подвод и избили стражника²⁰⁴. В Городокском уезде от исполнения нарядов на перевозку военных грузов в декабре 1915 г. отказались крестьяне нескольких волостей, а те, которых полиции удалось собрать, «разъехались, так как стражников в городе Городке для их охраны не оказалось»²⁰⁵. И в Дриссенском уезде, по сообщению местного исправника в январе 1916 г., «наблюдается, между прочим, уклонение значительной части населения от позиционных работ и самовольное оставление таковых»²⁰⁶. Отказы от выполнения военных работ и повинностей имели место и в ряде волостей Минской губернии.

Для постройки моста через Березину в Бобруйске уездный исправник в ноябре 1915 г. разослал в Качеричскую, Любоничскую, Горбацевичскую, Бортниковскую и Турковскую волости наряд на 400 рабочих и 200 подвод. Несмотря на строжайшее предписание, только одна Бортниковская волость прислала 56 рабочих и 97 человек с подводами. Остальные волости не прислали ни одного рабочего и ни одной подводы. А старшина Любоничской волости прислал лишь составленные им акты об отказах крестьян от этой повинности²⁰⁷. В июле 1915 г. отказались от поставки подвод крестьяне деревни Дедново этого же уезда²⁰⁸.

Особенно часты были отказы крестьян Минской губернии от исполнения военной повинности в 1916 г. В январе уклонились от поставки подвод и людей крестьяне деревень Барсуки и Городище Речицкого уезда, в феврале — Брагинская и Сеницкая волости Речицкого и Минского уездов²⁰⁹.

25 января 1917 г. вернулись с пути следования на оборонительные работы 300 крестьян разных уездов Минской губернии, оказав сопротивление полиции²¹⁰. Выступления против военной повинности происходили

также в Гродненской и Виленской губерниях. Полиция Гродненского уезда, например, возбудила против крестьян во второй половине 1914 г. 9 уголовных дел за отказы от крепостных работ²¹¹. В Виленской губернии крестьяне деревни Великое Село Лидского уезда упорно отказывались от исполнения повинности по охране железной дороги. И хотя против некоторых из них были приняты строгие карательные меры, начальник Лидского отделения Виленского жандармского полицейского управления, проверявший в апреле 1915 г. состояние охраны железных дорог, отметил, что в районе «Жолудской волости на некоторых верстах и сооружениях не оказалось на охране ни одного человека»²¹².

Очень часто сопротивление крестьян выражалось в самовольном оставлении окопных работ. Так, в Минской губернии, по разрозненным и далеко не полным данным, только в феврале 1916 г. бросили работы и разошлись по домам 1712 человек²¹³. Нередко крестьяне уходили домой целыми деревнями и даже волостями по несколько сот человек на виду у стражников. 15 февраля 1916 г. бросили работы и ушли домой 189 крестьян Шацкой волости Игуменского уезда²¹⁴, 4 января — 213 крестьян Минского и Игуменского уездов²¹⁵. В Витебской губернии в 1915 г. с окопных работ самовольно ушли 15 193 человека²¹⁶. В 1916 г. участилось прекращение окопных работ большими группами крестьян. Так, в ноябре из одной партии в 495 человек бежали 446, в другой из 405 человек — 110²¹⁷. В декабре с участка старшего производителя работ капитана Куракина ушли все рабочие — 2000 человек²¹⁸. Иногда крестьяне, доведенные до отчаяния невыносимыми условиями жизни и труда, объявляли забастовки, требуя отпуска по домам, улучшения питания, жилья, выдачи денег, одежды и т. д. Одна из крупнейших забастовок состоялась в январе 1916 г. на 3-м участке Бобруйского района военного строительства. 10 января около 500 крестьян Черниговской и соседних белорусских губерний собрались у конторы и потребовали расчета и отпуска по домам. Власти отказались удовлетворить их требования. На следующий день 443 человека на работы не вышли. На место происшествия были срочно вызваны жандармы и полиция, которые пытались уговорами и силой заставить крестьян приступить

к работам. Однако забастовка продолжалась и 12 января, в этот день на работы не вышли 117 человек. И только на четвертый день полиции удалось сломить крестьян, и 13 января работы на участке возобновились²¹⁹.

21 ноября 1915 г. состоялась забастовка 150 рабочих, занятых на окопных работах у станции Княжица Витебского уезда. Они также требовали отпуска по домам. Причем рабочими «было высказано мнение, что богатые своевременно откупились от работы, послав на них бедняков»²²⁰.

На почве злоупотреблений властей и невыдачи в течение нескольких недель зарплаты в Витебской губернии имела место забастовка окопных рабочих в конце 1915 г.²²¹

В начале 1916 г. неоднократные волнения имели место среди рабочих 4-й рабочей дружины, в которой были заняты преимущественно крестьяне Минского и Игуменского уездов. Из этой дружины за период со 2 по 10 января ушли 248 крестьян, 30 января — 65. 11 февраля рота рабочих этой дружины по призыву одного из крестьян Дудичской волости Игуменского уезда отказалась идти на работы, требуя улучшения питания. Вооружившись топорами, рабочие обступили стражника, грозя ему убийством. В этот и на следующий день бросили работы и ушли домой свыше 200 рабочих дружины, а в последующие дни февраля — еще несколько сот человек²²².

Наряду с выступлениями против реквизиций, военных работ и повинностей новой формой революционного движения в годы войны была борьба крестьян против дороговизны предметов первой необходимости. Их выступления на почве отсутствия продуктов питания и непомерного роста цен носили острый характер и в большинстве случаев выражались в разгроме помещичьих имений, складов, продовольственных лавок и т. д. В ноябре 1914 г. в местечке Снов Новогрудского уезда Минской губернии крестьяне-новобранцы разгромили на базаре две продовольственные лавки²²³. Но основная масса выступлений крестьян и беженцев против дороговизны и отсутствия продуктов питания (40 из 45), учтенных за рассматриваемый период, пришлось на летние месяцы 1915 г., когда в Белоруссии развернулись

военные действия и вся ее территория оказалась заполненной войсками и беженцами.

В 1915 г. первым по времени крупным выступлением на почве дороговизны предметов первой необходимости явилось выступление крестьян Новогрудского уезда Минской губернии. 17 мая во время ярмарки в местечке Ишкольди крестьяне, возмущенные повышением торговцами цен, начали громить продовольственные лавки и избивать их владельцев. Разгром был прекращен лишь после прибытия полиции²²⁴. В июне два крупных выступления произошло в местечках Озаричи Бобруйского и Ивенце Минского уездов. В Озаричах крестьяне Речицкого и Бобруйского уездов, прибывшие на годовую ярмарку, в течение трех часов разгромили 5 лавок, 14 будок и 10 домов. Крестьяне забрали и увезли продовольственных продуктов и товаров более чем на 19 тыс. руб.²²⁵ В Ивенце громить продовольственные лавки начали новобранцы. Прибывших на их усмирение пожарников и полицию они встретили градом камней, однако были рассеяны. Полностью оказалась разгромленной только одна лавка, а из других товары были унесены лишь частично²²⁶.

Несколько выступлений во время мобилизации крестьян в армию произошло в августе 1915 г. В Игуменском уезде партии новобранцев разгромили имение Подблонь на станции Пуховичи, 3 продовольственные лавки в селах Дричин и Пережир. На станции Руденск 13 августа была разгромлена бакалейная лавка, 14 августа — еще несколько лавок и домов торговцев. Полиция оказалась бессильна. 15 августа на станции Руденск вновь прибывшая партия мобилизованных стала громить лавки. Сопровождавший эту партию офицер ранил из револьвера одного новобранца. Остальные бросились на офицера и стали избивать. Его спасла от расправы прибывшая воинская команда²²⁷.

9 и 11 августа новобранцы разгромили лавки и избивали торговцев в Лепеле Витебской губернии. Когда полиция арестовала одного из новобранцев, они толпой явились в полицейское управление и потребовали освобождения арестованного товарища²²⁸. 27 сентября новобранцы разгромили 5 продовольственных лавок на станции Езерище Городокского уезда²²⁹.

16 августа 1915 г., по сообщению помощника слущ-

кого уездного исправника, на годовой ярмарке в селе Старчицы Вызнянской волости крестьяне произвели «поголовное разграбление всех товаров, какие только были, заключающихся в съестных припасах, мануфактурном и сапожном товаре, железных изделиях и прочее»²³⁰.

Имевшихся в распоряжении властей полицейских сил оказалось недостаточно для прекращения разгрома, и он продолжался с 11 до 13 часов дня, пока не были разбиты все лавки. В этом же уезде 8 сентября было разгромлено имение Богдановка в Старобинской волости.

В выступлениях против помещиков и спекулянтов крестьяне нередко объединялись с солдатами. 12 и 13 сентября в деревне Хотаевичи Борисовского уезда крестьяне совместно с 25 солдатами разгромили лавки и дома торговцев²³¹. Также вместе с солдатами крестьяне разгромили лавки в деревне Дорошевичи Лясковичской волости Мозырского уезда²³² и в местечке Ветрино Лепельского уезда²³³.

Сильное возмущение вызывало у крестьян изъятие хлебных запасов из общественных магазинов. В Гродненской губернии реквизиция хлеба из крестьянских общественных магазинов началась по распоряжению губернатора от 3 августа 1914 г. Весь непригодный для армии хлеб крестьянам предлагалось распределить между собой и пополнить магазины свежим зерном, однако крестьяне, опасаясь, что и эти запасы будут изъяты, всячески уклонялись от выполнения распоряжения. В сентябре — октябре 1914 г. отказы подписать приговоры о пополнении запасов общественных магазинов только в двух волостях Волковысского уезда вынесли 10 сходов сельских обществ²³⁴.

Перед лицом единодушного сопротивления крестьян администрация Гродненской губернии приняла решение перейти от ссыпки хлеба в магазины к денежным сборам с крестьян. Крестьянам было предписано вынести на сельских сходах соответствующие приговоры. Но и это мероприятие властей не встретило поддержки. Весной и летом 1915 г. 23 сельских схода Волковысского уезда потребовали закрытия хлебных магазинов и отмены денежных сборов²³⁵. Причем приговоры сходов крестьяне отстаивали решительным сопротивлением властям и полиции. По сообщению газеты «Речь», 18

марта 1915 г. крестьяне трех деревень Волковысского уезда совместно выступили против отряда стражников, прибывшего выколачивать денежные сборы, установленные вместо закрытых хлебных магазинов, и нанесли некоторым полицейским ранения камнями²³⁶.

Летом и осенью 1915 г. немало выступлений произошло в связи с движением беженцев, которые нередко в борьбе против помещиков объединялись с крестьянами и солдатами. Не получая в большинстве случаев почти никакой помощи, не имея ни хлеба, ни фуража, голодные и раздетые, беженцы по пути следования громили помещичьи имения, захватывали хлеб, картофель, сено, разламывали на дрова помещичьи строения, рубили и жгли их леса. В выступлениях беженцев, среди которых преобладали крестьяне, также выражалась их классовая ненависть к своим угнетателям. «Вы ведь нигде не замечали,— говорил помещик Войнилович на собрании Минского общества сельского хозяйства,— чтобы деревни были разграблены и разрушены ими, напротив, мы можем насчитать много десятков имений, опустошенных беженцами»²³⁷.

Выступления беженцев были настолько массовыми, что власти предприняли ряд экстренных мер для охраны имущества помещиков и кулаков. В июле по приказанию главного начальника Минского военного округа для охраны Московско-Брестского шоссе был создан специальный отряд во главе с полицмейстером Бобруйска, состоящий из 1200 полицейских. Перед отрядом была поставлена задача «не допустить никаких посягательств со стороны беженцев по отношению к чужому имуществу»²³⁸.

В августе главнокомандующим Западным фронтом А. Е. Эвертом был издан специальный приказ, в котором губернаторам предписывалось «установить самый неослабный надзор полицейских властей за проходящими беженцами, обращаясь к содействию местных военных властей в случаях недостатка полицейских сил для прекращения беспорядка»²³⁹. Подавляя выступления беженцев, помещики и полиция прибегали к самым жестоким мерам — вплоть до расстрела безоружных людей. Так, 7 октября в имении Новоселки Пинского уезда были убиты 2 беженца из крестьян деревни Тепенец этого же уезда. В ноябре 1 беженец был убит в Боб-

руйском уезде²⁴⁰. Но репрессивные меры не давали реальных результатов.

Начальник одного из отрядов полиции, охранявших имущества помещиков в Бобруйском уезде, в своем донесении губернатору в августе 1915 г. признавался, что он «и другие чины полиции употребили все силы для воспрепятствования расхищения беженцами хлебных растений и сена местных жителей, но достигали цели лишь при следовании беженцев одиночными и малыми партиями, силой отнимая у них награбленное ими сено и снопы овса. При следовании же беженцев по 500—700 человек мы оказывались бессильны. Беженцы, несмотря на все наши увещевания и угрозы, что будем стрелять, толпой набрасывались на картофель, сено, овес и т. д., толкая нас и подавляя своей массой»²⁴¹.

Другой полицейский чиновник доносил из Слуцкого уезда, что «беженцы набрасываются на поля и луга целыми толпами, будучи сильно озлоблены до отчаяния... Если в одном месте удастся предупредить подобное явление, то в другом при отсутствии полиции они грабят свободно, не обращая внимания на протесты владельцев забираемого... Все мои личные увещевания и предупреждения остаются для беженцев пустым звуком»²⁴².

По материалам центральных и местных архивов нами подсчитано, что летом и осенью беженцами было совершено не менее 22 выступлений преимущественно в форме захвата помещичьего имущества и разгромов имений. Но эта цифра далеко не полностью охватывает все случаи подобных выступлений. Дело в том, что из ряда уездов поступали телеграммы и рапорты, содержащие глухие не поддающиеся учету сведения. Так, из Пинского уезда были получены сведения, что там беженцами производятся «в последнее время массовые грабежи». Полицейские чиновники из Минского и Новогрудского уездов сообщали, что «от помещиков и крестьян поступает много жалоб на то, что беженцы занимаются воровством, разламывают не только заборы, но даже разбивают дома, рубят лес, копают картофель, расхищают запасы хлеба, взламывая сараи»²⁴³. Подобные сведения поступили также из Слуцкого уезда и станции Житковичи Полесских железных дорог²⁴⁴.

По Витебской губернии не удалось учесть ни одного

разгрома имений, хотя они, безусловно, имели место. Об этом свидетельствует сохранившееся распоряжение губернатора о выделении кредита в 50 тыс. руб. для возмещения помещикам убытков, причиненных беженцами²⁴⁵.

Наибольший ущерб был нанесен помещику Бобруйского уезда Станкевичу. Его убытки исчислялись в 200 тыс. руб. 24 августа 1915 г. около 20 тыс. беженцев совместно с солдатами разгромили имение, винный погреб, потравили посевы и захватили запасы хлеба, овса и клевера²⁴⁶. 14 августа тысячная толпа беженцев напала на имение Пастовичи и начала «брать, что только можно». В ответ на требование околоточного надзирателя, находившегося в имении с отрядом стражников в 10 человек, прескратить грабеж беженцы вооружились кольями, косами, камнями и заявили, что «овес возьмут, не боясь смерти, и стали тащить овес, а в полицию бросать камни»²⁴⁷. В Игуменском уезде в течение сентября 1915 г. беженцы захватили запасы кормов и хлеба в имениях помещиков Булгака, Шевича, Потоцкого. Причем в последнем имении избили лесных и полевых сторожей²⁴⁸, а в имении Приборки этого же уезда — управляющего²⁴⁹. Летом и осенью 1915 г. нападения беженцев на помещичьи имения были также в Слуцком, Новогрудском, Минском и Пинском уездах.

3. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРМИИ

С лета 1915 г. Белоруссия стала прифронтовой зоной. На ее территории разместились армии Западного фронта, насчитывавшего, по данным переписи, на 20 апреля 1917 г. 1 557 844 человека²⁵⁰. В 1917 г. главные силы Западного фронта состояли из 2, 3 и 10-й армий, занимавших около 500 км позиций от Двинска до реки Припяти. Штаб фронта находился в Минске. Тыловые части дислоцировались в Смоленске, Вязьме, Ржеве, Дорогобуже, Рославле, Калуге, Гомеле, Орше и других городах. Часть территории Белоруссии (Витебская губерния) оказалась в районе действий Северного фронта.

Наличие огромного количества войск не могло не сказаться на усилении революционного движения в Белоруссии. Солдатские массы, постоянно испытывая на себе влияние революционных событий в тылу, в свою

очередь оказывали воздействие на обострение классово-вой борьбы в стране.

Угар шовинизма, охвативший часть солдат, стал быстро рассеиваться уже в первые месяцы войны. Этому способствовали тяжелые поражения, гибель по вине бездарных генералов сотен тысяч людей, расстройство продовольственного снабжения в тылу и на фронте.

Россия вступила в войну фактически неподготовленной. По сведениям начальника Главного артиллерийского управления А. А. Маниковского, количество винтовок, имевшихся в наличии к началу войны, исчислялось в 4,5 млн., а их в ходе войны оказалось нужным 17,7 млн. штук. Чтобы удовлетворить эти потребности, оружейные заводы должны были выпускать ежегодно 1,5 млн. винтовок, а было выпущено в 1914 г. 134 тыс., в 1915 г.—740 тыс., в 1916 г.—1 млн. 302 тыс. и в 1917 г.—1 млн. 112 тыс. штук. Поступление оружия с внешнего рынка было незначительным. В целом по России в годы войны не хватало свыше 10 млн. винтовок²⁵¹. Поэтому значительная часть солдат была вообще безоружна. На Западном фронте, по данным на 10 апреля 1916 г., насчитывалось 111 394 безоружных солдата. Не лучше обстояло дело со снабжением фронта пулеметами, тяжелой артиллерией, боеприпасами и т. д. Такое положение производило гнетущее впечатление на солдат, вызывало у них ненависть к царизму. Рядовой Семен Короленко в письме, перлюстрированном витебской охранкой, писал в январе 1916 г. своим родным: «...Наша сторона плоха, недостаток военного припаса, мало оружия и патронов, провiantа и фуража. Людей вдвое против германа, но оружия нету. Новоприбывшие люди занимаются с палками за недостатком ружей... Смех и срам, что наша такая Россия великая и такая бедная»²⁵².

Плохо вооруженная, технически отсталая царская армия терпела одно поражение за другим, неся огромные человеческие потери. За 1914—1917 гг. Россия потеряла убитыми, ранеными, пленными и без вести пропавшими 7 036 087 человек, или почти 50% общего числа мобилизованных²⁵³. В мартовской операции 1916 г. только на Западном фронте потери убитыми, ранеными и пленными составили свыше 90 тыс. человек. В бою у озера Нарочь 15 апреля 1916 г. лишь 5-й корпус потерял убитыми 9343 человека.

Царизм оказался неспособным наладить бесперебойное снабжение армии продовольствием, фуражом, одеждой, обувью и т. д. Недостаток продовольствия стал ощущаться уже с 1915 г., а к концу 1916 г. принял катастрофические размеры. На совещании в Ставке в декабре 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом заявил, что «...запасы базисных и продовольственных магазинов теперь исчерпаны. Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живем ежедневным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. Местные средства также исчерпаны. Надо принять меры пополнить базисные магазины. Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно»²⁵⁴.

В начале 1917 г. положение со снабжением ухудшилось еще больше, в феврале в армиях фронта перешли на консервы и сухари. Не лучше обстояло дело со снабжением и на других фронтах. 26 февраля 1917 г. особоуполномоченный по продовольственному делу Гаврилов телеграфировал из Могилева в Петроград: «Из заявлений начальника штаба Верховного главнокомандующего, главных начальников снабжений, главнокомандующих армий я убедился, что крайний недостаток продовольствия и фуража на всех фронтах не преувеличение, а чрезвычайно опасная действительность»²⁵⁵.

Росту недовольства солдат способствовали также сообщаемые в письмах родными вести о тяжелом материальном положении семей, хозяйственной разрухе, голоде, дальнейшем наступлении помещиков и капиталистов на права трудящихся. Вот что, например, писала в октябре 1915 г. своему сыну в действующую армию крестьянка деревни Рабушково Лесковичской волости Витебского уезда Шмытова: «Уведомляю тебя, дорогой мой сыночек, что жизнь моя очень плохая, хуже не надо. Пожня осталась некошеной, и за деньги никто не шел и никого нет... Ничего не молочено и молотить еще неизвестно когда будем. Не дай бог, жизни такой, как сейчас живем... Письма, дорогой мой сыночек, что мне делать. Или мне бросить свое хозяйство и пойти в свет? Сейчас топить печь нечем, а что будет зимой? Дров купить негде и привезти не на ком, а один воз обходится 15 рублей. Что мне делать, хоть возьми и реши сама себя»²⁵⁶. Само собой разумеется, что подобные письма усиливали недовольство солдат. Нельзя не ука-

зять также и на то, что царская армия была кастовой по своему составу. За редким исключением, офицеры являлись представителями господствующих классов, и солдаты видели в них своих вчерашних эксплуататоров. И в годы войны в армии по-прежнему царили дикая бессмысленная муштра, мордобой, порка розгами, унижавшие человеческое достоинство солдата. «Как это трудно, очень трудно и мучительно служить на военной службе,— писал своим родным в Витебск рядовой 176-го пехотного запасного полка,— на тебя каждый смотрит как на самое низкое существо... как на скот»²⁵⁷.

Рост стихийного недовольства солдат создавал исключительно благоприятные условия для развертывания среди них революционной пропаганды. Основные направления деятельности партии в армии были определены В. И. Лениным в августе 1914 г. в тезисах о войне «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», в которых он писал, что «лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»²⁵⁸.

Руководствуясь ленинскими указаниями, большевики развернули самоотверженную борьбу за завоевание армии на сторону революции, за создание прочного союза рабочего класса с солдатами, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Революционная работа партии в армии была начата уже с первых дней войны. Так, среди воинских частей, располагавшихся в Витебской губернии, уже в сентябре 1914 г. распространялись антивоенные большевистские листовки «К солдатам», «На борьбу с тиранами», «К народу»²⁵⁹. В первой большевики разъясняли солдатам грабительский империалистический характер войны, вторая советовала повернуть оружие против злейших врагов народа. В листовке «К народу» вывод о необходимости гражданской войны делался на основе всестороннего анализа и раскрытия истинных целей империалистов. Заканчивалась она призывами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует

восстание народов!», «Ни одного выстрела в рабочих других стран!», «Проклятие и смерть палачам народа!», «Да здравствует революция!».

В 1915 г. поток подпольной большевистской литературы в армию значительно усилился. Большевики использовали для этой цели всевозможные кружки, занимавшиеся сбором и отправкой на передовые позиции подарков, вкладывая в отправляемые вещи революционные воззвания²⁶⁰. Воззвания и прокламации переправлялись в посылках, в ящиках с двойным дном, в подкладках, поясах одежды и т. д.²⁶¹

Проводниками большевистского влияния среди солдат были мобилизованные в армию фабрично-заводские рабочие, многие из которых имели большой опыт революционной борьбы. 13 января 1916 г. начальник Минского жандармского управления доносил в Департамент полиции, что «пропаганда ведется в войсках фабричными рабочими...»²⁶² Они являлись опорой большевиков²⁶³. Партийные группы в частях Западного фронта особенно быстро начали создаваться после приезда сюда М. В. Фрунзе и других партийных деятелей. К началу 1917 г. социал-демократические группы имелись уже во многих подразделениях.

Оценивая впоследствии работу большевиков в армии, В. И. Ленин писал: «...Пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии.

...Мы гордимся тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплуататоров»²⁶⁴.

Большевистская агитация находила горячий отклик в солдатских массах. Солдаты стали избавляться от оборонческих иллюзий, все яснее понимать, что война выгодна только господствующим классам обеих воюющих сторон. По сведениям военной цензуры, более чем в 60% солдатских писем с фронта содержались пораженческие

настроения²⁶⁵. В декабре 1915 г. начальник Минского жандармского управления в донесении в Министерство внутренних дел вынужден был признать, что в армии «все недовольны существующими порядками и малейшая неудача в боях может вылиться в страшном озлоблении против правительства и существующего строя»²⁶⁶. К подобным выводам пришел и начальник Витебского жандармского управления, который в сентябре 1915 г. на основании сведений, «полученных из разных источников», утверждал о критическом отношении нижних чинов к своему начальству и циркулирующих среди них разговорах о необходимости заключения мира²⁶⁷.

Недовольство солдат проявлялось в открытых революционных выступлениях. Они отказывались подчиняться своим командирам, убивая иногда наиболее ненавистных из них, громили продовольственные лавки и помещичьи имения, бросали окопы и уходили домой. Нередки были случаи, когда из повиновения выходили целые подразделения.

В Белоруссии волнения солдат участились с весны 1915 г. По материалам центральных и местных архивов выявлено 62 крупных выступления солдат на территории белорусских губерний за период по февраль 1917 г.

Протест солдат против бойни, затеянной во имя обогащения империалистов, находил выражение прежде всего в дезертирстве, которое постепенно принимало массовый характер. По данным Ставки, с Западного фронта с начала войны до 1 марта 1917 г. дезертировало 13 648 солдат²⁶⁸. Случаи дезертирства целыми подразделениями имели место уже в 1914 г. Так, в сентябре этого года из района боевых действий бежали солдаты Лидского полка²⁶⁹. О дезертирстве солдат сообщал в начале 1915 г. и командир 5-й Горьденской бригады. В рапорте главному начальнику Двинского военного округа он отмечал, что гарнизон Витебска переполнен умышленно отстающими от маршевых команд, следующих на фронт, нижними чинами. Принимаемые к ним обычные меры цели не достигали. Он требовал применения «каких-либо чрезвычайных мер для пресечения означенного беспорядка»²⁷⁰. Предпринявший в сентябре 1915 г. инспекционную поездку в район Западного фронта управляющий Министерства внутренних дел телеграфировал в Ставку: «[В] среду вечером на

станции Орша лично наблюдал картину невероятной распущенности двух с половиной тысяч выздоровевших нижних чинов. На железных дорогах заметно усиливается число нижних чинов без увольнительных билетов, смущающих народ вымышленными сведениями, порочащими командный состав. Сведения о растущей распущенности [в] войсках производят угнетающее впечатление в империи»²⁷¹.

Напуганное ростом революционного движения среди солдат военное командование попыталось рядом чрезвычайных мер предотвратить дальнейшее разложение армии. Для борьбы с революционным движением были созданы контрольные участки во главе с особо доверенными генералами, которые подчинялись начальникам штабов фронтов. Всем военным и гражданским властям вменялось в обязанность оказывать им «полное и спешное содействие». Начальники контрольных участков получили право предавать провинившихся нижних чинов военно-полевым судам, учреждаемым по их собственному усмотрению²⁷². 18 октября командованию фронтов была послана телеграмма о мерах по борьбе с дезертирством²⁷³. 27 ноября последовал приказ о создании в районах корпусных и армейских тылов отрядов военной полиции из чинов полевых жандармских эскадронов. Дезертиров и мародеров предписывалось предавать военно-полевому суду. Мерой наказания за дезертирство являлась 12-летняя каторга²⁷⁴. Особыми предписаниями борьба с дезертирством была вменена в обязанности полиции²⁷⁵. 2 июля 1916 г. начальник штаба Северного фронта издал приказ об ограничении телесных наказаний, вызывавших особенно большое возмущение у солдат²⁷⁶. Но предотвратить разложение армии царизм был уже не в состоянии. Дезертирство из армии приняло огромные размеры. В первые восемь месяцев 1916 г. только гражданской полицией и жандармами было задержано в Могилевской губернии 1561²⁷⁷, а в Витебской — свыше 2000 человек²⁷⁸. Во второй половине 1916 г. число задерживаемых полицией достигало 500—700 человек ежемесячно²⁷⁹. Еще большее количество дезертиров задерживалось контрольными участками.

Такая же картина наблюдалась и в войсках Западного фронта. Так, 4 января 1917 г. командир 134-й пе-

хотной дивизии доносил в Минский военный округ, что из восьми рот, прибывших в дивизию в Рогачев, только три оказались в полном составе, а из других дезертировало от 1/2 до 2/3 солдат. «Остальные люди,— говорилось в рапорте,— не разбежались только потому, что своевременно узнали о месте стоянки полков вдали от позиций. Таким образом, есть основание предполагать, что с выступлением полков на позицию и на остальных людей этих рот рассчитывать не придется»²⁸⁰.

Много выступлений было связано с отсутствием продуктов питания и ростом цен на них. Крупное волнение на этой почве произошло 23 августа 1915 г. в Бобруйске²⁸¹. В Гомеле 16 августа 1915 г. солдаты разгромили несколько лавок, а затем с криками «ура» бросились на жандармского унтер-офицера и избили его²⁸². В 1915—1916 гг. подобные выступления имели место в Минске, Витебске, Могилеве, Несвиже, на железнодорожных станциях Руденск, Корсовка, Славнос, Негорелое, Пуховичи, Малиновка, Ратомка, Лунинец, Осиповка, Орша, Солтановка, Гусино, Березино, Жлобин, Езериче, Залучье, Лужесно и др.

Нередко солдаты нападали на помещичьи имения и забирали там запасы продовольствия и фуража. В 1915—1916 гг. солдаты разгромили имения Солтаново, Блонь, Бринево и Каменка в Минской, Малый Строп и Меница в Витебской и фольварк Романово в Виленской губерниях²⁸³.

Сильное возмущение солдат вызывала выдача им непригодного к носке обмундирования, сокращение норм продовольственного пайка и выплаты вместо него денег. 3 ноября 1916 г. в 103-й пехотной роте рядовой Остранни, унтер-офицер Пиюшкин и еще несколько человек отказались получать недоброкачественные сапоги. Их арестовали. Тогда по призыву солдата Носова вся рота бросилась к дежурной комнате, обезоружила часовых и освободила арестованных²⁸⁴. В 1916 г. крупное выступление солдат произошло в одном из полков 3-й армии, когда солдатам вместо сахара стали выдавать деньги. Семь «зачинщиков» этого выступления по приговору военного полевого суда были расстреляны²⁸⁵.

Рост революционных настроений в армии находил наиболее яркое выражение в неповиновении солдат

офицерам. На фронте и в тылу солдаты все чаще отказывались от исполнения приказов, оказывали организованное сопротивление издевательствам над ними офицеров, убивали наиболее ненавистных командиров.

Такие случаи в 1915—1916 гг. имели место в Минске, Витебске, Бобруйске, дважды в Барановичах, Борисове и Рогачеве²⁸⁶. В 1916 г. крупнейшим в Белоруссии и на Западном фронте было восстание солдат на Гомельском распределительном пункте 22 и 26 октября. Положение солдат здесь было исключительно тяжелым. Их избивали по малейшему поводу, а то и без всякого повода, держали под ружьем по несколько часов на солнце, привязывали к столбам и били нагайками. Особой жестокостью в обращении с солдатами отличались офицеры пункта Василевский и Смиренский. По их приказам иногда секли розгами до 100 человек в день²⁸⁷.

22 октября на пункте вспыхнуло общее восстание. В этот день заведующий пунктом полковник Иванов арестовал казака Н. Ф. Башкина. Около четырех тысяч солдат и матросов потребовали освобождения арестованного, а получив отказ, забросали полковника камнями. Затем восставшие окружили гауптвахту, обезоружив часовых, освободили 800 арестованных и в кацелярии гауптвахты уничтожили все документы. Для подавления восстания командование вызвало несколько караульных рот, которые были встречены ружейным огнем. Несколько залпов солдаты сделали по заведующему пунктом и коменданту Гомеля. Однако оружия у восставших было мало, и их выступление было подавлено²⁸⁸.

26 октября волнения солдат начались в Гомеле. Около 100 человек нижних чинов разогнали отряд полицейских, производивший обыски в домах горожан, а потом ворвались на распределительный пункт. Вместе с пересыльными они обезоружили караул и освободили арестованных. Солдаты захватили 50 винтовок караульной команды и встретили ружейным огнем и градом камней присланных на их усмирение чеченцев. Восстание вновь было подавлено. Однако несколько сот пересыльных разбежались²⁸⁹.

Накануне Февральской революции из повиновения командованию выходили уже войсковые соединения.

Участник первой мировой войны, член КПСС с 1912 г. Ф. Д. Захаркин в своих воспоминаниях пишет, что когда командование 2-й армии Западного фронта предприняло осенью 1916 г. попытку прорыва позиций противника, то она успеха не имела, так как «дивизии 9-го корпуса отказались идти в наступление, а наша 1-я Гренадерская дивизия активно их поддержала»²⁹⁰. К моменту Февральской революции разложение армии достигло громадных размеров, из когда-то верной опоры царизма она превратилась в грозную опасность для него.

ПОБЕДА ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛОРУССИИ

В феврале 1917 г. восставшим народом при поддержке солдат был свергнут царизм, в России победила буржуазно-демократическая революция.

В чем же заключались причины столь быстрой победы революции, почему в течение нескольких дней развалилась монархия? Объяснение причин этого «чуда» дано В. И. Лениным в его «Письмах из далека».

Рабочие прежде всего использовали опыт первой русской революции. «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция... Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» *помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности»*¹.

Одной из причин, облегчивших победу революции, явился заговор англо-французских империалистов, толкавших буржуазию России к захвату власти. «Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — радикально, то лишь потому, — указывал В. И. Ленин, — что в силу чрезвычай-

чайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны...* Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб, за мир, за настоящую свободу* ².

Империалистическая война, с помощью которой царизм пытался спастись от приближавшейся революции, нанесла ему в конечном счете ряд тяжелейших поражений. Эти поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию...» ³ В январе 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «революционная ситуация в Европе налицо» ⁴. В «Письмах из далека» он писал: «...в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»), — революционный кризис *разразился раньше всего*» ⁵.

Таким образом, в начале 1917 г. Россия представляла собой пороховую бочку, для воспламенения которой было достаточно одной искры. Этой искрой послужило восстание петроградского пролетариата, поддержанное солдатами и матросами.

23 февраля на предприятиях столицы по призыву большевиков были проведены собрания в ознаменование Международного женского дня. Работницы с лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Верните наших мужей!» вышли на улицы. Демонстранты врывались на заводы и призывали к забастовкам. Число бастующих быстро увеличивалось.

24 февраля забастовки охватили ряд новых фабрик и заводов. Число стачечников достигло 200 тыс. человек. 25 февраля стачка в Петрограде стала всеобщей. На предприятиях распространялась прокламация Петербургского комитета РСДРП, заканчивавшаяся призы-

вами: «Вперед! Борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции!», «Долой царскую монархию!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Вся помещичья земля народу!», «Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира!»⁶. Под влиянием массовых выступлений пролетариата произошел перелом в настроениях основной массы войск. К вечеру 27 февраля на сторону революции перешло свыше 66 тыс. солдат Петроградского гарнизона⁷.

Восставшие захватили Главное артиллерийское управление, арсенал и разобрали оружие, освободили политических заключенных и арестовали царских министров. В момент восстания был издан Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России». Манифест призывал трудящихся и солдат создать Временное революционное правительство, которое должно осуществить конфискацию помещичьих, церковных, монастырских, кабинетских и удельных земель, ввести 8-часовой рабочий день и совместно с пролетариатом воюющих стран добиться немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам. Манифест заканчивался лозунгами: «Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует революционный рабочий класс!», «Да здравствует революционный народ и восставшая армия!».

Сразу же после победы восстания был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов — «главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения»⁸.

В первые дни революции в руках Петроградского Совета была реальная власть. В его распоряжении находились телеграф, почта, типографии, вокзал и т. д. Однако эсеро-меньшевистское большинство Совета, боясь дальнейшего развития революции, помогло буржуазии сформировать Временное правительство. Так после победы революции в стране установилось двоевластие.

Победоносное восстание в Петрограде послужило сигналом к массовым революционным выступлениям за свержение самодержавия по всей стране. Революция с

воодушевлением была встречена и трудящимися Белоруссии, и солдатами Западного фронта. Первые известия о свержении самодержавия были получены в Белоруссии уже 28 февраля. В этот день в Минск пришла телеграмма из Петрограда с сообщением о победе революции. Однако главнокомандующий Западным фронтом, которому было доложено об этой телеграмме, приказал ее уничтожить⁹. Более того, он отдал главному начальнику Минского военного округа распоряжение расклеить объявление, в котором утверждалось, что «в Петрограде взбунтовалась чернь, по силам преданных войск и полиции этот бунт подавлен и порядок в городе восстановлен»¹⁰. Был также отдан приказ подготовить на каждой железнодорожной станции помещения для роты солдат, посылаемых в случае необходимости для подавления революционных выступлений. Цензуре было отдано строжайшее предписание задерживать все телеграммы с сообщениями о победоносной революции в Петрограде и ни в коем случае не печатать их. До 3 марта ни одна из газет, выходивших в Белоруссии, не опубликовала ни строчки о свержении самодержавия. Когда же скрывать сообщения о революции стало невозможным, местные власти попытались путем искажения событий скрыть правду от народа. Так, например, в газете «Минский голос» в номере от 3 марта под заголовком «К текущему моменту» было помещено следующее сообщение: «В Петрограде произошли волнения. Умиротворение взяла на себя Государственная дума».

Однако, несмотря ни на какие преграды, уже в первых числах марта в большинстве городов и местечек Белоруссии разными путями были получены сообщения о свершившейся революции. В Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве и Полоцке эти сообщения были получены уже 1 марта¹¹. Повсеместно стали устраиваться демонстрации, митинги, рабочие и солдаты арестовывали жандармов, полицию и царских чиновников.

В Минске многотысячные демонстрации рабочих с красными флагами начались 4 марта. В этот день, как отмечала 5 марта 1917 г. газета «Минский голос», в Минске «состоялся ряд манифестаций. В полдень до полутора тысяч рабочих мастерских и фабрик направились по Захарьевской улице с красными флагами и криками

«ура». Созданная в первые же дни революции милиция под руководством М. В. Фрунзе разоружила полицию, жандармерию, освободила политических заключенных, взяла под свой контроль правительственные учреждения.

В Бобруйске 5 марта рабочими и солдатами были освобождены политические заключенные, арестована и разоружена полиция, а 8 полицейских под охраной отправлены в Минск. 5—8 марта полиция была разоружена в Слуцке, Борисове, Игумене, других городах¹². По сообщению газеты «Вестник Минского губернского комиссариата» (1917, 14 марта), разоружение полиции было произведено повсеместно в губернии, причем в этом отношении никаких затруднений не встречалось.

В Витебске о свержении самодержавия стало известно 1 марта, когда была получена газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» с изложением событий в Петрограде¹³. 3 марта у здания вокзала собралась громадная толпа, ожидая депутатов из столицы. На следующий день улицы города заполнили тысячные толпы демонстрантов с красными флагами. Рабочие приступили к разоружению полиции. 5 марта были арестованы 11 жандармов, городских и агентов сыскного отделения¹⁴. 6 и 7 марта аресты и разоружения полиции продолжались. Из тюрьмы были освобождены политические заключенные¹⁵.

В первых числах марта разоружение полиции и жандармерии, изгнание представителей старой государственной власти были произведены и в уездных городах, местечках и на железнодорожных станциях Витебской губернии. 3 марта рабочие при поддержке солдат разоружили полицию и жандармов в Полоцке¹⁶. 4 и 5 марта на станции Починок Риго-Орловской железной дороги солдаты арестовали офицеров, разоружили городских¹⁷. 5 марта на станции Пустошка была разоружена полиция, а в Городке освобождены политические заключенные¹⁸. В Двинске солдаты сорвали с коменданта гарнизона погоны, арестовали его, а затем с красными знаменами отправились к тюрьме и освободили политических заключенных¹⁹. В Лепеле 6 марта были арестованы уездный предводитель дворянства, исправник, воинский начальник и ряд других лиц и создана милиция²⁰. В этот же день аресты полиции и

жандармов были произведены в Дриссе²¹. На ряде железнодорожных станций губернии была разоружена полиция и освобождены из тюрем политические заключенные уже 2—3 марта солдатами проходящих эшелонов²². В ряде городов и местечек Могилевской губернии представители царских властей были разогнаны в первые дни революции. В Гомеле 2 и 3 марта состоялись общегородские политические демонстрации, в которых приняли участие рабочие, солдаты и железнодорожники. Демонстранты с красными знаменами и лозунгами «Долой войну!», «Вся власть народу!» прошли по Захарьевской и Румянцевской улицам. На городской площади состоялся многочисленный митинг²³. 4 марта рабочие и солдаты начали разоружение жандармов и полиции. Митинги и собрания состоялись на многих промышленных предприятиях. Рабочие с радостью приветствовали свержение самодержавия. Активный участник революционного движения в Белоруссии И. Т. Смаль в своих воспоминаниях свидетельствует, что, как только было получено сообщение о победе революции, на заводе Варшавского округа путей сообщения состоялся общезаводской митинг. Первым выступил начальник завода полковник Блажек. Он сообщил об отречении Николая II от престола и образовании в Петрограде Временного правительства, а потом прокричал «ура» в честь этого правительства и доведения войны до победоносного конца. Однако это «ура», никем не подхваченное, как бы повисло в воздухе. По рабочим рядам пробежал смешок, слышались ядовитые реплики. Затем выступил солдат-большевик Сергей Козлов. Его речь рабочие выслушали с огромным вниманием. А когда прозвучал призыв: «Долой войну!» — гром аплодисментов потряс своды заводского здания. Вверх полетели шапки рабочих. Тут же единодушно была принята предложенная Козловым резолюция, требовавшая немедленного окончания ненавистной империалистической войны²⁴.

В Могилеве 4 марта здание думы, где собралась городская буржуазия и высшее офицерство для обсуждения создавшегося положения в связи с падением романовской монархии, окружили тысячи трудящихся, требуя допуска на это собрание²⁵. 5 марта состоялась общегородская демонстрация рабочих и солдат. Демон-

странты с красными флагами, красными ленточками в петлицах, с криками «ура» и пением революционных песен подошли к зданию губернской тюрьмы и устроили митинг, на котором потребовали освобождения политических заключенных²⁶.

4—7 марта разоружение и аресты полиции и царских чиновников были произведены трудящимися и солдатами в Орше, Горках, Дубровно, Хиславичах, Шклове, Сенно, Рогачеве, Быхове и других населенных пунктах²⁷. Революционные выступления трудящихся в начале марта произошли и в не занятых немцами районах Виленской губернии. Так, в местечке Друя Дисненского уезда население и солдаты железнодорожного батальона разоружили местную полицию, разгромили канцелярию пристава²⁸.

По примеру пролетариата Петрограда и Москвы рабочие Белоруссии повсеместно стали создавать органы новой власти — Советы. В первой половине марта Советы были созданы в Минске, Гомеле, Витебске, Орше, Бобруйске, Мозыре, Полоцке, Слуцке и других городах. Во второй половине марта и апреле Советы возникли в подавляющем большинстве городов и местечек Белоруссии. За два месяца было создано 37 Советов, причем 28 из них — в марте. Наряду с Советами рабочих депутатов повсеместно создавались Советы солдатских депутатов. Эти Советы, как правило, объединялись в единые Советы рабочих и солдатских депутатов.

Инициатива создания Совета в Минске принадлежала большевикам. В ночь с 1 на 2 марта, когда было получено сообщение о свержении самодержавия, состоялось совещание большевиков, на котором было принято решение о необходимости мобилизации широких масс трудящихся для поддержки восставших рабочих и солдат Петрограда и организации в Минске Совета рабочих и солдатских депутатов как боевого штаба по руководству революционной борьбой масс.

3 марта состоялось второе совещание большевиков Минска, 3-й и 10-й армий Западного фронта. В центре внимания участников совещания был вопрос о создании Совета рабочих и солдатских депутатов. Совещание назначило на 4 марта собрание для организации Совета²⁹. В этот день и был создан Минский Совет ра-

бочих депутатов и избран Временный исполнительный комитет Совета в количестве 9 человек во главе с Б. П. Позерном³⁰.

На деятельность Минского Совета большое влияние оказывала группа депутатов большевиков, в которую входили М. В. Фрунзе, И. Е. Любимов, К. И. Ландер, С. Г. Могилевский и др. Поэтому с самого начала своего возникновения он сыграл исключительно важную роль в политической жизни Белоруссии и Западного фронта. И. Е. Любимов в своих воспоминаниях пишет, что Минский Совет «стал скоро общепризнанным руководителем, и как солдатские и рабочие массы, так часто даже военное начальство шли за разрешением конфликтов в Совет»³¹.

Первое заседание Совета состоялось 5 марта, на нем присутствовали 68 депутатов, представляющих 9180 рабочих 23 крупнейших предприятий Минска. В начале заседания был обсужден доклад начальника Минской милиции М. В. Фрунзе об объявленной на 6 марта временным общественным комитетом манифестации. Совет постановил принять ряд мер по проведению этой манифестации и рекомендовал рабочим записываться в милицию.

В повестке заседания наряду с организационными стояли вопросы об участии в Совете представителей общественных (нерабочих) организаций, о задачах Совета, об отношении к выборам в гражданский комитет города Минска, об участии солдатских депутатов в Совете рабочих депутатов. По вопросу об участии в комитете общественной безопасности было решено требовать для рабочих и солдат 20 мест и направить туда 5 членов исполкома во главе с товарищем председателя Совета И. Е. Любимовым. В заключение Совет постановил устроить 6 марта во время манифестации сбор денег на рабочую прессу³².

С первых дней своей деятельности Минский Совет уделял серьезное внимание политической работе среди солдат Западного фронта. Работа в этом направлении проходила под лозунгом: «Надо организовать фронт для закрепления революции, для углубления ее»³³.

И. Е. Любимов свидетельствует, что «уже с самых первых дней революции сначала из близ находящихся частей, а затем и самого фронта в Минский Совет на-

чали валом валить солдатские и офицерские делегаты: за разрешением разных вопросов, за литературой, за указаниями, для разбора конфликтов. Привозили арестованных офицеров, полковников, генералов. Минский Совет стал организационным центром всего фронта»³⁴.

Представитель комитета Минской объединенной организации РСДРП в исполнительном комитете докладывал 2-му собранию организации 25 марта, что «в текущей работе Совета военный вопрос был главным... Непрерывно ведутся беседы об организации солдат на фронте и в тылу. Здесь в Минске уже закончена солдатская организация»³⁵.

О том, что Минский Совет пользовался большой популярностью у солдат и они приезжали сюда за разъяснением происходящих событий, свидетельствует и рапорт одного из командиров воинских частей главному начальнику Минского военного округа от 13 марта, в котором указывалось: «...в Минск с фронта приезжают солдаты и обращаются в Совет рабочих депутатов с просьбой рассказать о происходящих событиях»³⁶.

8 марта на своем очередном заседании Совет постановил: «Во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений немедленно выбрать комитеты (комиссии) из выборных представителей от солдат... Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты были организованы и могли участвовать в общеполитической жизни страны...»³⁷

На этом заседании было также признано необходимым выработать форму организации воинских частей, находящихся непосредственно на фронте, применительно к условиям боевой жизни. Во исполнение этого решения Совет на своем заседании 19 марта постановил принять следующую основную форму организации солдат на фронте: в каждой роте или команде выбирается солдатами ротный комитет из 4 человек. Полковой комитет составляется из выборных представителей по 1 от каждой роты³⁸. Исполкому Совета поручалось в ближайшее время выработать на этих началах полный проект организации солдат на фронте и представить его на рассмотрение солдатского съезда. Через несколько дней этот проект был выработан и 25 марта опубликован в газете «Известия Минского Совета».

Другим важным мероприятием, осуществленным Минским Советом, явилось решение о введении 8-часового рабочего дня. Для белорусского пролетариата это имело особенно большое значение, так как предприниматели, используя обстановку военного времени, под видом сверхурочных работ значительно удлинили рабочий день. Вопрос о 8-часовом рабочем дне на промышленных предприятиях Минска рассматривался на заседании Совета 17 марта³⁹. Совет единодушно высказался за введение 8-часового рабочего дня без уменьшения заработной платы. Относительно сверхурочных работ было принято решение, что они могут вводиться только с согласия рабочих организаций и за полуторную плату, а также по решению исполнительного комитета Совета. К исполнению этого постановления Совет приступил немедленно, и за период с 18 по 24 марта 8-часовой рабочий день был введен в Земсоюз и на некоторых наиболее крупных промышленных предприятиях⁴⁰.

В Витебске после получения сообщений о восстании петроградского пролетариата и свержении самодержавия 3 марта в правлении больничной кассы собралось около 25 членов различных политических партий. После длительной дискуссии о направлении революционной работы это совещание приняло решение о создании Совета рабочих и солдатских депутатов⁴¹. На предприятиях города начались выборы депутатов в Совет. 4—5 марта они были избраны на собраниях рабочих льнопрядильной фабрики «Двина», железнодорожников Риги-Орловской железной дороги, на совместном собрании рабочих по обработке кожи, сапожников, заготовщиков, кожевников и посадчиков, на котором присутствовало свыше 300 человек. 6 марта депутатов избрали рабочие типографий, щетинных фабрик, табачной фабрики и др.⁴² Всего в выборах в Совет приняли участие свыше 12 тыс. рабочих, было избрано 250 депутатов⁴³.

8 марта состоялось первое заседание Совета и был избран исполнительный комитет. В специальном обращении «Ко всем рабочим гор. Витебска» исполком заявил, что «ближайшей задачей Совета рабочих депутатов будет организация классовой борьбы рабочих на почве повседневной экономической нужды. Вопрос о

введении 8-часового рабочего дня на предприятиях гор. Витебска, регулирование возникающих экономических конфликтов, организация рабочих в тех предприятиях и профессиях, которые еще не организованы, наконец, вопросы борьбы с безработицей — вот те ближайшие задачи экономической борьбы, которые стоят перед Советом рабочих депутатов»⁴⁴. Исполком призвал рабочих объединиться вокруг Совета и дружно вести борьбу за классовые, политические и экономические интересы пролетариата.

5 марта на собрании представителей солдат от всех частей гарнизона города Витебска был избран Совет солдатских депутатов, в который вошло около 300 человек⁴⁵.

На заседании 12 марта Витебский Совет рабочих депутатов обратился к Совету солдатских депутатов с предложением создать единый Совет⁴⁶. Объединение Советов произошло в первой половине мая.

В Гомеле выборы в Советы рабочих и солдатских депутатов проходили 3—4 марта. Во второй половине дня 4 марта во дворце князя Паскевича депутаты от рабочих избрали исполнительный комитет Гомельского Совета рабочих депутатов, а представители воинских частей — Совет солдатских депутатов. 6 марта на совместном заседании рабочих и солдатских депутатов был создан единый Совет рабочих и солдатских депутатов в количестве 135 человек от 25 тыс. рабочих и солдат⁴⁷. 9 марта исполком Совета обратился с воззванием ко всем трудящимся, в котором говорилось: «Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на волю избравшего его революционного войска и пролетариата, берет на себя охрану нового строя от покушений реакционеров и предателей, сторонников прежнего изменнического правительства»⁴⁸. 12 марта Совет обсудил принципы и основы организации милиции и утвердил план разверстки милиционеров от воинских частей и промышленных предприятий города. В основу комплектования штатов милиции был положен принцип выборов ее служащих на собраниях солдат и рабочих. Начальник милиции, его заместитель и начальники участков избирались на общих собраниях милиционеров. Полностью сохранялись кадры временной милиции, созданной в первые дни революции. К ним было решено до-

полнительно избрать 100 человек от солдат гарнизона, 400 — от рабочих железнодорожных мастерских Полесских и Либаво-Роменской железных дорог. Остальное число милиционеров избиралось на собраниях рабочих фабрик и заводов, партий и различных слоев населения⁴⁹. 17 марта Совет выработал и утвердил Временное положение о милиции гор. Гомеля. Основная задача, которая возлагалась на милицию этим положением, заключалась в «охране революционных завоеваний народа от всяких на них посягательств»⁵⁰.

В Орше Совет рабочих депутатов возник по инициативе железнодорожников и рабочих автомобильного гаража Всероссийского земского союза. Они создали временный организационный комитет и обратились с призывом ко всем рабочим города избрать своих представителей в Совет. Этот призыв был поддержан, и 8 марта был создан Оршанский Совет рабочих депутатов, избран его временный исполком⁵¹.

Инициаторами создания Совета рабочих депутатов в Полоцке также были рабочие. В первых числах марта рабочие мастерских Всероссийского земского союза на собрании избрали комитет по организации Совета и поручили ему обратиться к рабочим города с призывом о выборе депутатов. В течение 2—3 дней выборы прошли почти на всех промышленных предприятиях города и на железной дороге. 14 марта на собрании делегатов был избран исполком Полоцкого Совета. На несколько дней раньше возник Совет солдатских депутатов. Но в нем было засилье офицеров, а во главе Совета стал начальник местного гарнизона. Объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов здесь был создан во второй половине марта⁵².

В Могилеве образованию Совета рабочих депутатов значительные трудности создавало наличие Ставки с большим количеством контрреволюционного офицерства. Здесь Совет был сформирован 22 марта. Что касается образования новых органов власти среди солдат, то еще 6 марта возник временный комитет солдатских депутатов. Однако он целиком оказался под влиянием высшего офицерства. На своем первом заседании 7 марта комитет обратился к солдатам с воззванием, призывая их «не волноваться, не выступать отдельно, а ждать решения временного городского управления, в состав

которого приглашены 3 делегата из среды временного комитета солдатских делегатов»⁵³. По отношению к своим командирам комитет рекомендовал солдатам держаться корректно, честь отдавать, но не становясь во фронт. Создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов произошло 22 марта на первом организационном совещании депутатов от рабочих и солдат⁵⁴.

В первые же дни революции наряду с Советами революционным творчеством народных масс стала создаваться новая форма организации рабочих — фабричные и заводские комитеты. В то же время широко развернулось движение за организацию профессиональных союзов. В Витебске уже 5—6 марта рабочие одновременно с выборами депутатов в Совет избирали и комиссии по организации профсоюзов⁵⁵. На заседании 8 марта депутаты Минского Совета по повестке дня об организации рабочих, служащих и крестьян приняли резолюцию: «Необходимо немедленно приступить к организации фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, политических клубов, сельских, волостных и уездных крестьянских комитетов»⁵⁶. В Минске 12 марта возник профсоюз портных⁵⁷. 13 марта рабочими типографий было выбрано организационное бюро для создания профсоюза печатников⁵⁸. В последующие дни были созданы профессиональные союзы рабочих в мастерских и на механической фабрике Земгора, кожевников, торгово-промышленных служащих и др.⁵⁹ Всего же в течение марта и апреля в Минске было создано 20 профсоюзов, объединивших свыше 10 тыс. рабочих⁶⁰. Также быстро шла организация рабочими профсоюзов в Витебске, Гомеле, Орше, Полоцке, Могилеве и других городах.

Февральская революция всколыхнула и широкие массы крестьян, недовольных затянувшейся войной и хозяйственной разрухой. Вести о свержении самодержавия встречались в деревне с восторгом. Крестьяне села Новое Полоцкого уезда Витебской губернии после прочтения им на сходе манифеста об отречении Николая II заявили: «Так и надо, давно пора». Тут же было решено арестовать стражников и урядников и требовать упразднения должности земского начальника. В своем решении крестьяне записали: «Мы, нижепод-

писавшиеся крестьяне, приветствуя новое правительство, просим... скорее образовать армию из полицейских урядников, приставов, стражников и послать их в окопы; ...возможно скорее провести закон о волостном земстве, без него трудно справиться с разверсткой хлеба и воровством его волостными начальниками; уничтожить должность земских начальников, которых тоже надо определить в войска; уволить председателя Витебской губернской земской управы М. Карташева...»⁶¹

Решения об упразднении полиции и местных властей принимались и на многих других волостных и сельских сходах Витебской губернии. Газета «Витебский листок» в номере от 13 марта отмечала, что в «ряде деревень губернии арестованы и изгнаны урядники, волостные старшины, писари и стражники. Многие из них бежали заранее».

Выступления крестьян в первой половине марта против старой царской администрации имели место в Минской и Могилевской губерниях. 16 марта Сенненский уездный комиссар доносил Временному правительству, что «нельзя не отметить почти повсеместное возбуждение крестьянского населения против должностных лиц волостного правления — старшин и писарей — заставившее разрешить (где это настоятельно просили волостные сходы) переизбрать старшин... По некоторым участкам, особенно по первому, население категорически требовало отстранения земского начальника, будучи недовольным его деятельностью»⁶².

Крестьяне иногда отказывались признавать органы Временного правительства и добивались смещения наиболее реакционных его представителей. Например, 28 марта на заседании Чериковского уездного продовольственного комитета все 13 представителей волостных продовольственных комитетов и представитель местного Совета рабочих депутатов потребовали смещения уездного комиссара, так как он «считается с желаниями приверженцев старого строя, назначил в милицию членов бывшей полиции... старается в интересах крупных землевладельцев»⁶³. Крестьяне добились выполнения своего требования, уездный комиссар был смещен⁶⁴.

20 апреля в Лунинце свыше 200 крестьян, рабочих и солдат, собравшись на митинг, постановили сместить Пинского уездного комиссара, реакционера Афанасопу-

ло, проводившего контрреволюционную агитацию среди крестьян. Затем участники митинга направились в канцелярию, опечатали все дела, а самого комиссара арестовали. Новый уездный комиссар был избран 9 мая на совместном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁶⁵. В апреле — мае по требованиям крестьян были смещены комиссары Слуцкого, Мозырского, Борисовского, Сенненского уездов и комиссар 4-го района Минского уезда⁶⁶.

В некоторых местах крестьяне начали громить помещичьи имения и рубить лес. 8 и 10 марта в Рогачевском уезде Могилевской губернии крестьяне совместно с солдатами разгромили имения Зборово, Годиловичи и Турск. Для подавления выступлений крестьян в Рогачевский уезд по распоряжению местных властей Временного правительства были посланы 4 эскадрона драгун, сотня казаков и рота георгиевских кавалеров⁶⁷.

15 марта массовые порубки леса начались в Латыговской, Островенской, Машканской и Ряснянской волостях Сенненского уезда Могилевской губернии. Эти порубки были прекращены только в конце месяца, когда в уезд прибыло три роты солдат⁶⁸. В марте порубки леса имели место в Климовичском уезде Могилевской⁶⁹, в Бобруйском и Минском уездах Минской⁷⁰ и в Дриссенском и Полоцком уездах Витебской губерний⁷¹. Однако в марте 1917 г. крестьянское движение еще не приняло широкого размаха, отличалось стихийностью и несогласованностью действий. Всего за этот месяц учтено 31 выступление крестьян в форме разоружения и изгнания полиции, земских начальников, волостных старшин и писарей, разгромов помещичьих имений, порубок леса и др.

В первые же дни марта наряду с Советами, избираемыми рабочими и солдатами, в Белоруссии буржуазия и помещики повсеместно создавали свои органы власти. К моменту революции буржуазия оказалась хорошо организованной и более подготовленной к захвату власти, чем пролетариат. В «Письмах из далека» В. И. Ленин указывал, что буржуазия давно правит Россией экономически, а за период революции 1905—1907 гг., следовавшей затем контрреволюции 1907—1914 гг. и с особенной быстротой во время первой мировой империалистической войны она чрезвычайно быстро организовалась

политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. «Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»⁷².

Уже в первые дни, когда рабочие и солдаты совершали революционный переворот и свержали царизм, буржуазия при поддержке офицерства и помещиков стала немедленно занимать его место, поспешно прибирая власть к своим рукам. В Минске уже 4 марта был создан временный общественный комитет порядка, в который вошли городской голова С. Б. Хржонстовский, представители земского и городского союзов, военно-промышленного комитета, духовенства и лишь два представителя Совета рабочих депутатов. 6 марта председатель губернской земской управы Б. Н. Самойленко был назначен минским губернским комиссаром Временного правительства, председатели уездных земских управ — уездными комиссарами, а городской голова — минским городским комиссаром⁷³. 7 марта на заседании под председательством члена Государственной думы Н. Н. Щепкина вместо временного общественного комитета порядка был создан исполнительный комитет общественной безопасности и избран его исполнительный орган в составе 11 человек, в числе которых было 3 представителя Совета рабочих и солдатских депутатов⁷⁴. Этим мероприятием в Минске было закончено создание местного аппарата Временного правительства.

В Витебске 4 марта по инициативе городского головы Веглина и председателя губернской земской управы М. Карташева было созвано совещание из представителей городского самоуправления, земства, военно-промышленного комитета, больничной кассы, духовенства, офицеров, солдат, рабочих в количестве двухсот человек. Совещание постановило немедленно образовать городской общественный комитет безопасности «для организации населения в целях защиты нового режима, охранения общественной безопасности и урегулирования продовольственного дела». На совещании был образован временный комитет и его исполком. В состав временного комитета общественной безопасности вошло 114 человек, в числе которых было 13 рабочих и 17 солдат. Все 13 ра-

бочих были представителями легальной эсэро-меньшевистской больничной кассы. В исполком вошли по 1 представителю от рабочих и солдат. Здесь же было решено приступить к созданию милиции и принято обращение к населению, в котором объявлялось, что комитет общественной безопасности облечен полнотой власти и будет руководить всей жизнью города. Население призывалось воздерживаться от манифестаций и всяких «нежелательных эксцессов». Главный начальник Двинского военного округа заявил, что он признает права и компетенцию комитета и готов в любую минуту предоставить в его распоряжение военную силу⁷⁵. 7 марта распоряжением Временного правительства Карташев был назначен витебским губернским комиссаром.

В Могилеве 4 марта на заседании городской думы с участием представителей губернской земской управы, купеческого и мещанского общества, духовенства, офицеров, солдат и нескольких рабочих было принято решение образовать исполнительный комитет, на который возложить организацию милиции, продовольственного дела и установление контактов с Временным правительством. В принятом обращении к жителям Могилева говорилось: «Городская дума приветствует Государственную думу и Временное правительство... обращается к населению города с горячим призывом соблюдать полное спокойствие и всемерно содействовать водворению порядка на началах, определенных Временным правительством»⁷⁶. Рабочих в этом органе оказалось только 6 человек, и, кроме того, 3 места было предоставлено комитету солдатских депутатов⁷⁷. 8 марта председатель губернской земской управы был назначен могилевским губернским комиссаром. А во всех уездных городах губернии председатели земских управ стали уездными комиссарами Временного правительства⁷⁸.

До 15 марта буржуазия и помещики создали свои органы власти в большинстве уездных городов и местечек белорусских губерний. 5 марта комитеты общественной безопасности были образованы в Полоцке, Горках, Орше, Гомеле, Рогачеве, 8 марта — в Быхове, 15 марта — в Борисове, Бобруйске, Пропойске⁷⁹ и т. д. Одновременно при повсеместно назначенных уездных комиссарах создавались исполнительные комитеты.

В основном к середине марта в Белоруссии было за-

кончено формирование органов Временного правительства. Эти органы целиком оказались в руках господствующих классов. Представительство рабочих и солдат в них было незначительным, и влиять на политику этих учреждений они, естественно, не могли. Буржуазия пошла на расширение своих учреждений за счет единичных представителей от солдат и рабочих (преимущественно меньшевиков и эсеров) сознательно, с вполне определенными целями. Во-первых, это давало ей возможность объявить эти комитеты «всепартийными» органами власти, а во-вторых, через рабочих представителей она рассчитывала усилить свое влияние на народные массы.

Комитеты общественной безопасности и другие подобные им органы власти буржуазии всеми мерами пытались остановить победное шествие революции. Они публиковали всякого рода воззвания и обращения, призывая трудящихся «не волноваться», «не нарушать нормального течения жизни», т. е. признать замену царизма властью буржуазии. Чтобы предотвратить вооружение народа и углубление революции, буржуазия повсеместно захватывала в свои руки формирование милиции, вербуя в нее своих верных сторонников.

В Минске общественный комитет порядка все свои усилия направил прежде всего на то, чтобы предотвратить революционные выступления солдат и трудящихся города. Уже 4 марта Самойленко и другие члены комитета, по свидетельству газеты «Минский голос», объезжали город и обращались к демонстрантам, убеждая их разойтись и не нарушать порядка⁸⁰. Они решили создать милицию из полицейских⁸¹, однако оказались вынужденными признать существование милиции, сформированной по инициативе большевиков под руководством М. В. Фрунзе. 6 марта лидеры общественного комитета порядка решили провести общегородскую манифестацию, которой намеревались подвести черту под революцией, и после этого обычная жизнь города должна была вернуться в нормальное русло⁸².

На митинге выступили главнокомандующий Западным фронтом, комиссар Государственной думы Щепкин, городской комиссар и др. Смысл их выступлений сводился к тому, что народ свободу получил, революция окончена, необходимо поддерживать Временное правительство и все усилия направить для достижения победы над

кайзеровской Германией⁸³. И только выступивший на митинге председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов Б. П. Позерн «указывал на необходимость дальнейшей борьбы, стать настороже, сплотившись вокруг Совета рабочих и солдатских депутатов»⁸⁴.

Члены витебского комитета общественной безопасности со своего первого организационного заседания 4 марта направились к зданию городского железнодорожного вокзала, где собралось несколько тысяч человек в ожидании приезда из Петрограда делегатов от пролетариата столицы с известиями о свержении самодержавия, и убедили их разойтись⁸⁵. 5—6 марта члены комитета присутствовали на собрании представителей солдат Витебского гарнизона по выбору Совета солдатских депутатов, на многих собраниях рабочих по выдвижению депутатов в Совет, призывали рабочих и солдат к поддержке Временного правительства и стремились добиться выборов в Советы удобных им кандидатов⁸⁶.

Формирование милиции было поручено махровому контрреволюционеру адъютанту главного начальника Двинского военного округа есаулу Гнилорыбову, который был избран и комендантом города. Немудрено поэтому, что витебская милиция оказалась составленной из полицейских, сынков капиталистов, кулаков и с первых же дней стала послушным орудием в руках буржуазного комитета общественной безопасности. Свою деятельность на посту начальника милиции Витебска Гнилорыбов начал с того, что освободил из заключения разоруженных и арестованных 5—6 марта витебскими рабочими около 20 агентов сыскного отделения, жандармов и городских⁸⁷. Губернатор, начальник жандармского управления и другие чиновники, вовремя предупрежденные начальником милиции, получили возможность уничтожить компрометирующие их документы и скрылись⁸⁸. На посту начальника милиции Гнилорыбов проявил себя настолько ярким приверженцем старого строя, что даже эсеро-меньшевистские Советы рабочих и солдатских депутатов, опасаясь роста возмущений среди трудящихся, вынуждены были потребовать его устранения, и в конце марта он подал в отставку⁸⁹. 10 марта комитет общественной безопасности провел празднование «дня революции», объявил ее законченной и запретил с этого дня всякие демонстрации трудящихся⁹⁰.

В Могилеве начальником милиции городская управа назначила 8 марта гласного думы Ждана-Пушкина. Никакого разоружения или арестов жандармов и городских произведено не было. Все оружие и имущество полицейского управления было принято начальником милиции от полицмейстера по акту, и этот документ был скреплен подписями этих лиц. За небольшим исключением все кадры полиции были влиты в милицию под предлогом, что сформировать ее каким-либо другим способом не представляется возможным⁹¹. Требование некоторых членов Совета солдатских депутатов на заседании 20 марта вывести полицейских и «других нежелательных лиц» из состава милиции исполнено не было⁹². В уездных городах губернии милиция также оказалась в руках буржуазии, а в Горках начальником милиции оказался помощник уездного исправника⁹³.

Таким образом, в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции в Белоруссии, как и в целом по России, сложилось весьма своеобразное переплетение двух властей: власти буржуазии в лице Временного правительства и его местных органов и власти пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. «...Получилось,— указывал В. И. Ленин,— чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого*. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова) и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, *добровольно* превращающаяся в придаток ее»⁹⁴.

Почему же Советы пошли на соглашение с буржуазией, почему ей удалось взять власть в свои руки? В. И. Ленин объяснял это тем, что Февральская революция втянула в революционное движение неслыханно громадное количество обывателей. Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила самые широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику⁹⁵. Появление на арене политической жизни России миллионов мелкобуржуазных масс позволило получить преобладание в Советах представителям мелкобуржуазных пар-

тий — эсерам, меньшевикам, бундовцам и т. д. Поэтому Советы, оказавшиеся в руках этих соглашательских партий, добровольно отдали власть буржуазии и заявили о поддержке Временного правительства.

На заседании 8 марта по вопросу об общеполитических задачах Минский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой он приветствовал буржуазное правительство и заявил, что рабочие и солдаты будут оказывать ему полную поддержку, если оно будет неуклонно вести борьбу с приверженцами старой власти, охранять начала полной политической свободы для гражданского и военного населения, готовить созыв Учредительного собрания и провозглашение демократической республики⁹⁶.

На первом же своем организационном заседании Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой указывалось, что Совет должен и будет содействовать Временному правительству вплоть до созыва Учредительного собрания и создания на нем постоянного правительства⁹⁷. Эсеры и меньшевики, в руках которых находился Витебский Совет рабочих депутатов, по свидетельству активного участника революционного движения в Витебской губернии Б. Пинсона, «превозносили до небес достоинства Временного правительства, будто бы стоящего «на страже революционных завоеваний», и призывали к всемерной поддержке революционной демократией всех шагов «революционного правительства», «контролируемых» и «корректируемых» меньшевистско-эсеровским всевидящим и вечно бодрствующим Петроградским Советом»⁹⁸. Доверие Временному правительству высказали также Гомельский, Оршанский, Полоцкий и другие Советы рабочих и солдатских депутатов Белоруссии.

Другой причиной прихода к власти буржуазии В. И. Ленин считал недостаточную сознательность и организованность пролетариата. Его состав за годы войны значительно изменился. Большая часть кадровых рабочих была мобилизована в армию, а их места заняли неискушенные в политической борьбе женщины, подростки, новые рабочие из деревень, укрывавшиеся от призыва в армию кустари, лавочники и т. д. Мелкобуржуазная прослойка рабочих и являлась питательной средой для меньшевиков, эсеров и бундовцев. В Белоруссии органи-

зации и сплочению пролетариата большие трудности создавали жесточайшие репрессии царизма, использовавшего введение военного положения для разгрома рабочих организаций и в первую очередь большевистских. Это привело к тому, что накануне Февральской революции в Белоруссии имелись лишь отдельные мелочисленные и разрозненные партийные группы и организации преимущественно в воинских частях Западного фронта.

Малочисленность большевистских рядов накануне Февральской революции и обусловила слабость их позиций в Советах рабочих и солдатских депутатов. Более или менее прочное партийное ядро было создано лишь в Минском Совете, в который входило 12 большевиков⁹⁹. Но и здесь сил большевиков было недостаточно, что в конечном счете и определило отсутствие твердой партийной линии в деятельности Совета и его скатывание по некоторым вопросам на соглашательские позиции.

В Гомеле, по воспоминаниям М. М. Хатаевича, к концу апреля 1917 г. насчитывалось только 8 большевиков, и поэтому здесь «соглашательски оборонческие настроения были в полном разгаре»¹⁰⁰. До мая в Совет входили только 2 большевика¹⁰¹. В Витебский Совет в марте 1917 г. входили лишь 2 латышских большевика — В. Я. Чунчин и Аболинь. В Могилеве в начале марта был только один большевик А. И. Черницкий. «Вследствие этого исполком Могилевского Совета состоял почти исключительно из эсеров, меньшевиков и бундовцев. Это определило собою политическую линию Могилевского Совета, за революционной фразеологией которого скрывалась его оборонческая социал-шовинистическая линия, поддержка лозунга войны до победного конца, поддержка Временного правительства и реакционной Ставки»¹⁰². А в Советах уездных городов и местечек вообще было полное засилье мелкобуржуазных соглашательских партий.

Первый этап революции в России в силу недостаточной сознательности и организованности части рабочих закончился переходом власти в руки буржуазии. Но Февральская революция сокрушила царизм и создала предпосылки для перехода к новому, социалистическому этапу революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая русская революция 1905—1907 гг. не разрешила острейших противоречий в экономическом и политическом строе России. После поражения революции и периода жестокой реакции начался рост революционного движения, и в 1914 г. страна снова находилась на пороге новой революции. Подъем борьбы народных масс был прерван империалистической войной. «Война,— указывал В. И. Ленин,— несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах»¹. Война поставила Россию перед общенациональным кризисом, принесла рабочим и крестьянам невиданные лишения, разорение, голод, довела до предела социальные и политические противоречия, обнажила всю гнилость самодержавия и ускорила его крушение.

Особенно тяжелый урон нанесла война экономике прифронтовых районов, к числу которых относилась и Белоруссия. Уже в 1915 г. здесь стал ощущаться недостаток предметов первой необходимости, многих видов промышленного сырья и топлива, превратившийся в 1916 г. в острейший продовольственный и сырьевой кризис. Бремя экономических последствий войны господствующие классы взвалили на трудящихся. Особенно ухудшила война материальное положение рабочих, поставив их на грань нищеты и голодной смерти.

В белорусской деревне в начале XX в. происходили важнейшие социально-экономические перемены. Аграр-

ная реформа Столыпина, рассчитанная на укрепление в деревне позиций капиталистических элементов, потерпела крах. Оставив в неприкосновенности крупное помещичье землевладение и обогатив еще больше кулачество, реформа привела к дальнейшему общению основной массы крестьянства. Затянувшаяся война, тяжелым бременем ложившаяся на плечи трудового крестьянства, хозяйственная разруха, продовольственный кризис наглядно убеждали в нежелании и неспособности царизма улучшить положение трудящихся. Это в значительной мере ускорило поворот крестьянства к союзу с пролетариатом.

Бедствия войны оказали огромное революционизирующее воздействие на рабочих, крестьян и солдат. В результате уже осенью 1915 г. в стране возник революционный кризис, а к концу 1916 г. Россия оказалась в преддверии революции.

Составной частью российского революционного движения являлась борьба в годы войны белорусского пролетариата и крестьянства против царизма, помещиков и буржуазии. Революционное движение трудящихся Белоруссии развивалось в особо тяжелых условиях. С лета 1915 г. ее территория стала ареной военных действий, была наводнена войсками, которые использовались для подавления выступлений трудящихся. Период с 1914 по февраль 1917 г. был одним из наиболее трудных в деятельности местных партийных организаций. Жесточайший террор царских властей дополнялся разнузданной шовинистической кампанией, изменениями в составе пролетариата. Поэтому восстановление и развертывание деятельности организаций и групп РСДРП, многие из которых были разгромлены в начале войны, были сопряжены с чрезвычайными трудностями. Но и в таких условиях большевики сохранили связи с массами, находили новые формы для революционной пропаганды. На заводах и фабриках, в селах и солдатских землянках сотни и тысячи известных и неизвестных членов партии вели кропотливую повседневную работу, просвещали массы, разъясняли политику большевиков, их отношение к империалистической войне, готовили рабочих, крестьян и солдат к решительным боям с самодержавием. Исключительно важную роль сыграли нелегальные прокламации и листовки, которые и в военные годы благода-

ря самоотверженной героической деятельности большевиков проникали в самые широкие слои трудящихся и солдатские массы.

Вступлением в войну царизму удалось на первых порах прервать нараставшее с каждым днем массовое революционное движение, разгромить партийные и рабочие организации, широкой «патриотической» кампанией заразить некоторую часть рабочих идеями шовинизма. Это отрицательно сказалось на революционной борьбе пролетариата. За первые восемь военных месяцев в Белоруссии отмечено 3 экономических стачки. Однако война только на некоторое время задержала приближение революции. Пример героической борьбы пролетариата страны, самоотверженная деятельность большевиков, хозяйственная разруха способствовали тому, что уже с весны 1915 г. период застоя в рабочем движении Белоруссии сменился оживлением. В 1916 г. революционное движение поднялось на высокую ступень, приобрело более массовый и наступательный характер. По сравнению с предыдущим годом количество стачек возросло на 58%, а стачечников — более чем в 6 раз. Но эта статистика не учитывает то недовольство, которое накопилось у рабочих и которое в силу сложившихся в Белоруссии конкретных условий не проявилось полностью в стачечной борьбе. В Белоруссии, как и во всей стране, накануне Февральской революции политическая обстановка накалилась. Рабочий класс и большевистские группы были вполне подготовлены принять в назревавших революционных событиях самое активное участие.

Решительную борьбу с царизмом вело и крестьянство Белоруссии. За два с половиной года войны здесь произошло более 200 выступлений. В 1915—1916 гг. после временного спада в начале войны крестьянское движение разгорелось с новой силой. Оно развивалось по двум основным направлениям — борьба всего крестьянства против помещиков и царизма и острая классовая борьба внутри самого крестьянства. Однако преобладающей была первая социальная война.

Новым направлением крестьянского движения в годы войны явилась борьба против реквизиций скота, хлеба, фуража, исполнения всевозможных работ и повинностей, недостатка предметов первой необходимости и роста цен на них. Эти выступления составили 31,2%. Новые формы

крестьянского движения своим острием были направлены против царских властей, помещиков и кулаков, укрывавших запасы продовольствия, владельцев лавок. Эти выступления выражали протест крестьянских масс против всей политики царизма, способствовали дальнейшему революционизированию деревни и повороту крестьян в сторону революционного пролетариата.

В годы первой мировой войны под влиянием революционного кризиса в стране и самоотверженной героической деятельности большевиков усилилось революционное движение в армии. За период с августа 1914 по февраль 1917 г. на территории Белоруссии произошло более 60 выступлений солдат. Разложение армии наиболее яркое выражение находило в массовом дезертирстве солдат с фронта. К началу 1917 г. из повиновения выходили даже части и соединения. Армия (вооруженные массы рабочих и крестьян) из опоры царизма превратилась в грозную опасность для него, она становилась верным союзником пролетариата в борьбе за свержение самодержавия.

Вооруженное восстание в Петрограде послужило толчком, ускорившим революцию во всей стране. Вслед за Петроградом революция победила в Москве, Киеве, Харькове, многих других городах. Решающую роль в победе Февральской революции сыграли рабочие Петрограда, которых В. И. Ленин считал одним из наиболее сознательных отрядов российского пролетариата. Рабочий класс был организатором и гегемоном буржуазно-демократической революции, он сумел привлечь на свою сторону многомиллионное крестьянство, солдат. «Революцию совершил пролетариат,— отмечал В. И. Ленин,— он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения...»²

В результате победы революции в стране образовалось двоевластие: Советы рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство. Эсеро-меньшевистское руководство Советов добровольно передало власть в руки буржуазии.

Подобным образом развивались события и в Белоруссии. Здесь также возникло двоевластие — Советы рабочих и солдатских депутатов и буржуазные органы в лице комиссаров Временного правительства, опиравших-

ся на так называемые «комитеты общественного порядка», которые состояли из буржуазии и помещиков.

Временное правительство не разрешило задач буржуазно-демократической революции: земля оставалась в руках помещиков, рабочим было отказано в 8-часовом рабочем дне, империалистическая война продолжалась. Сложная обстановка, образовавшаяся в стране после свержения самодержавия, требовала от большевистской партии новой ориентировки, новой стратегии и тактики. Эту задачу блестяще решил В. И. Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах. Вооруженная новой ленинской стратегией и тактикой партия большевиков повела борьбу за победу социалистической революции в стране.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 13.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 197—198.
- ³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. Изд. 2-е.— М., 1972, с. 288.
- ⁴ Саладкоў Ц. Е. Бальшавікі Беларусі ў перыяд першай сусветнай вайны і другой рускай рэвалюцыі (1914—сакавік 1917 гг.)— Мн., 1957; Он же. Бальшавікі Беларусі ў перыяд Лютаўскай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі.— Мн., 1957; Он же. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907—1917 гг.)— Мн., 1967.
- ⁵ Липинский Л. П., Лукьянов Е. П. Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями (июнь 1907—февраль 1917 гг.)— Мн., 1964.
- ⁶ Бугаев Е. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии.— М., 1959.
- ⁷ Кузнецов А. А. На пути к Октябрю. Из истории партийного строительства в Белоруссии. 1884—1917 гг.— Мн., 1970.
- ⁸ Саладков И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX—начало XX в.)— Мн., 1957.
- ⁹ Липинский Л. П. Крестьянское движение в Белоруссии в 1914—1917 гг.— Мн., 1975.
- ¹⁰ Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.)— М., 1962.
- ¹¹ Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г.— Исторические записки, т. 23, 1947, с. 3—43.
- ¹² Крастынь Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914—1916 гг.)— М., 1932.
- ¹³ Романов Ф. А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914—февраль 1917 года)— М., 1949.
- ¹⁴ Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции.— М.—Л., 1935.
- ¹⁵ Лещин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 16.

ГЛАВА I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 89.
- ² КПСС в резолюциях..., т. 1.—М., 1970, с. 403—404.
- ³ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах).—М., 1925, с. 93.
- ⁴ Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917—1920 гг.—Мн., 1966, с. 73.
- ⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II.—М., 1956, с. 630.
- ⁶ Погрёбинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России.—М., 1954, с. 243.
- ⁷ Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900—1917 гг., с. 107.
- ⁸ Подсчитано по: Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. I.—М., 1921, с. 4—35, 38.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 19.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 308—309.
- ¹¹ Там же, с. 307.
- ¹² Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг.—Мн., 1962, с. 21—23.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 61.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 234.
- ¹⁵ Земские избирательные списки.—Минские губернские ведомости, 1914; Могилевские губернские ведомости, 1914.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 308—309.
- ¹⁷ Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске (ЦГИА БССР в г. Минске), ф. 325, оп. 2, д. 525, 530, 538, 542, 544, 547, 553, 565, 568, 570, 573, 583, 590, 593, 596, 606, 609, 614, 617, 620, 624, 632—633, 636, 642, 645—646, 653, 658, 663, 666, 679, 684, 689, 692, 697, 701, 716—717, 720, 740, 743, 748, 751, 756, 765—767, 772—775, 787, 792, 795—796, 950, 973, 991, 996, 1000, 1005, 1026, 1035, 1039; ф. 325, оп. 3, д. 96—97, 99—101, 115—116, 118—120, 127—130, 134—135, 137, 140, 142, 144, 156—157, 160, 184—185, 204, 208, 211, 219, 221, 227—228, 234, 236, 238, 272; ф. 2084, оп. 1, д. 623, 625—628, 630, 676—677, 679, 767—770, 830—837, 879.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 91.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 82—83.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 202—203.
- ²¹ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 24.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 64.
- ²³ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 92.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 263.
- ²⁶ Лининский Л. П., Лукьянов Е. П. Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями, с. 53.
- ²⁷ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 6—13, 54, 61, 206—213.
- ²⁸ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии.—Витебск, 1910, с. 23; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи

- 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ, т. V, вып. 1.—М., 1921, с. 54.
- 29 Статистический ежегодник за 1923—1924 гг.—Мн., 1925, с. 83—84.
- 30 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 151.
- 31 Там же, с. 156.
- 32 Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 130.
- 33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 139.
- 34 Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 91.
- 35 Россия в мировой войне 1914—1918 гг., с. 21, 29.
- 36 Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 43.
- 37 Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 207.
- 38 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, л. 20352.
- 39 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25432, л. 3.
- 40 Там же, оп. 3, д. 20251, л. 20.
- 41 Там же, оп. 3, д. 20352.
- 42 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9176, л. 122.
- 43 Там же.
- 44 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 325, оп. 1, д. 967, л. 141—142.
- 45 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9176, л. 145.
- 46 Там же, л. 188.
- 47 Центральный государственный исторический архив БССР в г. Гродно (ЦГИА БССР в г. Гродно), ф. 18, оп. 1, д. 2552, л. 11, 16.
- 48 Там же, л. 6.
- 49 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 29, л. 11; ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25412, л. 28.
- 50 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25412, л. 59—60.
- 51 Там же, д. 25377, л. 119.
- 52 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20412, л. 3.
- 53 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 20252, л. 1.
- 54 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20253, л. 26.
- 55 Там же, д. 20352, 20354.
- 56 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49292, л. 1.
- 57 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20253, л. 31.
- 58 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49502, л. 634.
- 59 Там же, л. 130.
- 60 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20249, л. 7.
- 61 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9177, л. 138.
- 62 Там же, д. 9096, л. 141, 149, 154 и др.
- 63 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25657, л. 6—7.
- 64 Там же, л. 1.
- 65 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2499, оп. 1, д. 205, л. 240—241.
- 66 Там же.
- 67 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1070, л. 2.
- 68 Вестник Могилевского земства, 1917, № 3, с. 10—14.
- 69 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Майские и ноябрьские собрания 1915 г.—Мн., 1916, с. 21—23.
- 70 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 325, оп. 1, д. 967, л. 117.
- 71 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Мартовские собрания 1916 г.—Мн., 1916, с. 28—34.

- ⁷² Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III.—Мн., 1953, с. 840.
- ⁷³ Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Октябрьские собрания 1916 г.—Мн., 1916, с. 11.
- ⁷⁴ Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 194.
- ⁷⁵ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 242, оп. 1, д. 36940, л. 1.
- ⁷⁶ Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 98.
- ⁷⁷ Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Октябрьские собрания 1916 г., с. 21.
- ⁷⁸ Там же, с. 16—17.
- ⁷⁹ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 160—161; Липинский Л. П., Лукьянов Е. П. Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями, с. 218—219.
- ⁸⁰ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 181, л. 104.
- ⁸¹ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 504—523.
- ⁸² Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Октябрьские собрания 1916 г., с. 15.
- ⁸³ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1070, л. 39—40.
- ⁸⁴ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9181, л. 284.
- ⁸⁵ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25255, л. 90.
- ⁸⁶ Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г., с. 11.
- ⁸⁷ Там же, с. 111.
- ⁸⁸ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9176, л. 145.
- ⁸⁹ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20352.
- ⁹⁰ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 18, оп. 1, д. 2552, л. 11.
- ⁹¹ Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Майские и ноябрьские собрания 1915 г., с. 16.
- ⁹² Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 7, 59, 207. В монографии А. М. Анфимова «Российская деревня в годы первой мировой войны» (с. 205) число хозяйств без рабочего скота по этим губерниям определяется в 15,1%. Расхождение объясняется тем, что нами подсчеты проводились только по белорусским уездам этих губерний.
- ⁹³ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9033, л. 10.
- ⁹⁴ Там же, л. 172.
- ⁹⁵ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 31.
- ⁹⁶ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9032, л. 518.
- ⁹⁷ Там же, д. 8982, л. 84—86.
- ⁹⁸ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 50064, л. 918.
- ⁹⁹ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8985, л. 68.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 9028, л. 355.
- ¹⁰¹ Там же, л. 288, 315—316, 332.
- ¹⁰² ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 299, оп. 3, д. 3235, л. 97.
- ¹⁰³ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8985, л. 59.
- ¹⁰⁴ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 299, оп. 3, д. 3235, л. 27—28.
- ¹⁰⁵ ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 325, оп. 1, д. 883, л. 20.
- ¹⁰⁶ Урожай хлебов в России в 1916 году.—Пг., 1917, с. XX—XXI.
- ¹⁰⁷ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 года..., с. 6—13, 54—61, 206—213.
- ¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 132, л. 406, л. 23.

- 109 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 2518, л. 3.
- 110 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 5, л. 28.
- 111 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 18, оп. 1, д. 2548, л. 19.
- 112 Доклады Могилевской губернской земской управы по продовольственному отделу.— Могилев, 1917, с. 21.
- 113 Там же, с. 25.
- 114 Там же, с. 24.
- 115 Сельское хозяйство в России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.— М., 1923, с. 275.
- 116 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 132, д. 406, л. 23.
- 117 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25403, л. 256.
- 118 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 18, оп. 1, д. 2358, л. 214—218.
- 119 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 1045, л. 24.
- 120 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Майские и ноябрьские собрания 1915 г., с. 21—23.
- 121 ЦГИА СССР, ф. 291, оп. 132, д. 392, л. 79.
- 122 Там же, л. 78.
- 123 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Декабрьские собрания 1916 г., с. 23.
- 124 Подворная перепись скота в Витебской губернии, произведенная 13—15 июня 1915 г., с. 5.
- 125 Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года...
- 126 Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г., с. 37—42; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 6—13, 54—61, 206—213.
- 127 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2084, оп. 1, д. 488, л. 15; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года..., с. 206—213.
- 128 Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 240.
- 129 Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), ф. 12593, оп. 52, д. 76.
- 130 Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг.— Пг., 1916, с. 27.
- 131 Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917—1920 гг., с. 112.
- 132 Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 311.
- 133 Известия Всероссийского союза городов, 1917, январь, № 40, с. 129.
- 134 Там же, с. 128.
- 135 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг.— Мн., 1917, с. 1.
- 136 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 740, л. 20—22.
- 137 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1, оп. 1, д. 6639, л. 6—7.
- 138 Там же, л. 18.
- 139 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 809—810.
- 140 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 739, л. 29.
- 141 Там же, л. 8, 10.
- 142 Там же, л. 10.
- 143 Там же, л. 4.
- 144 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8539, л. 542—543.

- 145 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 379, л. 2.
146 Там же, л. 7—10.
147 Там же, д. 663, л. 17—18.
148 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 17.
149 Там же, л. 561.
150 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 741, л. 2.
151 Там же, л. 23.
152 Там же, л. 54.
153 Там же, д. 742, л. 19.
154 Там же, д. 665, л. 97.
155 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 132, д. 44, 23—32.
156 ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 1, д. 193, л. 95.
157 Там же, д. 255, л. 87.
158 Там же.
159 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 665, л. 109.
160 Там же, л. 85.
161 Там же, л. 99.
162 Журнал 5-го очередного Минского губернского земского собрания.— Мн., 1916, с. 10.
163 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 5.
164 Отчет о деятельности городской комиссии по удовлетворению насущных нужд г. Минска за время с 1 января по 1 июля 1916 г.— Мн., 1917, с. 5.
165 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 5.
166 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 137, оп. 1, д. 73, л. 26; д. 75.
167 Там же, л. 73, л. 26; д. 127.
168 Там же, д. 79, л. 71.
169 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 5.
170 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 137, оп. 1, д. 113.
171 Там же, л. 77, л. 46.
172 Там же, д. 80, л. 8—9.
173 Там же, д. 77, л. 1.
174 Там же, д. 113.
175 ЦГВИА СССР, ф. 12593, оп. 52, д. 76.
176 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 742; д. 1046, л. 19.
177 ЦГИА БССР, в г. Минске, ф. 2100, оп. 1, д. 117, л. 1.
178 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 4.
179 Там же, с. II—IV.
180 Там же, с. IV.
181 Доклады Могилевской губернской земской управы по продовольственному отделу, с. 1.
182 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. II.
183 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 156.
184 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 10.
185 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8597, л. 1.
186 Там же, л. 11, 15.
187 Там же, л. 39.
188 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49456, л. 975.

- 189 Там же.
- 190 Витебский вестник, 1915, 26 авг.
- 191 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2084, оп. 1, д. 511, л. 3.
- 192 Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 12.
- 193 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40—41.
- 194 Вестник Могилевского земства, 1917, № 3, с. 19—21.
- 195 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 25.
- 196 Статистический сборник за 1913—1917 гг. Труды ЦСУ, т. VII, вып. 1, с. 118—119.
- 197 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49765, л. 3.
- 198 Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.—М., 1926, с. 156—161.
- 199 Зарботки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914—июнь 1916 гг.)—М., 1918, с. 32, 54—55.
- 200 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1766, оп. 1, д. 76.
- 201 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49349, л. 3.
- 202 Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг., с. 150—153.
- 203 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 45, л. 28—30.
- 204 ЦГИА УССР, ф. 575, оп. 1, д. 224, л. 223.
- 205 Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, с. 26, 212.
- 206 Экономический обзор Витебской губернии за 1914 г.—Витебск, 1915, с. 12.
- 207 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 829.
- 208 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Майские и ноябрьские собрания 1915 г., с. 46.
- 209 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 471.
- 210 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 740, л. 20—22; Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг., с. 1.
- 211 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 132, д. 406, л. 1.
- 212 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 137, оп. 1, д. 76, л. 59.
- 213 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 665, л. 99.
- 214 ЦГАОР БССР, ф. 745, оп. 1, д. 6; ф. 740, оп. 1, д. 22, л. 50.
- 215 Доклады Минской губернской земской управы VI очередному губернскому земскому собранию и проект сметы на 1916 г.—Мн., 1917, с. 76.
- 216 Доклады Минской губернской земской управы VI очередному губернскому земскому собранию и проект сметы на 1917 г.—Мн., 1917, с. 69—70, 75, 94.
- 217 Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 107.
- 218 Цит. по: История Белорусской ССР, т. 1, с. 626.
- 219 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25732, л. 69.
- 220 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49746, л. 1.
- 221 Там же, д. 49766, л. 4—6.
- 222 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 44, л. 1—5.
- 223 Там же, ч. 12, л. 12—13.
- 224 Там же, ч. 45, л. 28—30.

ГЛАВА II

- 1 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2498, оп. 1, д. 12, л. 32—33.
- 2 Там же, л. 33.
- 3 История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2.—М., 1966, с. 568—569.
- 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 50.
- 5 История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 569.
- 6 Могилевский вестник, 1914, 29 июля.
- 7 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49785/485, л. 2—2а.
- 8 Бугаев Е. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии, с. 85.
- 9 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2009, оп. 1, д. 773, л. 28.
- 10 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 9, ч. 12, л. 5.
- 11 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 138, ч. 10, л. 8.
- 12 Там же, ч. 40.
- 13 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 2, оп. 25, л. 3132, л. 5—6.
- 14 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 5-е д-во, оп. 150, 1914 г., д. 360, т. 6, ч. 15.
- 15 ЦГИА УССР, ф. 318, оп. 1, д. 2465, л. 132—133.
- 16 Там же, л. 2463; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 896, л. 21.
- 17 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 41.
- 18 Там же, с. 21—22.
- 19 Там же, с. 7.
- 20 Там же, с. 354—355.
- 21 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 12, лит. В, л. 22.
- 22 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1916 г., д. 108, ч. 40, л. 3—4.
- 23 Клиорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте—Мн., 1925, с. 9.
- 24 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, ч. 45, лит. Б, л. 74.
- 25 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 45, л. 11.
- 26 Там же, д. 5, ч. 12, лит. Б, л. 7.
- 27 Там же, д. 9, ч. 45, лит. Б, л. 11.
- 28 Цит. по: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. I, с. 258.
- 29 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 5, ч. 45, л. 1—2.
- 30 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., ч. 45, л. 14.
- 31 Там же, л. 22.
- 32 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 9, ч. 45, л. 1.
- 33 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте—Мн., 1957, с. 119—120; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 5, ч. 45, лит. Б.
- 34 Клиорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, с. 8—9.
- 35 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 44, л. 1—2.
- 36 Там же, д. 6, ч. 12, лит. В; д. 48, ч. 12.
- 37 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1420, оп. 1, д. 202, л. 577—578.
- 38 Там же, л. 375.
- 39 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 143—144.
- 40 Там же, с. 5—6.
- 41 Там же, с. 86.
- 42 Там же, с. 281, 300.

- 43 Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 1.— М.—Л., 1929, с. 6.
- 44 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49058, л. 174; д. 49077, л. 25—26; д. 49116, л. 93а; д. 49725, л. 91.
- 45 Там же, л. 131—134.
- 46 ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 45, лит. Г, л. 5—8, 13—14.
- 47 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49725, л. 133—134.
- 48 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 366, оп. 1, д. 370, л. 148.
- 49 Ходаков Г. Очерки истории Саратовской организации КПСС, ч. 1.— Саратов, 1957, с. 230.
- 50 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49756, л. 1—2.
- 51 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 34, л. 862, 905, 908.
- 52 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49116, л. 76; д. 49515, л. 429.
- 53 Там же, д. 49116, л. 100; д. 49515, л. 351.
- 54 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8603, л. 422.
- 55 ЦГИА УССР, ф. 575, оп. 1, д. 507, л. 98—99.
- 56 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8603, л. 482.
- 57 Там же, д. 9105, л. 212.
- 58 Там же, л. 262.
- 59 Диренок Е. Д. Полесская организация большевиков в борьбе против царизма, с. 173.
- 60 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49755, л. 18.
- 61 Там же, л. 72—73, 95—98.
- 62 Там же, л. 137.
- 63 Там же, л. 95.
- 64 Там же, д. 49116, л. 36.
- 65 Там же, д. 49725, л. 72—73.
- 66 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 858.
- 67 Там же, с. 858; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1916 г., д. 108, ч. 41, л. 5.
- 68 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49725, л. 112—113.
- 69 ЦГИА УССР, ф. 575, оп. 1, д. 224, л. 222, 225.
- 70 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1916 г., д. 41, ч. 2, л. 4—5.
- 71 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1916 г., д. 3, ч. 33, л. 39.
- 72 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 863—864.
- 73 Там же, с. 854.
- 74 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 45, лит. Б, л. 1.
- 75 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 11369, л. 237.
- 76 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 858.
- 77 Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1, с. 215.
- 78 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 167, ч. 45, л. 28—30.
- 79 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 167, ч. 12, л. 12—13.
- 80 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 138, ч. 41, л. 9.
- 81 Там же, л. 1.
- 82 Там же, ч. 1, л. 13.
- 83 Там же, л. 29.
- 84 Там же, л. 15.
- 85 Там же, л. 24.

- 86 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8591 б., л. 202—203.
- 87 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 759.
- 88 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 138, ч. 40, л. 21.
- 89 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1914 г., д. 2, ч. 32, л. 31; ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 1, д. 39, л. 3—5.
- 90 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1914 г., д. 2, ч. 32, л. 26.
- 91 ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 1, д. 40, л. 2.
- 92 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е д-во, 1914 г., д. 2, ч. 32, л. 26.
- 93 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 138, ч. 40, л. 48—53.
- 94 Там же, л. 7.
- 95 Там же, д. 141, ч. 40, л. 16—17.
- 96 Там же, д. 138, ч. 40, л. 27.
- 97 Там же.
- 98 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8597, л. 23—25.
- 99 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 48806, л. 1—57.
- 100 Там же, л. 44.
- 101 Там же, л. 10.
- 102 Там же, л. 57.
- 103 Там же.
- 104 Там же, л. 29—30, 56, 67; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 10, ч. 10, т. 2, л. 40—42.
- 105 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 9, ч. 10, л. 131.
- 106 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 132, д. 892, л. 36.
- 107 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 79.
- 108 Там же.
- 109 Там же, с. 81.
- 110 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49116, л. 93а.
- 111 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 366, оп. 1, д. 370, л. 148.
- 112 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49725, л. 131—134; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, ч. 45, лит. Г, л. 5—8, 13—14.
- 113 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1165, л. 319.
- 114 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 793.
- 115 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49134, л. 46.
- 116 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 15, л. 432—433.
- 117 Там же, д. 53, л. 3.
- 118 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49116, л. 10.
- 119 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 824.
- 120 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 79.
- 121 Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны, с. 362.
- 122 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9028, л. 3.
- 123 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 793.
- 124 Там же, с. 870.
- 125 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 3013, оп. 1, д. 2481—2483.
- 126 Там же, д. 2478, 2479.
- 127 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2662, оп. 1, д. 26.
- 128 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 256, оп. 1, д. 58.
- 129 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 988, оп. 1, д. 224.

- 130 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 694, оп. 4, д. 4830—5033.
- 131 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 242, оп. 1, д. 36654.
- 132 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 50, оп. 1, д. 319, 324.
- 133 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 333, оп. 1, д. 64—66.
- 134 Там же, д. 4.
- 135 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 38—169.
- 136 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 333, оп. 1, д. 66, л. 33; Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 869—870.
- 137 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 313—314.
- 138 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8602, л. 169; д. 8603, л. 522; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 1, л. 22.
- 139 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8603, л. 365—366.
- 140 Там же, д. 9040, л. 308.
- 141 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., л. 41, ч. 1, л. 1.
- 142 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25472, л. 8, 11—12.
- 143 Там же, л. 18.
- 144 Там же, д. 25439, л. 319, 423.
- 145 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 62, оп. 1, д. 660, л. 1.
- 146 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 18, оп. 7, д. 670, л. 8.
- 147 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 397, оп. 2, д. 106, л. 3—4.
- 148 Там же, д. 70, л. 3—4.
- 149 Там же, д. 109, л. 3—4.
- 150 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 62, оп. 2, д. 35, л. 4.
- 151 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 2, оп. 2, д. 3361, л. 3.
- 152 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1565, оп. 2, л. 81.
- 153 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9279, л. 9.
- 154 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 269, оп. 1, д. 67, л. 1; д. 68, л. 1; д. 69, л. 1; д. 70, л. 1.
- 155 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2807, оп. 1, д. 6—10; ф. 2808, оп. 1, д. 15, л. 3—4; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1916 г., д. 41, ч. 2, л. 1.
- 156 ЦГВИА СССР, ф. 1914, оп. 1, д. 4, л. 165; ф. 1915, оп. 4, д. 4, л. 55—56; ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 91, л. 3—5.
- 157 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 1, д. 25751.
- 158 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 47, оп. 5, д. 21, л. 28—29.
- 159 Там же, л. 5.
- 160 Там же, л. 4; оп. 1, д. 368, л. 322, 546.
- 161 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 47, оп. 2, д. 9, л. 17—18, 24.
- 162 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 83, оп. 2, д. 13, л. 203, д. 11, л. 122; ф. 85, оп. 1, д. 35, л. 1—3.
- 163 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 47, оп. 1, д. 368, л. 624—625.
- 164 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8602, л. 3—12.
- 165 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 47, оп. 1, д. 368, л. 645.
- 166 Там же, л. 546.
- 167 Там же, л. 322.
- 168 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 7, л. 22.
- 169 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 83, оп. 2, д. 11, л. 171; д. 12, л. 33; д. 13, л. 109.
- 170 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 62, оп. 1, д. 305, л. 1—6.
- 171 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9461, л. 2, 4—5.
- 172 Там же, д. 9105, л. 300.
- 173 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 41, ч. 6, л. 11.

- 174 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9040, л. 867.
175 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 242, оп. 1, д. 36644.
176 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1085, оп. 2, д. 4—6.
177 ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 2, д. 3161, л. 77—80.
178 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2499, оп. 1, д. 205, л. 481.
179 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9040, л. 286—293.
180 Там же, д. 8602, л. 42.
181 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 53, л. 3.
182 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 872.
183 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 53, л. 3.
184 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 92706, л. 81.
185 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 829.
186 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9078, л. 2.
187 Там же, д. 9040, л. 493.
188 Там же, д. 9216, л. 88, 99, 485.
189 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 4, л. 25.
190 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49116, л. 1—2.
191 Там же, л. 10.
192 Там же, л. 10 об.
193 Там же, д. 49456, л. 774.
194 Там же.
195 Там же, д. 53841.
196 Там же.
197 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2499, оп. 1, д. 205, л. 240—241.
198 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 69.
199 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9096, л. 277.
200 Там же, д. 9176, л. 185.
201 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49393, л. 182—185.
202 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20251.
203 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49385, л. 3.
204 Там же, д. 49414, л. 1.
205 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25439, л. 456.
206 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49134, л. 20.
207 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9464, л. 212.
208 Там же, д. 9040, л. 2835.
209 Там же, д. 9275, л. 1—2; д. 9464, л. 202, 216—217; д. 9465, л. 189; д. 9664, л. 29—30.
210 Там же, д. 9179, л. 74—84.
211 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 2, оп. 25, д. 3132, л. 63.
212 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 29, л. 15—16, 28.
213 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9239, 9464, 9466.
214 Там же, д. 9464, л. 245—248.
215 Там же, л. 223—229.
216 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25432, л. 25—26.
217 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 3, д. 20387—20388.
218 Там же, д. 20416.
219 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9464, л. 58—63.
220 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49453, л. 66—67.
221 Там же, д. 49502, л. 130.
222 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9464, л. 194—198, 238, 250—252, 257—259, 264—265, 280—281, 290—291, 293—294.

- 223 Там же, д. 8602, л. 57.
- 224 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 3, л. 4.
- 225 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 176.
- 226 Там же, л. 23.
- 227 Там же, л. 428—430; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 3, л. 6.
- 228 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 10, ч. 2, т. 2, л. 4; ч. 7, л. 31; ч. 3, л. 2.
- 229 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 1, д. 2409, л. 46.
- 230 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 442.
- 231 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 705, оп. 1, д. 43, л. 31; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 4, л. 23.
- 232 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 6, л. 64.
- 233 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2633, оп. 1, д. 1, л. 391.
- 234 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 71, оп. 1, д. 16, л. 30, 305—306, 311—312, 361—362.
- 235 Там же, д. 16, л. 504, 507—514, 526, 532; д. 81, л. 2, 47—48.
- 236 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 874.
- 237 Журналы общих собраний Минского общества сельского хозяйства. Майские и ноябрьские собрания 1915 г., с. 24.
- 238 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9028, л. 3.
- 239 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 300, оп. 1, д. 67, ч. 3, л. 707.
- 240 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 7, л. 70, 77.
- 241 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 421.
- 242 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 300, оп. 1, д. 67, ч. 3, л. 107.
- 243 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8986, л. 147.
- 244 Там же, д. 8988, л. 99—105; д. 9105, л. 412—413; ф. 300, оп. 1, д. 67, ч. 3, л. 760.
- 245 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 25265, л. 89.
- 246 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 480; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 3, л. 19, 32—33.
- 247 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9028, л. 171—172.
- 248 Там же, д. 9033, л. 19—22.
- 249 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 3, л. 43.
- 250 Россия в мировой войне 1914—1918 гг., с. 24.
- 251 Манниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.—М., 1920, с. 80—85.
- 252 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1453, оп. 1, д. 30, л. 2.
- 253 Россия в мировой войне 1914—1918 гг., с. 30.
- 254 Разложение армий в 1917 году. Сборник документов.—М.—Л., 1925, с. 7.
- 255 ЦГИА СССР, ф. 457, оп. 1, д. 82, л. 34.
- 256 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1420, оп. 1, д. 243, л. 484—485.
- 257 Там же, л. 522.
- 258 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 6.
- 259 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49077, л. 25—29, 36, 40.
- 260 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 369, оп. 1, д. 114, л. 528.
- 261 Там же, л. 21.
- 262 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 291, ч. 44, лит. Б, л. 3.
- 263 ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 369, оп. 1, д. 114, л. 34.
- 264 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8—9.

- 265 Саладкоў Ц. Е. Бальшавікі Беларусі ў перыяд першай сусветнай вайны і другой рускай рэвалюцыі, с. 106.
- 266 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 291, ч. 44, лит. Б, л. 2.
- 267 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 10, ч. 4, л. 3.
- 268 Россия в мировой войне 1914—1918 гг., с. 26.
- 269 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, с. 876.
- 270 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1740, оп. 1, д. 263, л. 31.
- 271 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 41, ч. 9, л. 9.
- 272 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2633, оп. 1, д. 3, л. 161—162.
- 273 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 3602, л. 85—86.
- 274 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2633, оп. 1, д. 3, л. 166; ф. 1740, оп. 1, д. 358.
- 275 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49109, л. 1; ф. 2001, оп. 1, д. 2107, л. 7—8; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 536, оп. 1, д. 4, л. 3.
- 276 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2633, оп. 1, д. 1, л. 277.
- 277 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2001, оп. 1, д. 2107, л. 7—8.
- 278 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1416, оп. 2, л. 25729.
- 279 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2633, оп. 1, д. 3, л. 43.
- 280 ЦГВИА СССР, ф. 1915, оп. 3, д. 2, ч. 2, л. 512.
- 281 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 9105, л. 482, 490—492; ЦГВИА СССР, ф. 1925, оп. 1, д. 160, л. 3, 10—11.
- 282 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 2001, оп. 1, д. 2094, л. 47.
- 283 ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 1637, оп. 1, д. 216, л. 3.
- 284 ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 4, д. 4, л. 11.
- 285 Разложение армии в 1917 г., с. 7.
- 286 ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 1, д. 242, л. 3—4; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 40, ч. 4, л. 32; ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8603, л. 114; ф. 1430, оп. 1, д. 49502, л. 503.
- 287 ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 5, д. 19, л. 13.
- 288 ЦГВИА СССР, ф. 1925, оп. 1, д. 330, л. 1—16.
- 289 ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 2, л. 808, л. 65—66, 73; ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 48, ч. 45, л. 16.
- 290 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 292.

ГЛАВА III

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11—12.
- ² Там же, с. 16—17.
- ³ Там же, с. 15.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 347.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 15.
- ⁶ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, 1914—1917 гг. Сборник материалов и документов.— Л., 1939, с. 201.
- ⁷ Большевизация Петроградского гарнизона. Сборник материалов и документов.— Л., 1932, с. 11.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 18.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 744, л. 82—85.
- ¹⁰ Кастрычнік на Беларусі.— Мн., 1927, с. 136.
- ¹¹ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 6; Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, с. 9;

- Красная быль. Большевики в Витебске. Сборник статей, воспоминаний и материалов.— Витебск, 1923, с. 22.
- ¹² Вестник Минского губернского комиссара, 1917, 14 марта.
- ¹³ Красная быль, с. 22.
- ¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 1, д. 246, л. 8, 11; ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 85, л. 5.
- ¹⁵ Витебский вестник, 1917, 8 марта.
- ¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 3, д. 301, л. 133—135.
- ¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 8, д. 1, л. 3.
- ¹⁸ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 1, д. 246, л. 8.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 85, л. 5.
- ²⁰ Там же, л. 121; Витебский листок, 1917, 13 марта.
- ²¹ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 3, д. 301, л. 45.
- ²² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 744, л. 133—135.
- ²³ Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Хроника событий.— Гомель, 1958, с. 11—12.
- ²⁴ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 120—121.
- ²⁵ Могилевский вестник, 1917, 7 марта.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1915, оп. 2, д. 9, ч. 1, л. 87, 95, 189, 334—335; ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 3260, оп. 1, д. 329, л. 12—13.
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 744, л. 63—64.
- ²⁹ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 6.
- ³⁰ Известия Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 7 марта; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы, т. 1.— Мн., 1957, с. 83—84.
- ³¹ Пролетарская революция, 1924, № 5(17), с. 253.
- ³² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 83—85.
- ³³ Пролетарская революция, 1924, № 5(17), с. 254.
- ³⁴ Там же, с. 253.
- ³⁵ ЦГВИА СССР, ф. 2048, оп. 4, д. 45, л. 10.
- ³⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1923, оп. 1, д. 586, л. 57.
- ³⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 91—92.
- ³⁸ Известия Минского Совета, 1917, 23 марта.
- ³⁹ Там же, 19 марта.
- ⁴⁰ ЦГВИА СССР, ф. 2048, оп. 4, д. 45, л. 10.
- ⁴¹ Красная быль, с. 23.
- ⁴² Витебский вестник, 1917, 8 марта.
- ⁴³ Красная быль, с. 25.
- ⁴⁴ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии, т. IV.— Мн., 1954, с. 24—25.
- ⁴⁵ Витебский вестник, 1917, 8 марта; Красная быль, с. 25.
- ⁴⁶ Витебский листок, 1917, 13 марта.
- ⁴⁷ Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов, с. 12—13.
- ⁴⁸ Гомельская копейка, 1917, 9 марта.
- ⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 3, д. 53, л. 11—12.
- ⁵⁰ Там же, д. 56, л. 14.

- ⁵¹ Оршанский вестник, 1917, 8 марта; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 97.
- ⁵² Революционный голос, 1917, 17 апр.; Пруслин Н. М. Барацьба за кастрычнік у Полацку.—Мн., 1934, с. 9—10.
- ⁵³ Могилевский вестник, 1917, 9 марта.
- ⁵⁴ Вестник Могилевского земства, 1917, № 4, с. 32—33; Могилевский вестник, 1917, 22 марта.
- ⁵⁵ Витебский вестник, 1917, 8 марта.
- ⁵⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 92.
- ⁵⁷ Известия Минского Совета, 1917, 14 марта.
- ⁵⁸ Там же, 16 марта.
- ⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 2048, оп. 4, д. 45, л. 6—7.
- ⁶⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 272.
- ⁶¹ Там же, с. 113—114.
- ⁶² ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 113, л. 315; ЦГВИА СССР, ф. 1915, оп. 2, д. 9, ч. 1, л. 363.
- ⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 113, л. 324.
- ⁶⁴ Там же, л. 328.
- ⁶⁵ Там же, д. 74, л. 98—99; д. 112, л. 191—192, 279.
- ⁶⁶ Там же, д. 112, л. 43—44, 83, 191; д. 48, л. 14—14 об.
- ⁶⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1915, оп. 2, д. 9, ч. 1, л. 120, 302—303; ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 113, л. 300—301; ф. 406, оп. 2, д. 149.
- ⁶⁸ ЦГВИА СССР, ф. 1915, оп. 2, д. 9, ч. 1, л. 363—370; ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 113, л. 315.
- ⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 146, л. 103.
- ⁷⁰ ЦГВИА СССР, ф. 2048, оп. 2, д. 3, л. 28; ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 149, л. 90 об.
- ⁷¹ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 1, д. 255, л. 45; ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 149, л. 101.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 18.
- ⁷³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 94.
- ⁷⁴ Вестник Минского губернского комиссара, 1917, 28 марта.
- ⁷⁵ Витебский вестник, 1917, 7 и 9 марта.
- ⁷⁶ Могилевский вестник, 1917, 8—11 марта.
- ⁷⁷ Там же, 8 марта.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 2, д. 85, л. 189, 190; д. 112, л. 104, 112; д. 113, л. 197, 209, 232, 245, 292; ЦГИА БССР в г. Минске, ф. 3260, оп. 1, д. 329, л. 12—13.
- ⁸⁰ Минский голос, 1917, 5 марта.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, 6 марта.
- ⁸³ Там же, 7 марта.
- ⁸⁴ Правда, 1917, 15 марта.
- ⁸⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1932, оп. 1, д. 246, л. 8; Витебский вестник, 1917, 9 марта.
- ⁸⁶ Витебский вестник, 1917, 8 марта.
- ⁸⁷ Там же, 9 марта.
- ⁸⁸ Красная быль, с. 42.
- ⁸⁹ Вечерний бюллетень «Витебского листка», 1917, 10 апр.

- ⁹⁰ Витебский вестник, 1917, 11 марта.
⁹¹ Могилевский вестник, 1917, 14 марта.
⁹² Вестник Могилевского земства, 1917, № 4, с. 32.
⁹³ Могилевский вестник, 1917, 14 марта.
⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 135.
⁹⁵ Там же, с. 156.
⁹⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 1, с. 91.
⁹⁷ Вестник Могилевского земства, 1917, № 4, с. 33.
⁹⁸ Красная быль, с. 37.
⁹⁹ Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии, ч. I, — Смоленск, 1920, с. 11.
¹⁰⁰ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 106.
¹⁰¹ Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі. Зборнік успамінаў і артыкулаў. — Мн., 1934, с. 46.
¹⁰² Известия Гомельского губернского комитета РКП(б), 1924, № 60—61, с. 98.

З а к л ю ч е н и е

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 325.
² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 24

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Социально-экономические предпосылки революционного движения трудящихся Белоруссии в годы первой мировой войны	7
Глава II. Революционное движение в Белоруссии в годы первой мировой войны	72
1. Забастовочное движение пролетариата	72
2. Крестьянское движение	94
3. Революционное движение в армии	128
Глава III. Победа Февральской буржуазно-демократической революции в Белоруссии	138
Заключение	160
Литература	165

ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ САВИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В БЕЛОРУССИИ

(август 1914 — февраль 1917 гг.)

Редактор *Н. И. Тараненко*
Обложка *И. Г. Славянина*
Художественный редактор *В. В. Савченко*
Технический редактор *С. А. Курган*
Корректор *М. А. Вечорко*

ИБ № 1118

Печатается по постановлению РИСО АН БССР.
Сдано в набор 12.11.80. Подписано в печать
05.03.81. АТ 07034. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип.
№ 1. Гарнитура литературная. Высокая печать.
Печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 9,9.

Тираж 2100 экз. Зак. № 2204. Цена 70 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук
БССР и Государственного комитета БССР по де-
лам издательства, полиграфии и книжной торгов-
ли 220600. Минск. Ленинский проспект, 68. Тиво-
графии им. Франциска (Георгия) Скорины: изда-
тельства «Наука и техника». 220600. Минск,
Ленинский проспект, 68.

Издательство

«НАУКА И ТЕХНИКА»

в 1981 году выпустит книгу:

Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. 10 л. На русском языке. Ориентировочная цена 1 р. 10 к.

В монографии кандидата исторических наук М. М. Смольянинова на богатом архивном материале показана деятельность большевиков Белоруссии и Западного фронта после июльских событий 1917 г. по разоблачению соглашательской политики меньшевиков и эсеров, завоеванию солдатских масс на сторону пролетариата и вовлечению их в активную борьбу за победу Октябрьской революции. Большое место отводится вопросам роста политической активности солдат, революционизирующего влияния их на крестьянские массы Белоруссии, показаны важнейшие факторы, способствовавшие большевизации солдатских масс.

Раскрыта роль революционных солдат Западного фронта в социалистической революции: показаны их выступления в поддержку вооруженного восстания в Петрограде, участие в осуществлении революционных преобразований в Белоруссии, в борьбе за претворение в жизнь ленинских декретов о мире, о земле и о власти.

Предназначена для научных работников, преподавателей вузов и студентов исторических факультетов, учителей средних школ, всех, кто интересуется историей Белоруссии.

*Заказы направляйте по адресу:
220600. Минск, Ленинский пр., 72.
Магазин «Академкнига».*